

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

10
2020

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

- 10.01.01 Russian literature
- 10.01.03 Foreign literature
- 10.01.08 Literary Theory. Textology
- 10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

- 10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies
- 10.02.01 Russian language
- 10.02.02 Languages of the Russian Federation
- 10.02.19 Theoretical linguistics
- 10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

- 24.00.01 Cultural history and theory
- 24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

GOALS OF THE JOURNAL: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

OBJECTIVES OF THE JOURNAL: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: lurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания.

Продвижение эмпирически-ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: lurganov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), RAS Institute of Slavic Studies/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, Ph.D, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), Ph.D, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testeleets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor:

Andrey L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

Учредитель и издатель:
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор:

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Пудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жениковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.И. Куликов, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия

- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Contents

Introduction

Everyday in Russian history. Experiences of reconstruction
(*Andrey L. Yurganov*) 10

Andrei V. Karavashkin

Human observing (visions, signs, prophecies in Ancient Russia) 15

Mikhail P. Odesskii

The career of the God Mars in the panegyric
literature of the Peter I's epoch 32

Igor' V. Kurukin

"Notorious position": life and "service" of the favorite
at the court of Catherine II in the late 18th century 41

Yuliya V. Kim

"Mother, showing no special affection for you, writes to you very friendly".
Count V.A. Musin-Pushkin's pre-wedding letters to his bride 59

Vyacheslav N. Gorelov

"With the permission of His Excellency the Count,
seven people are sentenced to send them to recruits..." 76

Oksana I. Kiyanskaya

"People of the twenties": Pavel Pestel and Ivan Burtsov 94

Aleksei S. Gulin

"Shackle (Kandalny) path" to Siberia by rail in 60–70-s of the 19th century.
The deportation system and everyday life of political exiles 105

Aleksandr B. Astashov

Medical nurses during the First World War. Daily life and work 118

Andrey L. Yurganov

Illustration of party unity in the magazine "Crocodile"
in the context of the struggle for power in the mid-20s 135

David M. Feldman

The topica of nostalgia. Soviet song in cinematography and on stage.
An essay on studying the multimedia space 146

Содержание

<i>Введение</i>	
Повседневность в истории России. Опыты реконструкции (<i>Андрей Л. Юрганов</i>)	10
<i>Андрей В. Каравашкин</i>	
Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси)	15
<i>Михаил П. Одесский</i>	
Карьера бога Марса в панегирической литературе петровской эпохи	32
<i>Игорь В. Курукин</i>	
«Известная должность»: жизнь и «служба» фаворита при дворе Екатерины II в конце XVIII в.	41
<i>Юлия В. Ким</i>	
«Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно»: предсвадебные письма графа В.А. Мусина-Пушкина своей невесте	59
<i>Вячеслав Н. Горелов</i>	
«С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты...»	76
<i>Оксана И. Киянская</i>	
«Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов	94
<i>Алексей С. Гулин</i>	
«Кандалный путь» в Сибирь по железной дороге в 60–70 гг. XIX в. Система пересылки и повседневная жизнь политических ссыльных	105
<i>Александр Б. Асташев</i>	
Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд	118
<i>Андрей Л. Юрганов</i>	
Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в.	135
<i>Давид М. Фельдман</i>	
Топика ностальгии. Советская песня в кинематографе и на эстраде: опыт изучения мультимедийного пространства	146

Введение

Повседневность в истории России. Опыты реконструкции

Повседневность – одна из самых трудных тем в истории России. Ее кажущаяся проста неочевидна, когда ставится вопрос – *как мы узнаем* чужую повседневность, если живем в своей собственной. Жизненные миры изменчивы не только на периферии, но и в эпицентрах. Повседневность тоже неодинакова. Если речь идет о процессе жизни, который нужно уловить во внешних проявлениях и во внешнем описании – это одно, а если речь идет о внутреннем сознании, о переживании жизни – то это уже другое.

При изучении, к примеру, вопросов быта каторжан могут быть существенны материальные аспекты, имеющие свою объективацию в статистике, правилах перемещения, перевозке, содержании заключенных и т. д. Но если речь идет о жизненном мире каторжан, то одними правилами каторги не обойтись: здесь потребуются реконструкция того, как именно осознавалась эта повседневность. Не данная нам непосредственно.

Словом, повседневность имеет два вида, которые могут пересекаться и дополнять друг друга, а могут и не пересекаться, – это формы повседневности, в которых мы видим ценностные приоритеты, и это формы презентации жизненного процесса в той или иной объективации.

Но опыт реконструкции необходим во всех направлениях изучения повседневности. Этому проблемному полю и посвящены статьи настоящего номера, о котором я позволю себе сказать более подробно.

В статье А.В. Каравашкина «Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси)» акцентируется внимание на том, что история не дана нам как сама по себе существующая – она есть следствие наблюдения, а не отражения. Один современник видит то, что хочет оценивать, превращая свой рассказ в собрание ха-

рактистик, а другой ничего не хочет оценивать – только фиксирует. «Типологии наблюдателя в русской средневековой словесности еще нет», – отмечает А.В. Каравашкин.

Путь к раскрытию чужой повседневности – это путь к топосам, к общим мотивам, в которых на долгие годы (иногда даже на столетия) устанавливаются привычки определять ситуацию знакомыми образами. Например, в «Ином видении», отмечает исследователь, «московские сторожа из Овощного ряда подсматривают за происходящим в усыпальнице великих князей снаружи, с паперти, сквозь замочную скважину... наблюдение через щель или замок стало топомосом восточнославянской книжности по крайней мере со времен Нестора...». Пророчества не только соединяются с повседневностью, но и становятся маркирующими признаками подлинности. В пророчествах Смуты видения довольно редки, в них нет прежней эсхатологической образности, зато житейские конфликты выражаются не в борьбе с бесами, как прежде, а в борьбе с «нерадивыми и погрязшими в пороках монахами».

Смена топосной риторики – один из главных элементов в реконструкции динамики культурных перемен – перемен прежде всего в том, что мы называем «повседневностью».

Статья М.П. Одесского («Карьера бога Марса в панегирической литературе петровской эпохи») – как раз о трансфере «новых политических конструкций и форм их выражения» в истории эмблем, геральдик. Сами эмблемы – это всегда сделанный выбор, в котором складывается приоритетный интерес либо к средневековью, либо к античности. Синтез в культуре – особая тема, ибо повседневность «нового времени» сочетала в себе естественным образом языческую культуру Древнего Рима в виде, например, бога Марса со вполне традиционным стилем христианских панегириков. Так на «языке» синтетической повседневности формируется особая имперская культура новой (петровской) России.

Не только обыденность мирского порядка есть повседневность, но и обыденность исполнительных функций власти – повседневность тоже, и только в опыте реконструкции того, как, например, ведет себя фаворит Екатерины Великой, П.А. Зубов в неформальной обстановке, можно увидеть непредсказуемую реальность жизненного мира, в которой органично соединяются функции исполнительного чиновника и высшего управленца империи. Фаворитизм – та повседневность, в которой каждому любимцу Екатерины отводилась своя роль. Зубов оказался хорош в странной (для современного человека) роли «спутника-собеседника».

И.В. Курукин (в статье «Известная должность»: жизнь и «служба» фаворита при дворе Екатерины II в конце XVIII в.) отмечает: «Камер-фурьерские журналы 1790-х гг. свидетельствуют, что значительную часть дня (по утрам, во время обеда, на “выходах”, дежурствах в качестве генерал-адъютанта, в “вечеровые часы”) Зубов проводил в обществе императрицы». Фаворит многофункционален, и только Екатерина знала, как использовать избранного ею человека в своей жизни. Никакого фаворитизма как такового, одномерного и безличного, не существовало вообще: фаворит всегда был порождением императорской воли. Его роль определялась ежедневными потребностями Екатерины II. «Перечисленные занятия требовали светского лоска, безупречного французского языка, танцевального мастерства – Зубову случалось открывать бал в паре с великими княжнами. И главного: умения – ежедневно, годами – быть интересным и обаятельным кавалером, чтобы не наскучить своей непростой даме» (И.В. Курукин).

Даже такие, казалось бы, «узнаваемые» ощущения, как чувство любви, достоинство брака, человеческих отношений, со временем претерпевают трансформации и становятся «неузнаваемыми» во взгляде нашего современника, не имеющего привычки думать так, как об этих фундаментальных ценностях думали люди другой исторической эпохи. Два письма В.А. Мусина-Пушкина, младшего сына археографа, графа А.И. Мусина-Пушкина, состоявшего в Северном обществе, были написаны невесте незадолго до свадьбы в 1828 г.: они выражают собой мировоззрение молодого аристократа, для которого существенны понятия семейного долга, родовой чести (статья Ю. Ким).

Фундаментально несходные установки жизненного мира людей разных эпох – одна из причин для ведения научных споров о природе политических чувств. В статье О.И. Киянской («Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов) анализируется поведение декабристов, окрашенное тонами байроновского романтизма. Фигура П.И. Пестеля – по-прежнему центральная. Каким он был? Этот вопрос интересен теоретически тем, что никакого другого Пестеля, кроме как во взглядах на него других людей, не существует. Нет Пестеля «для всех» – и оценки различаются не только набором личных чувств и привязанностей, но и суммой моделирующих обстоятельств политического контекста. В зависимости от того, кем хотели видеть себя люди, кому они подражали, какой идеал человека они воображали – строится и отношение к человеку. Но, как отмечает О.И. Киянская, кроме романтических чувств, для современников Пестеля были актуальны и прагматиче-

ские соображения – они уживались, не конкурируя друг с другом, но дополняя друг друга. Исследователь пишет: «...сам факт такого участия ставил членов тайного общества перед необходимостью скрываться и лгать собственным начальникам. Заговорщикам приходилось использовать для достижения целей заговора служебное положение, изыскивать деньги на организацию революции и т. п.».

Словом, литература и жизнь, быт и бытие сплетали свой узор культурной повседневности русского дворянина, не удовлетворенного собой и традиционным укладом жизни. Событийность и обиходность – взаимозаменяемая пара, из отрицания привычки рождается событие, но ведь и привычка когда-то была событием повседневности...

История без наблюдателя – не история, а социология в духе марксизма. Сколько угодно можно говорить и писать о рекрутской повинности в технике исполнения военного призыва, но невозможно себе представить – до опыта реконструкции, – как на практике эта повинность вписывалась в реальность жизни городского и крестьянского сообществ. Наказывающая функция военного призыва не была простой и однозначной. В статье Н. Горелова рассматривается, как взаимодействовали между собой власть помещика и власть крестьянских общин. Фактически рекрутская повинность чем-то напоминает свойства естественной природы устанавливать равновесие, с той лишь разницей, что равновесие устанавливается в повседневной жизни разно-обустроенных социальных миров.

Отдельный интерес исследователя к миру ссыльных в значительной мере определяется отсутствием живой конкретики быта арестантов. В статье А.С. Гулина анализируются не формы восприятия этого наказания, а внешние контуры самой жизни тех, кого отправляли на каторгу по железной дороге. Такого рода исследования не привязаны к конкретным оценкам всей системы, но демонстрируют повседневность ее безличного функционирования.

Опыт реконструкции жизненного мира крупной профессионально-социальной корпорации сестер милосердия в годы Первой мировой войны раскрывается в статье А.Б. Асташева. Основываясь на большом архивном материале, исследователь впервые показывает, как устроена была эта корпорация в повседневности войны. Впервые даются комплексные характеристики социально-антропологического порядка: возраст, образование, психологические характеристики сестер милосердия и т. д. Исследователь приходит к выводу, что применительно к требованиям самой эпохи эта корпорация оказывалась «на высоте требований».

В работах, посвященных советскому периоду истории (А.Л. Юрганов, Д.М. Фельдман), акцентируется внимание на изучении идеологем, в которых содержится мифическая отрешенность массового сознания. В статье Фельдмана впервые рассматривается природа ностальгии в повседневности советского человека.

Подытоживая сказанное, хочется отметить важность осмысления путей научной реконструкции, без которой немислимо понимание не только чужеродной повседневности, но и самой истории России. Привычное построение ее под политические события, да и сама «политическая история», нередко оказываются лишь модернизацией прошлого, ибо любое событие в своем политическом русле не явит себя как факт самосознания эпохи без изучения океана повседневности.

А.Л. Юрганов

Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси)

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, karavash2008@yandex.ru*

Аннотация. Пророчества, видения и знамения были широко представлены в памятниках восточнославянской письменности с первых шагов ее развития до XVII в. включительно. Автор статьи приходит к выводу, что предсказания в древнерусской литературе далеко не всегда сопровождалась видениями и знамениями. Иногда пророчества имели вполне будничный характер и были тесно связаны с описанием повседневной жизни. В работе рассматриваются два типа наблюдателя. Один – беспристрастно изображает все увиденное, не сопровождая свой рассказ оценками и характеристиками. Другой – активно соучаствует в событиях, делает предсказания важным элементом своей картины мира, стремится не только фиксировать происходящее, но и способствовать исполнению предсказаний.

Ключевые слова: предсказания, видения, знамения, символы, повседневность, жития святых, автор, повествователь, наблюдатель

Для цитирования: Каравашкин А.В. Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 15–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-15-31

Human observing (visions, signs, prophecies in Ancient Russia)

Andrei V. Karavashkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, karavash2008@yandex.ru

Abstract. Prophecies, visions and omens were widely represented in the monuments of East Slavic writing from the first steps of its development to the 17th century. The author of the article comes to the conclusion that predictions in ancient Russian literature were not always accompanied by visions and signs. Sometimes the prophecies were quite mundane and were closely

related to the image of everyday life. The paper considers two types of observers. The one impartially depicts everything seen, without accompanying the story with judgements and characteristics. The other actively participates in events, makes predictions an important element of their picture of the world, seeks not only to fix what is happening, but also to contribute to the fulfillment of predictions.

Keywords: predictions, visions, signs, symbols, everyday life, lives of saints, author, narrator, observer

For citation: Karavashkin, A.V. (2020), "Human observing (visions, signs, prophecies in Ancient Russia)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 15-31, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-15-31

Традиционно медиевистика уделяла большое внимание религиозно-символической составляющей древнерусских источников. И здесь, несмотря на запреты и ограничения антирелигиозной цензуры, ученые пользовались относительной свободой. Исследование видений, знамений и чудес довольно успешно проводилось советскими историками и филологами. Так что эта тема насчитывает в советской еще историографии не одно десятилетие¹. Были выявлены и систематизированы даже особые символические интерпретации исторических событий. Их рассматривали как примеры исторически-конкретной рефлексии над фактами общественной жизни и видели в них особую, специфически древнерусскую форму общественного сознания [Прокофьев 1975, с. 34–35].

Как правило, предсказания (в любой их форме) ученые считали частью грандиозной панорамы исторических событий, а к сопряжению профетизма и повседневности обращались редко. Между тем вся жизнь средневекового человека была проникнута связью с иной реальностью. И это взаимодействие рассматривалось почти буднично. На эту сторону древнерусских предсказаний, тесно связанных с фактами текущей жизни, а также с изображением частных, единичных случаев в древнерусской литературе, обратил внимание А.С. Демин [Демин 2010, с. 23–37]. Медиевист привлек довольно большой материал – от ранних летописных сообщений XI–XII вв. до памятников бытового повествования XVII в.

¹ Например, видениями Смуты занимались такие исследователи, как С.К. Шамбинаго, А.А. Назаревский, Н.И. Прокофьев. О религиозно-символической составляющей литературы Смутного времени см.: [Туфанова 2019, с. 81–101]. Там же литература по теме.

Но в интересующей нас теме есть еще один аспект. Это точка зрения наблюдателя, от лица которого чаще всего ведется повествование. Типологии наблюдателя в русской средневековой словесности еще нет. О многом мы судим весьма обобщенно, основываясь на самых расхожих априорных ожиданиях (этикет, канон, стили), но при этом упускаем из виду как «ментальное разнообразие» [Демин 2010, с. 23] памятников восточнославянской письменной традиции XI–XVII вв., так и ее склонность к конкретизации, к описанию деталей (не будем эксплуатировать дискредитировавший себя термин «реалистичность»).

В этой статье мы рассмотрим отдельные типы наблюдателя предсказаний в древнерусской литературе. Отметим, что пророчества, которые даются в памятниках, могут быть тесно связаны с религиозно-символической образностью, но это совершенно не обязательно. Многие видения носят устрашающий характер и при этом ничего похожего на пророчества не сообщают. Их цель в другом – внушить пастве смирение перед гневом Всевышнего, заставить покаяться. Например, Евфимия Чакольского, жившего на русском Севере во времена Смуты, носит по церкви и заламывает так, что он испытывает жесточайшие страдания. Люди видят это. Потом в своих объяснениях Евфимий сообщает, что так действует сама Богородица, желающая, чтобы люди принесли покаяние и отказались от скверных обычаев. Иногда причиной видений Евфимия становятся самые простые бытовые проступки верующих: на службе дети ссорятся, а на улице за церковью бабы в кустах косят траву, и это слышат все, находящиеся в храме².

Не менее показательным в этом смысле видение, случившееся в Архангельском соборе Московского Кремля. Некоторыми своими образами оно напоминает «страшилки» гоголевского «Вия». В «Ином видении» московские сторожа из Овощного ряда подсматривают за происходящим в усыпальнице великих князей снаружи, с паперти, сквозь замочную скважину (отметим, что наблюдение через щель или замок стало топосом восточнославянской книжности по крайней мере со времен Нестора, составившего в 80-е гг. XI в. «Житие Феодосия Печерского»)³. В пятый час ночи в храме начался шум и говор. Горела свеча. Кто-то постоянно читал за упоккой. Слышен был смех и споры. Причем доминировал низкий голос, который в конце прикрикнул на остальных так, что все подчинились и замолчали. А потом начался всеобщий великий плач. При

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. СПб.: Наука, 2006. С. 232.

³ Подробнее об этом см.: [Каравашкин 2019, с. 143].

этом был и свет, который то выхватывал из темноты своды собора, а то освещал пол. Показательно, что сторожа не смогли понять ни одного слова, да и лиц собравшихся в храме не рассмотрели. Они передают потом окольничему Головину и дьяку Булдакову лишь самое общее впечатление от увиденного и услышанного⁴. О смысле подобного рода «видения» можно было только гадать.

Настоящие пророчества заявляют о себе в годы Смуты там, где видения редки, а описания их лаконичны, где нет эсхатологической образности, где преобладают не странные перемещения по церкви и экстагические призывы к покаянию за малейший проступок, а чисто житейские конфликты и психологические детали. Да и войну подвижник ведет не с бесами, а с нерадивыми настоятелями и погрязшими в пороках монахами. Впрочем, и сам масштаб людского зла здесь несравненно больше, чем в откровениях пинежского крестьянина Евфимия Чакольского.

Речь идет о «Житии Иринарха Ростовского». Изображение неурядицы и неправды в основном связано в этом тексте с действиями людей. Прорицатель при этом не выглядит в глазах окружающих визионером, но ему все верят и приходят к нему, потому что пророчества сбываются. Описания его разговоров с людьми оставил монах Борисоглебского монастыря под Ростовом Великим. Ученик Иринарха Ростовского Александр прожил рядом со святым 30 лет. Вскоре после смерти подвижника, последовавшей в 1616 г., он создает его Житие, которое затем пополнялось новыми посмертными чудесами вплоть до середины XVII в. Как пророк Иринарх прославился еще при жизни. Причем самые впечатляющие его предсказания относятся к эпохе Смуты. Более того, святой общается с главными фигурантами Смуты практически один на один. Кого-то благословляет (Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский), а кому-то говорит о ближайшем будущем (Ян Петр Сапега). При этом многие его предсказания негативные.

Житие Иринарха состоит из эпизодов, описывающих страстотерпческое труженичество и непрерывные испытания, вызванные в том числе действиями ненавидящих подвижника церковных начальников. Видение о будущем разорении Русского государства от литовцев никак не выделяется на общем фоне: во сне старец увидел истерзанную землю, а голос повелел ему отправиться в Москву к царю Василию Шуйскому и рассказать всю правду. Однако этот эпизод не отмечен приемами торжественной риторики, образами и символами, трактуемыми о приходе в мир Антихриста. Напротив, это один из многих моментов в каждодневном служении подвиж-

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. С. 202.

ника. Царя Иринарх увидел в храме Московского Кремля, осенил Шуйского крестом, внушал ему крепко стоять за истинную веру. На дорогу царица приготовила затворнику в подарок два полотенца, от которых тот отказывается, сообщив, что приехал сюда не ради даров.

А вот эпизод, посвященный встрече затворника с активным сторонником Лжедмитрия II – королевским ротмистром Сапегой:

И отвечавъ старецъ: «Я в Руси рожденъ и крещень, и азъ за рускаго царя и Бога молю». И отвеща Сапега: «Правда въ батке велика: в коей земли жити, тому царю и прямити». И рече: «Паны тебя, господине, наши ограбили?». И отвещав старецъ: «Приехавъ панъ лють Сушинской, и пограбилъ весь монастырь, не токмо меня, грешнаго старьца». И отвеща Сапега: «И за то панъ Сушинской повешень». И рече старецъ пану Сапеге: «Возвратися, господине, во свою землю. Полно тебе в Руси воевать. Аще не изыдеши из Руси, или опять возвратишия в Русь, и не послушаеш Божия слова, то убиень будеши в Руси». И панъ Сапега умилился душею о словеси и рече: «Чемъ мне тебя даровать? Я такова батька нигде здесь, ни во иных землях крепка и безбоязна от нашего меча не наехалъ». И рече старецъ: «Я Святому Духу не указчикъ, я от Святаго Духа и питаюся. Какъ тебя Святыи Духъ научит, такъ и сотворишь по его святой воле». И Сапега рече старцу: «Прости, батко!» И поклонився, изыде с миром, и присла старцу на милостыню 5 рублевъ денегъ, и не веле монастыря тронуть ничемъ. И поиде Сапега с ратию в Переаславль. И бысть въ монастыре радость велия, что Господь Богъ избавил великаго пленения, а старецъ безпрестани моляся Богу со слезами, слезы ко слезамъ проливая, чтобы Господь Богъ избавилъ всю Рускую землю от пленения⁵.

В этом отрывке пророчество делается как бы между прочим. Оно становится важной частью обмена репликами, но почти не отмечено специальными приемами выразительности. Скорее, весь диалог становится одним таким приемом или сильной позицией текста, поскольку ярко характеризует ситуацию, дополняя рассказ важными психологическими оттенками: Сапега предстает как человек, способный слушать, отдающий дань уважения собеседнику, считающийся с его правдой, испытывающий даже определенное чувство вины за содеянное зло. Иными словами, литовский военачальник представлен тут не как традиционный враг Русской земли, а как человек, способный на глубокое религиозное чувство («умилися душею»), кающийся («Прости, батко!»), смиряющийся («изыде с миром»). Простота и даже незамысловатая народность

⁵ Там же. С. 488–490.

диалога заставляет вспомнить те характеристики, которые давал источникам Смуты А.А. Назаревский. Ученый отмечал, что для грамот начала XVII в. характерны как диалоговая форма, так и рифмы. Причем рифму исследователь деловой письменности Московской Руси рассматривал как особую форму эмоционального отношения к предмету речи [Назаревский 1961, с. 71–76]. Невозможно доказать, передает ли инок Александр реальный диалог затворника и Сапеги, но с помощью рифмы он подчеркивает важную для позиции старца идею: «в коей земли жити, тому царю и прямити».

Манера повествования, избранная составителем «Жития Иринарха Ростовского», не была чем-то из ряда вон выходящим, абсолютно исключительным. У агиографа были предшественники, причем в поле их зрения также попадали многочисленные предсказания.

Наиболее близким по типу пророчеств оказывается предшественник Иринарха – новгородский святой Михаил Клопский. Только если ростовский святой подвизался в основном как затворник-страстотерпец, то Михаил своим вызывающим и парадоксальным поведением больше напоминал юродивого. Повесть о Михаиле датируется 70–80-ми гг. XV в.

Предсказания юродивого не отличались разнообразием. В основном это предсказания-угрозы. И делаются они почти всегда одинаково бесстрастно. Посаднику, который начал притеснять монастырь, Михаил обещает: «Будеши без рукъ и без ногъ, мало в воде не утонеш!»⁶. Предсказание сбылось. Посадник, преследуя монастырских рыбаков, чуть не утонул, а когда его спасли, то оказалось, что он не может пошевелить ногами и руками. Пришлось вымалывать пощаду, развозя богатые милостыни по разным монастырям. Так велел юродивый. Нечто похожее повторилось, когда два новгородца поспорили из-за земли:

И прорече Михайло Олферью Ивановичу: «Будеши без рукъ и без ногъ и немъ!» И пришедши Олферий к церкви Святией Богородици в Курецко и молви: «Брате Иване, то земля моя!» Да по руки удариль, да рукавицею удариль в землю. Да по рукавицу наклонился, и уя у него рука и нога, и языкъ проч отнялся и не говорить⁷.

Можно подумать, что Михаил жесток, но ведь он объявляет не свою волю. Наиболее ярко это проявляется в беседах с князем

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 224.

⁷ Там же. С. 226.

Дмитрием Шемякой, который дважды приезжал в монастырь благословиться, чтобы вернуть назад великое княжение. Предыстория Шемяки словно не интересует автора. Разговор протекает в обычной обстановке. Князь даже не понимает всю силу пророчества. Ему кажется, что монахи могут выпросить у Бога великое княжение. Юродивый объясняет, что власть принадлежит Богу, и добиться ее у Шемяки не получится. Тем более что время его земной жизни подходит к концу:

И князь вопросы: «Михайлушко, моли Бога, чтобы достигнути мне своей отчине – великого княжения». И Михайла рече ему: «Княже, достигнеши трилактонаго гроба!» И князь, того не рядячи, да поехалъ достигати великого княжения. И Михайла рече: «Всуде тружаешися, княже, чего Богъ не дасть». И не бысть Божия пособья князю⁸.

Приезжая в монастырь во второй раз, Шемяка повторяет просьбу и дарит Михайлу со своего плеча шубу. Юродивый гладит князя по голове и трижды повторяет: «Княже, земля вопиет!»⁹. Вскоре князь умирает. Впрочем, так же спокойно говорит Михаил о собственной кончине и указывает монахам место, где его похоронить.

Из общего ряда предсказаний Михаила Клопского выбивается только посмертное пророчество о победе Ивана III при Шелони и о присоединении к Москве Новгорода¹⁰. Оно имеет ярко выраженный антиновгородский характер и касается событий, которые относятся к отдаленному будущему и связаны с историей всего Русского государства. Возможно, это пророчество имело прямое отношение к идеологической борьбе XV в. и было задним числом приписано Михайлу.

В то же время, что и Житие Михаила Клопского, создается рассказ монаха Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского. Перед нами дневник скорбных приготовлений человека, который, даже достигнув святости, не мог порвать с внешним миром. И вот теперь он изо всех сил стремится не участвовать в делах князя и своих мирских почитателей. Иннокентий, не скрывая душевной тревоги, детально фиксирует каждое распоряжение и каждый поступок старца. Тот вынужден скрывать предвидение о своей кончине даже от самых близких к нему людей. В том числе и от Иннокентия, с которым беседует намеками о приближающемся великом

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 230.

часе. Иногда он, конечно, проговаривается, и тема смерти так или иначе заявляет о себе.

Драматизм ситуации в том, что в самый ответственный для себя момент, когда требуется полная внутренняя сосредоточенность, Пафнутий не может избежать внимания людей. Он должен скрывать тайну своего ухода как от тех, кто находится за пределами монастыря, так и от многочисленных насельников обители, чтобы не подать повода для суеты, разговоров, выражения скорби и даже для тревоги. Тем не менее напряжение нарастает. Особенно это видно, когда священник верейского удельного князя Михаила Андреевича в течение долгого времени добивается встречи со старцем, но тот отказывается. И даже во время службы в храме святой вынужден уйти в алтарь, чтобы дожидаться, когда княжеский порученец оставит монастырь. Скрываемое Пафнутием предвидение каким-то образом (скорее всего, в виде слухов) стало быстро распространяться помимо воли святого. Скоро монастырь осаждают многочисленные посланцы и гонцы. Письмо приходит от самого Ивана III, затем от его матери, потом и от жены князя, гречанки Софьи Палеолог. Приносят письма и из других мест – от бояр и даже от простых людей. С грамотами иногда присылают и золото. Старец отказывается принимать кого бы то ни было, письма не читает, а дары отсылает назад.

Предсказанию Пафнутия суждено осуществиться в молчании и втайне. Оно адресовано избранному. Само погребение, в соответствии с его волей, скрыто от посторонних глаз. Своим уходом старец бросает вызов миру, в последний раз и уже бесповоротно отрекается от него. Предчувствие скорого ухода провоцирует крайне негативное отношение святого к власти и ее представителям. О них Пафнутий говорит как о чем-то опостылевшем и даже ему ненавистном. Предвидение меняет и самого подвижника, и окружающую его земную действительность, которая открывается в своем истинном свете. Это один из самых ярких эпизодов рассказа о смерти Пафнутия Боровского. Он обращается к Иннокентию с такими словами:

Что тебе на мысли? Не даси же ми от мира сего ни единъ часъ отдохнути. Не веси ли – 60 лет угажено миру и мирским человекомъ, княземъ и бояромъ: и въ сретенье им сованося, и в беседе съ ними маньячено (на встречах и в беседах с ними сколько было суеты и лести, – А. К.), и вследъ по них такоже сованося, а того и не вемъ, чесога ради? Ныне познах: никая ми от всего того полза, но паче души испытание о всемь¹¹.

¹¹ Там же. С. 276.

Перед нами особый контекст предсказания – повседневность в ее самом будничном, суетливом, недостойном великого часа виде.

О русской литературе XVI в. иногда говорят как о времени формализации, повторов, «второго монументализма», когда все традиционное собиралось и обобщалось, а новое с трудом пробивало себе дорогу. Эту закономерность переносят и на провидческие эпизоды повествовательных текстов: «В целом, бедность предсказаний в произведениях XVI в. не позволяет пока сделать решительный вывод о преобладавшем однообразии литературы этого периода, хотя такое впечатление все-таки складывается» [Демин 2010, с. 35].

И все же в литературе XVI в. мы находим один совершенно выдающийся в философском отношении, новаторский комплекс текстов, для которого мотив предсказаний и ближайшего будущего играет ключевую роль. Имеется в виду публицистический сборник Ивана Пересветова, дошедший в поздних списках XVII столетия. Свои «речи» служилый человек вывез из Литовской Руси. В так называемой «Малой челобитной», ставшей главным источником биографических сведений о публицисте, проситель подчеркивает: «И оставя яз тамо (в западных странах. – А. К.) дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению»¹².

Из этих слов можно заключить, что информаторы Пересветова сообщили ему о каком-то небесном знаке. Это, пожалуй, самая принципиальная для понимания пересветовского сборника фраза, хотя она и остается для нас загадочной. Смысл ее раскрывается только в контексте той системы воззрений, которую развернул на страницах своих сочинений апологет «вечной правды» – Иван Семенович Пересветов. Философия автора передается в сборнике через цепочку событий, имеющих причинно-следственную обусловленность. Чтобы лучше представлять, какую цель преследовал дворянский публицист и чему служили его пророчества и «знамения», восстановим фабулу, то есть фактическую, линейную связь эпизодов. Сразу отметим, что события эти имеют легендарно «апокрифический» характер. Пересветов описывает особый мир, живущий по собственным правилам.

Как сообщает вступительная «Повесть о взятии Царьграда турками», основание греческой столицы начинается с небесного знамения (борьба орла и змея), которое предсказывает завоевание царства неверными. Затем читатель переносится в другую эпоху. Речь

¹² Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А.А. Зимин. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 164.

идет о событиях, предшествующих катастрофе середины XV в. Предпосылки катастрофы изложены публицистом в «Сказании о царе Константине». Последний греческий царь Константин Иванович, как и великий князь Московский Иван IV, начинает править в три года (исторический Константин XI был провозглашен императором, когда ему было 44 года). Царством владеют бояре. Они не хотят, чтобы Константин был защитником христианства, думают о своем спокойствии, а не о справедливых войнах, которые нужно вести царю. Вельможи поддельвают священные книги, внося туда свои поправки. Суть изменений в том, что за оружие нужно браться только в случае нападения. Упреждающие боевые действия приведут к напрасному пролитию крови, которая взыщется с царя. Константин Иванович прочитал эти слова и стал кротким.

В это время набирают силу османы. Внешние враги решаются покончить с Греческим царством. В сценах, описывающих штурм византийской столицы войском Мехмеда II (в сборнике – Магмет-салтан), также появляются грозные предупреждения. Неизреченный свет собирается вокруг купола Св. Софии, а затем уходит на небо. В *седьмом часу ночи* над городом собирается тьма, «испускающе, аки слезы, капли велицы, подобни величеством и взором буйволному оку, черлены»¹³. Знаки указывают на то, что город обречен. Последний император ромеев погибает на развалинах крепости, а Царьград подвергается разрушению. Осквернены христианские храмы.

Патриарх Анастасий молится, обращаясь к Христу. Предстоятель церкви хочет понять, за что православное царство так жестоко наказано. Спаситель объясняет, что святыню свою не отдал на поругание, а взял на небо. Греки должны научиться закону «правды», потому что они предали забвению справедливый суд, вельможи беспокоились о личном обогащении, а духовенство было лицемерно и подвержено порокам. Итак, город наказан за пренебрежение высшей «правдой». В это время султан забирает у патриарха христианские книги, чтобы познакомиться с их содержанием. Его так восхищает изложенная в них «правда», что он проводит преобразования в своем государстве, основываясь на ее заповедях. Магмет собирался даже принять христианскую веру, но его отговорили вельможи.

Итак, Греческое царство имело «веру», но не имело «правды», а держава Магмета основывается на «правде», но пренебрегает истинной «верой». Проходит около ста лет, и в мире вновь появляются небесные знаки. На этот раз они указывают на русского царя.

¹³ Сочинения И. Пересветова... С. 142.

Один из информаторов Пересветова, валашский господарь Петр Рареш («воевода Петр»), провозглашает принцип, в соответствии с которым «правда» и «вера» должны быть едины. Его тревожит ситуация, сложившаяся в Русском государстве: ведь там опять есть «вера», но нет «правды»¹⁴. В итоговой «Большой челобитной» публицист проводит весьма недвусмысленную параллель между судьбой греческого царя Константина Ивановича и теми испытаниями, которые выпали на долю русского царя: «Толко, государь, то начинают в своих мудрых книгах и видоцеях (мудрые философы. – А. К.), что будет на тебя, на государя, ловление, аки же на царя Константина царяградскаго, от ворожеб и от кудес, то знаменуется укрочение воинству твоему мудрому...»¹⁵. Пересветов утверждает, что был свидетелем молитвы воеводы Петра о соединении «правды» и «веры» под эгидой Ивана IV:

И видел есми, государь, что Петр, волоский воевода, стал пред образом Пречистыя Владычица наша Богородицы помолитися со слезами о твоём многолетнем здравии, чтобы Господь Бог совершил твоё царское от Бога мудрое приращение к воинству счастливое во умножение веры христианския, во исполнение правды в твоём царстве...¹⁶

Получаемые знаки, предсказания, гадания дворянский публицист рассматривает как важное подтверждение своей правоты: ведь говорит он не от своего лица, но как представитель «вечной правды» и как посредник между царем и «философами мудрыми». Предсказания имеют в сборнике три наиболее распространенных вида: *речи* (пространные суждения философов и реформаторов, прения ученых провидцев о «правде» и «вере»), *книги* (не уточняется, какие именно) и *знамения* (причем о характере их почти ничего не сказано). Важно и то, что биография дворянского публициста, который добивается гармонии «правды» и «веры», им же и включена в легендарный апокрифический контекст.

Русский средневековый нарратив дает и другой яркий пример субъективно окрашенных *авторских* предсказаний. В Житии Епифания Соловецкого, соратника и «союзника» протопопа Аввакума, видения, знаки, пророчества ниспосланы как ответ на внутренние запросы подвижника. Вся жизнь монаха-мученика и страстотерпца проходит на границе между материальным и сверхъестественным. Инок словно всегда пребывает в «тонком сне». В этом смысле его

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ Там же.

творческая манера отличается от авторского почерка «огнепального протопопа», который всегда сохранял интерес к внешней реальности, устройству и тревогам земной жизни. Епифаний весь погружен в себя. Эпизоды Жития Епифания не складываются в единое целостное повествование, а визионерский план, тесно связанный с предсказаниями, нанизывается на личность главного (автобиографического) героя [Демкова 2008, с. 76]. «При этом обезличенные житийные ситуации, освещенные авторским наблюдением как бы изнутри, наполнились живым биографическим содержанием», – замечал исследователь творчества Епифания [Робинсон 1958, с. 224].

Предвидение, доступное Епифанию, имеет одно очень важное свойство: уходя корнями в агиографию и литературу мистического толка, оно присутствует как процесс. Мы становимся свидетелями того, как подвижник нечто видит «сердечными очима», затем увиденное развивается как особый второй план повествования (причем именно на этой стадии возможно «телесное соприкосновение со сверхреальным» [Ранчин 2007, с. 240]), и только потом смысл видения может быть постигнут с точки зрения его последствий для жизни и умонастроения аскета. Видения, таким образом, становятся фактом внутренней духовной жизни. Епифаний здесь – не внешний зритель, а самый непосредственный участник. Каждый раз он получает от высших сил заверения в том, что избранный путь правилен. Довольно типичной для автобиографического Жития оказывается следующая ситуация: бесы нападают на келью, но в это время раскрывается потолок, откуда «прихожаше... сила Божия... на беса, еже мучити его»¹⁷. Епифаний затем сам начинает мучить бесов, избивая их о скамьи и стены. Визионер при этом призывает в помощь Бога или Богородицу, а бесы исчезают, словно их и не было. Следует итоговая формулировка, например: «И после того больше году, мнит ми ся, не бывали беси ко мне в келию»¹⁸. Иногда бесы, которые были мертвыми в руках Епифания, разбредаются, покидая сакральное пространство, словно пьяные или сонные.

Сходную структуру имеют эпизоды, посвященные телесным исцелениям. В жанровом отношении они восходят и к видениям [Плюханова 1992], и к житиям мучеников [Демкова 2008, с. 77], но их принципы организации получили индивидуальную авторскую разработку именно в Житии Епифания. Первый эпизод – это так называемый «сон мал», в котором инок сподобился побеседовать со своим давно почившим другом Ефросином. Тот был погребен

¹⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17: XVII век. СПб.: Наука, 2013. С. 234.

¹⁸ Там же.

в Андомской пустыни, но вдруг оказался в открытом гробу в одной келье с Епифанием. Мертвец ожил и на расспросы о загробной жизни ответил, что нужно молиться Богородице. Вскоре покойник исчез, а Епифаний, продемонстрировавший в разговоре с ним свой страх перед загробным наказанием, получил по своим молитвам помощь Пречистой, в том числе после варварской казни, когда лишился большей части пальцев на руке. Известно, что за непреклонность в защите старой веры Епифаний дважды подвергался жестокому наказанию. Сначала в Москве «на Болоте» ему отсекали язык, а потом повторили эту же «казнь» в Пустозерске, вырезав выросший заново язык (или зажившие остатки языка) под корень. После пустозерского видения, в котором на покрове-«воздухе» страдалец увидел два своих языка, один из которых был «зело краснешенек»¹⁹, наступило исцеление. Само же видение, как подчеркивает автор Жития, было результатом молитвенного правила.

Итак, видения-предсказания в Житии Епифания касаются ключевых моментов его труженичества, становятся откликом на глубинные переживания героя, имеют важные последствия не только в духовном смысле, но и в осязаемом, физическом отношении.

Подведем итоги. Мы убедились в том, что религиозно-символическая образность вполне может обходиться без предсказаний, а предсказания – без религиозно-символической образности. Последняя нередко выступает в роли способа воздействия на суеверные разум и чувства, но не несет конкретной информации²⁰. Видения и знамения присутствуют в повседневной жизни, создавая пространство неопределенности, выступая исключительно суггестивным средством. Они внушают чувство таинственного. Все необычное относится к области *события*, нарушающего естественный порядок вещей, вызывающего страх. Пророчества, напротив, сообщают совершенно конкретные сведения (их можно проверить, убедившись в истинности сообщения, когда предсказанное случится или не случится вовсе), приурочены к четко обрисованным

¹⁹ Там же. С. 247.

²⁰ Как подчеркивает А.С. Демин, в литературе XII–XIII вв. отмечается или настороженное, или почти безразличное отношение к предсказаниям. Скептически относится к солнечному затмению Игорь из летописной повести (Ипатьевская летопись), фиксирует невозможность судить по знамениям о будущем один из составителей Галицко-Волынской летописи. В XV в., несмотря на обилие предсказаний-примет в памятниках воинского жанра, недоверие к знакам сохраняется. В «Сказании о Мамаевом побоище» в целом счастливые приметы Дмитрия Волынца до самого финала держат в тайне, поскольку бояться ложности предсказаний [Демин 2010, с. 31–34].

ситуациям, связаны с бытовой обстановкой, выражаются нередко в форме простейших диалогов. Они зачастую относятся к сфере *обиходного*. Трансцендентное, потустороннее здесь никак не маркировано. Соответственно, и чувства ужаса не вызывает. Причем сам процесс прорицаний для наблюдающего оказывается важнее, чем ответ на вопрос, как и при вмешательстве каких именно сил получено высшее знание. То есть перед нами один тип наблюдателя – *беспристрастный свидетель*. Ему дана лишь внешняя сторона события, а не его телеология (высшее назначение). Он и выбирает для рассказа об увиденном самые простые средства, ограничиваясь описанием. Именно к этому типу предсказаний мы относим эпизоды «Жития Иринарха Ростовского» и «Жития Михаила Клопского», а также рассказ Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского. Все три произведения могут быть отмечены как своеобразные *хроники повседневности* средневековой Руси.

Прямо противоположный тип наблюдателя – *повествователь-актор*. Он не только включен в действие, но и становится носителем смысла, активно раскрывает конечную цель и содержание пророчеств. Предсказания служат побудительным мотивом для его деятельности и даже являются частью его биографической ситуации. Их роль в раскрытии авторской мысли становится ведущей. В конечном счете ради исполнения пророчеств автор и создает произведение. Он нацелен на реализацию обещанного. Не ждет пассивно, когда все случится само собой, но стремится приблизить будущее, имея перед собой вполне отчетливую его картину. Она не обязательно позитивная. Для Пересветова, например, пророчество может и не совершиться, если свободная воля людей не будет направлена на достижение «правды». Для инока Епифания в земной жизни нет ничего, кроме страданий, а общая судьба Русского государства устремлена к конечной гибели вследствие апостазии: так что остается уповать только на загробное блаженство. Так, по мнению С.А. Демченкова, Епифаний убежден, что его предназначение не в борьбе и преображении жизни, но в мученичестве [Демченков 2018, с. 126]. То есть перед нами завершенная система взглядов и даже философия. И предсказания играют в этой мировоззренческой концепции свою заметную роль. Только вот сами знамения и прочие формы предвидений могут быть представлены совершенно различно и в определенном смысле непредсказуемо.

Богатый на религиозно-символическую образность XVI в. вполне мог бы подсказать Пересветову описание видений и знамений, достойных такого значительного повода: ведь речь шла о судьбе всего Русского государства. О высших приметах сказано, но они так и остаются вне авторского поля зрения. Детализированное описание видений мы находим только во вступительной «Повести о взя-

тии Царьграда турками». Но это заимствованный вводный текст. В остальных частях сборника картина прямо противоположная. Как наблюдатель автор фиксирует реакцию людей на полученные знаки (о «вечной правде» свидетельствуют «речи» и «книги»), а сами приметы так и остаются некими абстракциями. О них говорится неоднократно, но они совсем не описаны. Важна их роль, а не конкретные их проявления. У Пересветова они имеют функцию *горизонта* событий, того ожидаемого поворота в развитии действия, который планируется. Говоря о знаках, публицист всегда берет как бы самую высокую ноту, суггестивно отмечает важность своего повествования, которое ведется от лица вождеденной и неизменной Истины.

Напряженный визионерский опыт инока Епифания выразился в подробных и часто шокирующих своим натурализмом видениях. Избиения и случаи взаимного издевательства бесов и подвижника в Житии Епифания совсем не редкость. Иногда руки праведника оказываются мокрыми от крови и бесовского «мясища». Тем не менее смысл не в этих деталях (они лишь призваны подчеркнуть достоверность сакральной галлюцинации). Видения, как правило, играют у Епифания роль предсказаний. Обычно видения – результат тех или иных действий инока. В посланных свыше образах угадываются черты ближайшего будущего, связанные с аскезой или мученичеством монаха. С этой точки зрения показательно видение о двух языках – «пустозерском» и «московском». Отдельно существующий от хозяина и трепещущий в его руках язык символизирует победу мученичества над злой изобретательностью мучителя. После полученного знака (язык в тонком сне прирос к ране и стал здоровым) происходит чудо обретения нового языка уже в материальной реальности.

Итак, позиция наблюдателя, так отчетливо заявляющая о себе в агиографических, пророческих и визионерских текстах средневековой Руси, требует внимательного к себе отношения. Ведь от того, как мы интерпретируем данные рассказа о видениях, знаках и предсказаниях, во многом зависит верное понимание источника в целом. Сама же типология повествователя и автора как наблюдателей в древнерусской литературе – перспективная и многообещающая тема.

Литература

Демин 2010 – Демин А.С. Предсказания в древнерусской литературе // Лингвистическая герменевтика. М.: МПГУ, 2010. Вып. 2. С. 23–37.

Демкова 2008 – Демкова Н.С. О жанровой ориентации автобиографических житий протопопа Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 67–80.

- Демченков 2018 – *Демченков С.А.* Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 256 с.
- Каравашкин 2019 – *Каравашкин А.В.* Непосредственный опыт в текстах Древней Руси: игумен Даниил, инок Фома, протопоп Аввакум // Россия XXI. 2019. № 5. С. 142–153.
- Назаревский 1961 – *Назаревский А.А.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев.: Изд-во Киевского ун-та, 1961. 80 с.
- Плюханова 1992 – *Плюханова М.Б.* Житие Епифания в свете проблем жанра и традиции // *Gattungen und Genologie der slavisch-orthodoxen Literaturen des Mittelalters: (Dritte Berliner Fachtagung 1988)*. Wiesbaden, 1992. S. 117–137.
- Прокофьев 1975 – *Прокофьев Н.И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // *Литература Древней Руси*. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–37.
- Ранчин 2007 – *Ранчин А.М.* Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.
- Робинсон 1958 – *Робинсон А.Н.* Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. С. 203–224.
- Туфанова 2019 – *Туфанова О.А.* Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с.

References

- Demin, A.S. (2010), “Predictions in Old Russian literature”, *Lingvisticheskaya germe-nevtika*, MPGU, Moscow, Russia. pp. 23–37.
- Demkova, N.S. (2008), “On the genre orientation of the autobiographical lives of Arch-priest Avvakum and monk Epiphanius”, *Poetika russkoi literatury v istoriko-kul'turnom kontekste*, Nauka, Novosibirsk, Russia, pp. 67–80.
- Demchenkov, S.A. (2018), *Poslednii iz velikikh prorokov (bibleiskaya profeticheskaya traditsiya v “Zhitii” protopopa Avvakuma)* [The last of great prophets (the biblical prophetic tradition in the “Life” of Arch-priest Avvakum)], *Tsentr gumanitarnykh initsiativ*, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Karavashkin, A.V. (2019), “Direct experience in the texts of Old Russia. Abbot Daniel, monk Thomas, protopop (arch-priest) Avvakum”, *Rossiia XXI*, no. 5, pp. 142–153.
- Nazarevskii, A.A. (1961), *O literaturnoi storone gramot i drugikh dokumentov Moskovskoi Rusi nachala XVII veka* [On the literary side of the letters and other documents of Moscow Russia of the early 17th century], *Izdatel'stvo Kiyevskogo universiteta*, Kiev, USSR.
- Plyukhanova, M.B. (1992), “The life of Epiphanius in the light of the issues of genre and tradition”, *Gattungen und Genologie der slavisch-orthodoxen Literaturen des Mittelalters: (Dritte Berliner Fachtagung 1988)*. Wiesbaden, pp. 117–137.
- Prokof'ev, N.I. (1975), “On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature in the 11–16th centuries”, *Literatura Drevnei Rusi*, MGPI, Moscow, Russia, iss. 1, pp. 5–37.

- Ranchin, A.M. (2007), *Vertograd zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhmost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh* [The silver-tongued garden (Vertograd zlatoslovnyy). Old Russian book-learning in the interpretations, analyzes and comments], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Robinson, A.N. (1958), "The life of Epiphanius as a monument of didactic autobiography", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 15, AN SSSR, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 203–224.
- Tufanova, O.A. (2019), "*Drevnerusskaya literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen*" [Old Russian literature about the Time of Troubles as an artistic phenomenon], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; karavash2008@yandex.ru

Карьера бога Марса в панегирической литературе петровской эпохи

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется публицистическая функция эмблематической системы и, в частности, аллегорической фигуры бога Марса в русской панегирической литературе. В эпоху Петра I эта аллегория активно использовалась для оформления новой имперской идеологии. В панегирических драмах образ бога Марса служил для персонификации высших ценностей империи: новой воинственной России, самого героизируемого государя, русской армии.

Ключевые слова: эмблематическое искусство, публицистика, панегирическая драма, эпоха Петра I, империя

Для цитирования: Одесский М.П. Карьера бога Марса в панегирической литературе петровской эпохи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 32–40. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-32-40

The career of the God Mars in the panegyric literature of the Peter I's epoch

Mikhail P. Odesskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, modessky@mail.ru

Abstract. The article analyzes the function of the emblematic system and in particular the allegorical figure of the God Mars in Russian panegyric literature. In Peter I's epoch this allegory was actively used to formalize the new Imperial ideology. In panegyric dramas the image of the God Mars served to personify the highest values of the Empire: the new warlike Russia, the most heroized sovereign, the Russian army.

Keywords: emblematic art, publicism, political terms, panegyric drama, Peter I's epoch, empire.

For citation: Odesskii, M.P. (2020), "The career of the God Mars in the panegyric literature of the Peter I's epoch", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 32-40, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-32-40

В XVII – первой половине XVIII в. важным каналом трансфера новых политических конструкций и форм их выражения стал международный эмблематический тезаурус (функционировал как элемент риторической системы идеологом, образов и приемов их использования). Имеются в виду эмблемы, апеллирующие к античности и средневековому символизму, а также к геральдике и т. п.

Не вдаваясь в сложный вопрос о соотношении эмблемы с аллегорией, символом, знаком и т. д. или об истории аллегории и ее различных функциях (см., напр.: об эмблеме, аллегории и т. п. формах: [Лосев 1976, с. 139–183]), можно как минимум констатировать, что к XVII в. произошло сращение эмблематики с новой национальной и государственной идеей, которое получило политическое и одновременно художественное оформление.

При царе Алексее Михайловиче эмблематический дискурс начал активно осваиваться в России, а в эпоху Петра I наступил его подлинный расцвет. Задача данной статьи – рассмотрение петровской рецепции эмблематической традиции на показательном примере фигуры римского бога войны Марса. В качестве источников привлекается преимущественно панегирическая драма первой трети XVIII в., игравшая одну из главных ролей в правительственной пропаганде царя-реформатора [Одесский 2004, с. 54–55].

* * *

Формирование европейской эмблематической системы передачи политических конструктов происходит в эпоху Ренессанса. Так, в 1443 г. король Альфонс Арагонский с помпой отпраздновал завоевание Неаполя, организовав триумфальный въезд и увековечив свой триумф в различных произведениях искусства. В частности, была отлита бронзовая медаль (1455/1458 г.; мастер Кристофоро ди Джеремиа), на реверсе которой надпись: Марс и римская богиня войны Беллона коронуют государя-победителя, король восседает на троне, в его руках – меч справедливости и держава; на аверсе – бюст короля, облаченного в древнеримский доспех [Коул 2018, с. 100–101].

В перспективе истории восточных славян важным передаточным пунктом стала Речь Посполитая. Автор школьной пьесы «Зигмунт I, король польский» (Калиш, 1623) восхвалял короля Сигизмунда III, основав сюжет на сопоставлении его с тезкой (Зигмунтом-Сигизмундом Старым), победителем при Орше великого князя Василия III; драматург активно использовал эмблематический тезаурус: польских воинов побуждает к подвигам Марс, который при помощи искусственной этимологии превратился в соименника поляков-сарматов (со ссылкой на его древнее имя – Бри-сармат) и их покровителя; с облаков Марс показывает Зигмунту I

парад славных первопредков и предшественников; после победы Зигмунта I Марс и другие аллегорические персонажи прославляют его актуального тезку-продолжателя [Окоf 1970, с. 158–159].

Существенную роль в пропаганде Яна III Собеского, которая в мастерстве ее организации предвосхищала Петра I, играл жанр конклюдий – гравюр с панегирическими надписями, которые формально были приурочены к педагогическим событиям. В конклюдии, напечатанной по поводу диссертации А.К. Куропатницкого (1682), художник из Священной империи А.М. Люблинский развернул прямо-таки энциклопедию политически ангажированных эмблем. Центральный сюжет образует проезд короля через триумфальную арку: на арке – трофеи, знамена с полумесяцем (напоминающие о хотинской победе над турками в 1673 г.); по бокам арки – Геракл с палицей и Марс; над королем – геральдический Орел с короной в когтях; герой – римский триумфатор в лавровом венце, но на нем мантия, а в руках – «сармацкие» кривая сабля и булава; вздыбленный конь попирает турецкое оружие (см. подробный анализ конклюдии: [Górska 2017, с. 121–150]).

К концу XVII в. эмблематическая система проникает одновременно в Россию царя Петра и в Гетманщину И.С. Мазепы, где художники-панегиристы прославляли своих патронов, отличившихся в боевых действиях против турок (1695–1696 гг.).

Петр Терлецкий, придворный поэт Б.П. Шереметева, прославил русского полководца в написанной по-польски и изданной в черниговской типографии поэме «Слава героичных дел» (1695). Среди гравюр Леонтия Тарасевича, иллюстрирующих панегирик, есть сам воевода: овальный портрет окружают аллегорические фигуры – Слава, выдувающая из трубы латинское название гравюры «Io triumphe!» (Ура, торжествуй!), Марс с копьем, Геракл в львиной шкуре; внизу Сатурн-Время плугом возделывает землю, богиня Флора устилает ее цветами, в результате их трудов вырастает оружие, а в центре – под портретом полководца – российский стяг с двуглавым Орлом [Степовик 1986, с. 156–159]. Аналогично в польской поэме «Алкид Российский, коронованный триумфальным лавром» (Вильно, 1695), принадлежавшей перу верного гетману Филипа Орлика, хотя центральный образ – Алкид-Геракл, но автор также идентифицирует Мазепу с Марсом, в честь победы которого над «мусульманским змием» воздвигнута «Триумфальная арка» («Arcus Triumphalis») – фигурное стихотворение с акростихом (см. анализ поэмы Орлика: [Сазонова 2006, с. 496–501]).

В 1696 г. был взят турецкий Азов, и Петр впервые в русской культуре организовал небывалое шествие: войска победоносного боярина А.С. Шеина совершили торжественное «вшествование»

в Москву сквозь триумфальные врата, думный дьяк А.А. Виниус из длинной трубы читал панегирические вирши в честь Шеина и адмирала Ф. Лефорта, а своды поддерживали гигантские статуи Марса и Геракла¹.

Таким образом, языческий Марс, который долгое время оставался чужд христианской русской традиции, наконец попал в панегирическое искусство Москвы, где в годы Северной войны ему предстояло превратиться в одну из принципиальных политических аллегорий.

* * *

Первая в ряду петровских панегирических пьес – «Страшное изображение второго пришествия Господня» (1702) – была сочинена в Славяно-греко-латинской академии и поставлена в рамках официальных торжеств, отмечавших (весьма локальную) победу над шведами при Эрестфере. В одном из явлений, весьма косвенно связанных с основным сюжетом, аллегория Королевства польского (союзника России) укоряет своих сенаторов «о погибели многих стран, ради Самовольнаго и Гордыннаго несогласия и распри междуусобныя» – и тут является Марс Российский². Далее Марс Российский хвалится одержанными победами; его славят Фортуна и Победа, которые украшают «трофеум или столп» Орлу Российскому; аллегория Фортуны увенчивает Марса торжественным венцом, а Победа будет ему служить «в веки, враг тебе не имать стужити» (с. 107). Наделение Марса, который действует рядом с Королевством польским, эпитетом «Российский» (также «Роксоланский») превратило римского бога в аллегорическое изображение отчасти христианской России в ее воинственной ипостаси, отчасти – пока ненавязчиво – самого Петра.

«Торжество мира православного» (1703) должно было прославлять штурм крепости Нотебург. Ее главный герой апостол Петр – патроним царя, и поэтому его апостольские подвиги в первом и втором действиях – разумеется, религиозного характера – легко считывались как воинские подвиги русского царя. Но вот в финальном третьем действии Благочестие поручает знакомому по «Страшному изображению» Марсу Российскому / Роксоланскому, «еже Православия борителя побеждати» (с. 203–205). Перед решительной

¹ Панегирическая литература петровского времени / Изд. подг. В.П. Гребенюк. М.: Наука, 1979. С. 13.

² Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. С. 86. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

битвой «Генеуш российского Марса» (снова, как и в случае с Мужеством Марса, отдельная аллегория – *М. О.*) обращается с молитвой к Богу (возможно, автор заменяет здесь фигуру Марса на его «Генеуш», чтобы избежать совершенной уж религиозной несуразицы), и языческому богу является крест с надписанием: «В сем знамении победиши» (с. 205). Происходит сражение: «Злочестие полки свои чиновне располагает, на них же Марс роксоланский со вои нашед, ко многой брани злочестивыя в бегство приводит и достигати бегущих устремляется, воином догнанныя убивающым» (с. 205). После этого «Фортуна Генеуша Марса российского венчает, брати города противных...» (с. 205). Пьеса заканчивается триумфом Марса, который празднуется в Риме (!), а Благочестие, Генеуш Петрапостола и Мир православный (человечество) слагают «похвальная анаграмматa» из имени царя. В эпизоде чудесного явления креста Марс прозрачно намекает на императора Константина, которому в канун битвы за Рим явился крест со словами «В сем знамении победиши», а это позволяет отождествить Марса с римским императором-христианином и в то же время предположить: в «Торжестве мира» Марс – безусловный панегирический «заместитель» царя, не столько наследственного монарха, но скорее героя, возведшего Россию на небывалую высоту.

«Ревность православия» (1704) была представлена Академией как составляющая торжеств, которые восхваляли занятие Ингерманландии (Ижорской земли), в частности Ниеншанца, на территории которого был заложен Санкт-Петербург. Здесь Марс уже геройствует во всех трех действиях.

Центральный персонаж в пьесе – Благочестие, которое и защищает Марс с эпитетом «православный». В решительном сражении Мужество Марса (отдельная аллегорическая фигура) «уязвляет льва в позорище (то есть шведский герб для показания – *М. О.*) всем» (с. 210). Далее Марс и Мужество Марса продолжают борьбу с силами зла, взяв в союзники библейского Иисуса Навина. В заключительном явлении – в ознаменование одержанной победы – представлен апофеоз: «Россия на торжественной колеснице является», колесницу сопровождают победоносные аллегория Церкви, Иисус Навин, Марс православный и его Мужество; с небес внезапно является Благодать, которая вручает России венцы и ключи; Россия венцами увенчивает «прехрабрых воинов главы, Иисуса Навина, Марса и Мужества православного» (с. 214), а ключи вручает Церкви (с. 215).

В «Ревности православия» Марс (как и в «Торжестве мира православного») «замещает» героизируемого Петра, однако теперь он – не «Российский», а «православный». Такая трансформация

обнаруживала тождественность для петровской пропаганды этих определений: важно не то, что новое государство – традиционно-православное, а то, что оно преуспевает на поле брани. Вдобавок эпитет «Российский», автономизировавшись от фигуры Марса, преобразился в отдельную аллегорическую Россию, которая впервые вступила на русскую сцену в качестве персонажа. Теперь Россия, а не Фортуна (как в «Страшном изображении»), венчает героев и передает ключи городов – Церкви, Церковь же не забывает напомнить, что величие новой России основано на «камне» (с. 215) – Петре (обыгрывается греческое значение его имени), не столько законном царе, сколько великом герое.

«Ревность православия» – пик карьеры Марса в петровской литературе: в позднейших панегирических пьесах его сюжетная роль и панегирическое значение зримо уменьшаются.

Победоносный герой в «Свобождении Ливонии и Ингерманландии» (1705; пьеса была связана с торжествами в честь взятия Нарвы), «Ревность отечества росска» («Ревность Росская») – новая персонификация царя Петра, «ревнующего» собрать Россию и отвоевать похищенные шведами Ливонию и Ингерманландию. «Ревность» уподобляется античным героям – Ахиллу и Александру Македонскому, одолевает Хищение – аллегорическую шведскую агрессию, а затем садится на престол, «и се приходит пред ню Торжество в лявре со палмами и отдает ей освобожденные отечества росска, прежде неправедно похищенные, и всегда с нею обещается жити. И снявши с себя лявр, венчает Ревность» (с. 227).

Марс редуцирован в пьесе до планеты – благоприятного астрологического символа: когда звездочеты разыскивают героя, способного одолеть Хищение, «покажется им планета Марс вооруженный с мечем вооруженным на себе показуя и глаголя: “Аз”» (с. 219). Логика сюжета понятна: звездочеты найдут «Ревность», геройство этого нового царского «заместителя» не нуждается более ни в чьей помощи, а, кроме того, изящно обыграно предание о providentialном рождении Петра под воинственным знаком планеты Марс³. Так драматурги-панегиристы, лишив Марса в «Ревности православия» эпитета «Российский», в «Свобождении Ливонии и Ингерманландии» избавились от него самого: деятельность царя-героя подается как уже неместимая в одну аллегорическую фигуру.

«Божие уничижителей гордых уничижении» (1710) – последняя панегирическая пьеса Славяно-греко-латинской академии, отмечавшая Полтаву – вообще обошлась без упоминания Марса, од-

³ Записки П.Н. Крекшина // Сахаров И.П. Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1838. С. 118.

нако эта аллегория вернулась в постановках театра, организованного при Госпитале, которым руководил голландец Николай Бидлоо. Основанный в 1706 г., Госпиталь Бидлоо имел как медицинское, так и педагогическое назначение, и среди учеников в нем оказались бывшие студенты Славяно-греко-латинской академии, владевшие латынью. В репертуар театра Бидлоо входили преимущественно инсценированные повести, но также «Слава российская» 1724 г. и «Слава печальная» 1725 г., принадлежавшие к жанру панегирической драмы. «Слава российская» ознаменовала коронацию Екатерины I, которую провел сам Петр, а «Слава печальная» вспоминала кончину императора.

Если в первых панегирических пьесах Славяно-греко-латинской академии («Страшное изображение второго пришествия», «Торжество мира православного») Россия еще не фигурировала и ее функцию выполнял Марс (с дефинициями «Российский» и т. п.), если в «Ревности православия» героический Марс по-прежнему играл главную роль в сюжете, но в финале именно Россия заняла триумфальную колесницу и награждала героев, то в «Славе российской» 1724 г. и «Славе печальной» Россия – центральный персонаж. Теперь Марс превратился из персонификации Петра и всей России в помощника России – рядом с Нептуном (флот) и Палладой (науки) – в своего рода «профессиональное» олицетворение военной мощи державы:

Аз же твое воспалять сердце буду к брани,
Царства начнут многи давати тебе дани.
Смеются днесь, не зная Российскаго Марса:
Посмотрят зубов лютых, буттобы у барса (с. 263).

Более того, «профессиональная» компетенция Марса «сужена» до сухопутных сил, потому что с ним соседствует Нептун, а ведь именно флот был в особом фаворе у императора.

Итак, начиная с Возрождения эмблематическую систему позволительно интерпретировать как интернациональный язык, точный и замечательно приспособленный для передачи государственной идеологии. В эпоху Петра I она была усвоена русской культурой и активно использовалась для оформления нового имперского послания. У авторов петровских панегирических драм особую популярность получил аллегорический образ бога Марса, который служил для персонификации высших ценностей создаваемой империи: новой воинственной России, самого героизируемого государя, русской армии. Обозначаемые им понятия в различных пьесах варьировались, и поскольку аллегорические образы функ-

ционировали как элементы системы, постольку изменения смысла фигуры Марса были жестко соотнесены с изменениями смысла других фигур: так, «Марс Российский» мог замещать всю Россию, но, когда Россия стала отдельной аллегорией, Марс из «Российского» стал «православным».

Литература

- Коул 2018 – Коул Э. Жизнь при дворе: искусство, удовольствия, власть: Ренессанс в Италии. М.: Слово/Slovo, 2018.
- Лосев 1976 – Лосев А.Ф. Проблема символа в реалистическом искусстве. М.: Искусство, 1976.
- Одесский 2004 – Одесский М.П. Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004.
- Сазонова 2006 – Сазонова Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Степовик 1986 – Степовик Д.В. Леонтий Тарасевич і українське мистецтво барокко. Київ: Наукова думка, 1986.
- Górska 2017 – Górska M. The protector of Europe on graphical theses glorifying Jan III.
- Окоń 1970 – Окоń J. Dramat i teatr szkolny: sceny jezuiickie XVII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970.
- Sobieski. Warszawa: Museum of King Jan III's Palace at Wilanów, 2017.

References

- Cole, A. (2018), *Zhizn' pri dvore: iskusstvo, udovol'stviya, vlast': Rennassans v Italii* [Life at the Court Art, Pleasure and Power. The Renaissance in Italy.], Slovo, Moscow, Russia.
- Górska, M. (2017), *The protector of Europe on graphical theses glorifying Jan III Sobieski*, Museum of King Jan III's Palace at Wilanów, Warszawa, Poland.
- Losev, A.F. (1976), *Problema simvola v realisticheskom iskusstve* [The symbol issue in realistic art], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. (1994), *Poetika dramy: poslednyaya tret' XVII – pervaya tret' XVIII v.* [Poetics of the Russian Drama. The last third of the 17th – the first third of the 18th century], RSUH, Moscow, Russia.
- Okoń, J. (1970), *Dramat i teatr szkolny: sceny jezuiickie XVII wieku*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, Warszawa, Kraków, Poland.
- Sazonova, L.I. (2006), *Literaturnaya kul'tura Rossii: Rannee novoe vremya* [Literary culture of Russia. Early Modern times], Jazyki slavyanskih kul'tur, Moscow, Russia.
- Stepovik, D.V. (1986), *Leotii Tarasevich i ukrainskoye iskusstvo barokko* [Leotii Tarasevich and the Ukrainian Baroque art], Naukova dumka, Kiev, Ukraine.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; modessky@mail.ru

«Известная должность»:
жизнь и «служба» фаворита
при дворе Екатерины II в конце XVIII в.

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть повседневную деятельность последнего фаворита Екатерины II П.А. Зубова. Комплекс опубликованных источников (писем императрицы, камер-фурьерских журналов и мемуаров современников) и архивных материалов из фондов РГАДА и РГИА позволяет охарактеризовать как обязанности Зубова при дворе в качестве генерал-адъютанта и одного из ближайших к императрице лиц, так и его неформальные занятия. Последние же были связаны прежде всего не с его официальными должностями, а с ролью влиятельного посредника, канала неофициального общения подданных с верховной властью. Однако эта же деятельность не превращала фаворита в правителя, а, скорее наоборот, делала его исполнительным чиновником в рамках уже существующего механизма канцелярии статс-секретарей.

Ключевые слова: императорский двор, фаворит, Екатерина II, П.А. Зубов

Для цитирования: Курукин И.В. «Известная должность»: жизнь и «служба» фаворита при дворе Екатерины II в конце XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 41–58. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-41-58

“Notorious position”: life and “service” of the favorite
at the court of Catherine II in the late 18th century

Igor' V. Kurukin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurukin@mail.ru

Annotation. This report attempts to examine the daily activities of the last favorite of Catherine II, P.A. Zubov. The complex of published sources (letters of the Empress, chamber-Fourier journals and memoirs of contemporaries) and archival materials from the funds of the RGADA and RSHA (RSHA) allows us to characterize both Zubov's duties at court as an adjutant General and one

of the closest persons to the Empress, as well as his informal activities. The latter were connected primarily not with his official positions, but with the role of an influential intermediary, a channel of unofficial communication between subjects and the Supreme power. However, the same activity did not turn the favorite into a ruler, but rather, on the contrary, made him an Executive official within the existing mechanism of the office of state secretaries.

Keywords: Imperial court, favorite, Catherine II, P.A. Zubov

For citation: Kurukin, I.V. (2020), “‘Notorious position’: life and ‘service’ of the favorite at the court of Catherine II in the late 18th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 41-58, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-41-58

Введение

Данная работа посвящена феномену фаворитизма – явлению, свойственному европейским монархиям эпохи “ancient regime”, в том числе и России, в качестве неформального, но важного рычага в системе власти. Последний фаворит Екатерины II Платон Александрович Зубов (1767–1822) – фигура не выдающаяся, однако персонажи второго ряда в силу своей ординарности позволяют лучше понимать устройство механизма самодержавной монархии, деталью которого они являлись. Интересен же он тем, что в определенном смысле завершал эволюцию института фаворитов в направлении от влиятельного, хотя и теневого, советника, подобного Э.И. Бирону при Анне Иоанновне или И.И. Шувалову при Елизавете Петровне, к придворному кавалеру и помощнику-секретарю.

Судьба 22-летнего караульного секунд-ротмистра Конной гвардии решилась в конце июня 1789 г. Только что произошел разрыв отношений императрицы с прежним любимцем А.М. Дмитриевым-Мамоновым, и пунктуальный статс-секретарь А.В. Храповицкий записал в дневнике, что офицер был приглашен к государыне, а с 22 числа «начал по вечерам ходить через верх» – что на языке того времени означало вступление в «должность» нового императорского любимца¹. 26 июня его появление на обеде у государыни впервые отметил официальный дневник придворных событий – камер-фурьерский журнал. 4 июля вышел указ о пожаловании

¹ Екатерина II. Искусство управлять. Александр Васильевич Храповицкий, Адриан Моисеевич Грибовский, Рожер Дама. М., 2008. С. 162–163.

Платона Зубова «в полковники и в флигель-адъютанты». 3 октября он же, с согласия Потемкина как шефа Кавалергардского корпуса, стал кавалергардским корнетом с чином генерал-майора – т. е. занял пост фактического начальника личной охраны императрицы.

6 июля Екатерина отправила Потемкину рекомендательное письмо самого фаворита и по-дружески пояснила: «А без сего человека, вздумай сам, в каком бы я могла быть для здоровья моем фатальном положении»². Публике же была озвучена более возвышенная причина сделанного выбора: «Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей». «Испытательный срок» молодой человек выдержал успешно, поскольку соответствовал данным государыней правилам, «а именно: быть верен, скромн, привязан и благодарен до крайности»³. В письмах Потемкину Екатерина не раз повторяла, что он «привязан к ней до крайности»; к тому же ведет себя скромно, не «балуетя» и отличается не по возрасту «похвальным поведением». Обладавшая отменным здоровьем 60-летняя государыня (она собиралась царствовать «в памяти» до 80-ти лет) стала сдавать: «...кашель у меня, и грудь и спина очень болят. Я два дни лежала на постеле, думала перевести все сие, держась в испарине, а теперь слаба и неловко писать. Твой корнет за мною ходит и такое попечение имеет, что довольно не могу ему спасибо сказать», – писала она Потемкину в сентябре 1790 г.⁴

Помимо «попечения», Платон Александрович – стройный брюнет с большими черными глазами – обладал нужными манерами, звонким, приятным голосом и соответствовал «типажу» любимцев государыни: был «худощав, прекрасно сложен и с правильными чертами лица» – на профессиональный взгляд художницы Мари Виже-Лебрен⁵. Даже недоброжелательные по отношению к нему современники отмечали, что Зубов «очень хорошо говорил по-французски; он получил некоторое воспитание, обнаруживал гибкий и образованный ум, немного рассуждал о литературе и музицировал» на скрипке⁶.

Так начался «случай» последнего из фаворитов долгого царствования. Пунктуальная Екатерина сформулировала суть отношений с любимцем: он – не правитель при слабой женщине, а спутник-

² Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 358.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 436

⁵ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве, 1795–1801. СПб., 2004. С. 67.

⁶ *Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 63; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 75, 94.

собеседник в часы отдыха. «...Как необходимо надобно для жизни и здравия время отдохновения, то сии часы тебе посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но империи, и буде сие время не употреблю, как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное мое негодование», – объясняла она в 1776 г. предшественнику Зубова Петру Завадовскому его место⁷.

С Зубовым как будто вышло иначе. *Карьера безвестного до того гвардейца круто пошла вверх*. К концу царствования титул 28-летнего фаворита выглядел так:

Светлейший князь, генерал-фельдцейхмейстер, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, кавалергардского корпуса шеф, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор и орденов России св. апостола Андрея, св. Александра Невского, св. равноапостольного князя Владимира I степени; королевских прусских Черного и Красного орла, польских Белого орла и св. Станислава и великокняжеского голштинского св. Анны кавалер.

К этому перечню можно добавить звания «почетного благотворителя императорского воспитательного дома» и «почетного любителя» Академии художеств⁸.

Внушительный перечень обязанностей как будто должен говорить о повседневной загруженности делами управления. Однако ни в артиллерии, ни во флоте (который он ни разу не видел) следов его личного участия нет. Вверенными губерниями Зубов «управлял», не выезжая за пределы дворцовых резиденций – его доклады и распоряжения были основаны на соответствующих рапортах и предложениях губернаторов.

Камер-фурьерские журналы 1790-х гг. свидетельствуют, что значительную часть дня (по утрам, во время обеда, на «выходах», дежурствах в качестве генерал-адъютанта, в «вечеровые часы») Зубов проводил в обществе императрицы. С лета 1789 г. он занял место в Зимнем дворце под личными покоем императрицы в юго-восточном угловом ризалите здания, выходящем на Дворцовую площадь – традиционную «жилплощадь» фаворитов со времен Григория Орлова. Выход из настоящей, непарадной спальни импе-

⁸ Письма императрицы Екатерины II к графу П.В. Завадовскому (1775–1777) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 249.

⁹ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., [1796]. С. 6, 120, 122.

ратрицы вел «в кабинет и зеркальную комнату, из которой один ход в нижние покои», – отмечал в записках начальник канцелярии Зубова Адриан Грибовский⁹. Таким образом, фаворит мог, минуя приемные с кавалергардской стражей, по своей лестнице подняться с «низу» в «зеркальную» комнату (нынешний зал французского искусства XVI–XVII вв. Эрмитажа. – *И. К.*) государыни, где она обычно по утрам читала, писала указы и письма. Иногда и сама императрица ходила к себе наверх через его комнаты.

Свои апартаменты имелись у фаворита и в Царском Селе – любимой летней резиденции императрицы. Для нее был построен в 1779–1785 гг. особый флигель; покои Екатерины на втором этаже выходили на Камеронову галерею. В нижнем этаже по очереди размещались фавориты – Потемкин, Ланской, Дмитриев-Мамонов и Зубов, по имени которого корпус получил название Зубовского. Однако Платон Александрович занимал и комнаты на втором этаже; имел он и свой выход во двор – «зубовский подъезд».

Камер-фурьерские журналы постоянно отмечают Платона Александровича приглашенным на обед императрицы, вплоть до того, что они иногда особо отмечали его отсутствие.

Годы	Зимний дворец/ Эрмитаж	Таврический дворец	Царское село	Всего
1792	161	4	91	256
1793	152	11	90	253
1794	154	45	75	274
1795	109	87	63	259
1796 ¹⁰	48	?	?	112

Подсчеты не полны: на самом деле фаворит присутствовал на трапезах чаще – просто по праздничным или особенно торжественным случаям парадных обедов журнал поименно фиксировал только лиц, присутствовавших «сверх свиты».

⁹ Екатерина II. Искусство управлять... С. 260; Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. 1. С. 50–51.

¹⁰ Снижение количества упоминаний Зубова и прочих персон при «большом» дворе в данном году объясняется тем, что записи часто (особенно в январе–феврале) сделаны по журналу великого князя Александра и сообщают именно о событиях при его дворе; записи за август полностью отсутствуют, вследствие чего неизвестна дата отбытия императрицы со свитой из Царского Села в Таврический дворец.

Зубов, в отличие от предшественников (Орловых, Потемкина, Ланского), не получал ни «пенсиона», ни денежных выдач, ни вотчин. Очевидно, он благоразумно и не просил, а Екатерина имела возможность убедиться в бескорыстной привязанности избранника. Царский подарок она сделала фавориту только в августе 1795 г.: из розданных в этот день 110 тысяч душ Платону Александровичу досталось больше всех – ему была дарована «Шавельская экономия» в Литве с 13 669 «душами». Когда было решено сделать Шавель (нынешний Шяуляй) уездным городом, Екатерина в октябре того же года компенсировала эту потерю, пожаловав Зубову Юрбургское староство (нынешний город Юрбаркас с округой) с его 1784 душами¹¹.

При жизни Екатерины Зубов там не бывал. Он постоянно жил во дворце и состоял на прямом содержании государыни – ее «комнатной суммы». Видимо, по этой причине документы Кабинета не отражают отдельные расходы на него в виде «пенсиона» или иных пожалований. В 1795 г. ломавший голову над тем, как сократить расходы двора, граф А.А. Безбородко сокрушался, что содержание (квартира и «стол») во дворце для приближенных Екатерины (графини Браницкой и Н.И. Салтыкова) обходятся в сумму около 200 тысяч руб. в год¹² – едва ли Платон Александрович «стоил» дешевле. Только 20 апреля 1796 г. императрица приказала персонально выдать Зубову «во уважение отличных трудов его на пользу службы» 100 тысяч рублей. Но эту милость можно считать простым подарком: в былое время Григорий Орлов ежегодно получал по 100 000 руб. на день рождения, а Потемкин – по 75 000 «пенсиона», в получении которого аккуратнo расписывался.

Должность генерал-адъютанта была почетной не только в смысле желанной, но и для многих знатных и чиновных лиц недостижимой чести быть допущенными «за кавалергардов» в личные апартаменты государыни. Носители этого звания имели право передавать любым лицам и инстанциям устные «повеления» монарха, которые, заметим, не всегда нуждались в огласке и требовали безусловного повиновения облеченному высочайшим доверием вестнику. В этом качестве фаворит исполнял служебные обязанности – дежурил (обычно по неделе) в покоях государыни на равных с коллегами – заслуженными военачальниками и государственными мужами.

¹¹ ПСЗРИ. Т. 23. № 17397.

¹² *Григорович Н.И.* Канцлер, князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 2 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 29 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 2. С. 291.

В 1793 г. Платон Александрович состоял дежурным 15 раз. Но в 1794 г. он дежурил больше всех – 25 раз; его коллега П.Б. Пассек – 21 раз, Ф.Е. Ангальт – 5, И.П. Салтыков – 2, одного из них по болезни его заменял Zubov. В 1795 г. Zubov опять состоял на дежурстве полгода (26 раз), и сменял его только один Пассек¹³. Большинство записанных в журналы «повелений» касалось дворцовых дел: сборов и переездов, назначения аудиенций, выдачи денег, приказов караулам, указаний по дворцовому ведомству; объявлялись повышения в чинах и выпуски в армию гвардейцев и пажей. В иной день генерал-адъютант передавал несколько подобных указаний; в другие – особенно летом в Царском Селе – их могло и не быть, и дежурные отмечали: «ничего не писано».

Еще одной придворной обязанностью Zubova стало формальное командование корпусом кавалергардов: «шеф» подписывал приказы о производстве подчиненных в очередной чин, об изменении «оклада»-жалования, о «выключке» их к статским делам или в отставку «на свое пропитание» – более серьезных происшествий приказы не содержат; повседневной же караульной службой кавалергардов ведал их вахмистр – генерал-майор Василий Зайцев¹⁴.

Как генерал-адъютант, Zubov «представлял» императрице допущенных к аудиенции особ – иностранных вояжеров, отличившихся военных или важных гостей – таких, как депутаты польской Тарговицкой конфедерации или принц д'Артуа – младший брат казненного Людовика XVI. Или экзотических восточных персонажей – мурзу Ногайской орды Баязета, крымского «султана» Махмет-Гирея и пленного турецкого Батал-пашу, захваченного в сражении на Кубани в 1790 г.

Вместе с фаворитом Екатерина переезжала из Зимнего дворца в Таврический, в Петергоф и в Царское Село; отправлялась в гости на приморские «дачи» вельмож; «прогуливалась» на шлюпках по Неве и в карете по улицам столицы. В Царском Селе они вместе плавали на лодках по прудам, катались по аллеям в царском фаэтоне, за которым двигались «таратайки» со свитой. Иногда государыня предпринимала дальние прогулки в каретах – вокруг Царского Села, по «павловской» или «по петербургской дороге до Пулковской слободы»¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. № 59. Л. 1–107; № 61. Л. 1–116об.; № 62. Л. 1–114об.

¹⁴ РГВИА. Ф. 33. Оп. 1. № 270. Л. 1–13.

¹⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1789 года. СПб., 1888. С. 352, 355, 356–358; Там же. 1790 г. СПб., 1889. С. 158, 191, 260; Там же. 1791 г. СПб., 1890. С. 285, 414–415, 445, 462, 476, 485, 533, 538–539, 557, 563–564, 569–570, 668–669; Там же. 1792 г. СПб., 1892. С. 132–133, 201, 424, 465; Там же. 1793 г. СПб., 1892. С. 261–262, 362–363, 619, 626, 641, 701; Там же. 1795 г. СПб., 1894. С. 420–421, 439–440, 529–530, 627, 672, 692, 738; Там же. 1796 г. СПб., 1896. С. 288, 396, 498, 639.

Зимой императрица выезжала редко. Но летом любила гулять по царскосельскому парку – могла обойти весь немалый пруд или выйти за Гатчинские (Орловские) ворота по трассе водовода – «Боурова канала». Во время таких прогулок случались игры с участием молодых придворных: «В хорошие вечера государыня гуляла со всем двором в саду и, возвратясь с прогулки, садилась на скамейке против монумента Румянцева. Здесь начиналась игра *a la guette*, или, как называли, в «знамена». Кавалеры и фрейлины разделялись на две партии: одна становилась у дворца, другая к стороне концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивал знамя, тот одерживал победу. Арбитром был князь Барятинский; он садился на ступеньки монумента. «Attention, messieurs!» – кричал он, и игра начиналась, бегали, ловили друг друга, употребляли все хитрости, чтобы отбить знамя. В этой игре князь Зубов и камергер М. П. (Николай Михайлович Мусин-Пушкин. – *И. К.*) отличались. Быстрее их никто не бегал»¹⁶.

Наиболее престижным было право посещения собственных покоев императрицы в вечернее время. Большие собрания (включавшие 150 и более гостей) обычно заканчивались балом и ужином; иногда императрица устраивала маскарад. На эрмитажных собраниях приглашенные были зрителями и критиками театральных постановок в Эрмитажном театре. Там же устраивались любительские представления и камерные концерты; присутствующие обсуждали игру музыкантов и актеров, и сами состязались в сочинении стихотворных экспромтов¹⁷.

В более узкой компании играли в разные игры, в которых принимала иногда участие сама государыня, окончив партию в карты – «пели святочные песни, хоронили золото, играли в фанты, в веревочку», а то и в прятки. Играли любительские спектакли, где актерами выступали придворные дамы и кавалеры. Главным же достоинством «эрмитажа» была свобода от этикета, когда в зрительном зале и за столом гости могли общаться на равных. В Царском Селе вечера в узком кругу проходили еще более непринужденно – государыня «благоволила некоторое время препроводить в разговорах на колоннаде, потом гулять по саду, а напоследок в Арабеско-

¹⁶ Брусилов Н.П. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 4. С. 57.

¹⁷ Скопцова Е.А. Дискурсивный анализ эрмитажных собраний Екатерины II // Гуманитарий: альманах о человеке, гуманитарной науке и образовании: научный ежегодник Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Саранск, 2013. № 2 (22). С. 117–123.

вой комнате до 10-ти часов вечера ж играть в шахматы» – в 1792–1793 гг. Екатерина предпочитала картам именно эту игру. Иногда журналы особо отмечают, что фаворит в «вечерное время» играл с государыней «в карамболь» на бильярде; составлял ей партию за карточным столом в бостон, вист или рокамболь; «князь Зубов и старик Ч. (камергер Е.А. Чертков. – *И. К.*) составляли всегдашнюю ее партию, четвертый [партнер] переменился»¹⁸. Зубов также «препроводжал» Екатерину на официальных выходах, визитах в «вольный маскарад» или прогулках в «зверинец»¹⁹.

Перечисленные занятия требовали светского лоска, безупречного французского языка, танцевального мастерства – Зубову случалось открывать бал в паре с великими княжнами. И главное: умения – ежедневно, годами – быть интересным и обаятельным кавалером, чтобы не наскучить своей непростой даме. Платону Александровичу пригодились музыкальные способности: фаворит играл на скрипке на дворцовых концертах вместе с великим князем Александром, а на его «ужинах» с избранными гостями «обыкновенно исполнялась самая превосходная музыка»²⁰.

Получается, что значительную часть времени фаворита занимало светское общение. Однако уже в 1792 г. для порученных любимцу дел была создана особая канцелярия – подобной структуры у предшествовавших молодых любимцев не было. Правителем дел ее стал ровесник фаворита, способный делец и сочинитель подполковник А.М. Грибовский.

О повседневной работе фаворита можно судить по сводным документам его канцелярии. Годовые журналы именных указов и рескриптов должностным лицам, а также журналы «объявлений» через Зубова императорских «имянных повелений» включали каждый от 100 до 500 указов о чинопроизводстве военных и статских чиновников, об их отпуске или увольнении, о награждении орденами, о назначении к должности, прежде всего во вновь открываемых в ходе разделов Польши губерниях. Реже встречаются повеления о выдаче денежных сумм, решения по делам о наслед-

¹⁸ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 72; Брусилов Н.П. Указ. соч. С. 56–57.

¹⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1790 г. СПб., 1889. С. 242; Там же. 1791 г. СПб., 1890. С. 80, 357, 573; Там же. 1795 г. СПб., 1894. С. 68, 79, 416, 429, 454, 489, 657, 690, 697, 699, 756, 826, 845, 1000.

²⁰ Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // Сборник РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 621–622; Бумаги князя Н.В. Репнина во время управления его Литвою // Сборник РИО. СПб., 1875. Т. 16. С. 295.

стве или личные императорские пожалования – все эти документы аналогичны подобным же, выходящим из канцелярий других статс-секретарей.

Но имелись и некоторые отличия. Вошли в обычай визиты столичного общества к фавориту при его «торжественном вставании»:

Ежедневно, около одиннадцати часов утра, происходил «выход» в буквальном смысле этого слова. Огромная толпа просителей и придворных всех рангов собиралась, чтобы присутствовать при туалете графа... Обе половины дверей растворялись. Зубов входил в халате, едва одетый в нижнее белье. Легким кивком головы приветствовал он просителей и придворных, стоявших почтительно вокруг, и принимался за совершение туалета. Камердинеры подходили к нему, чтобы зачесать и напудрить волосы. В это время появлялись все новые и новые просители. Они также удостоивались чести получить кивок головы, когда граф замечал кого-нибудь из них. Все со вниманием следили за мгновением, когда взгляд их встретится с его взглядом. Мы принадлежали к числу тех, которые встречались всегда благосклонной улыбкой. Все стояли, никто не смел произнести ни одного слова. Каждый вручал свои интересы всемогущему фавориту в немой сцене, красноречивым молчанием. Никто, повторяю, не раскрывал рта, разве что сам граф обращался к кому-нибудь с каким-либо словом, но никогда по поводу просьбы. Часто граф не произносил ни одного слова, и я не помню, чтобы когда-нибудь он предложил кому-либо сесть, исключая фельдмаршала Салтыкова, который был первым лицом при дворе и, как говорят, устроил карьеру Зубовых... Обыкновенно, в то время, когда Зубова причесывали, секретарь его, Грибовский, подавал ему бумаги для подписи... По окончании прически, подписав несколько бумаг, граф одевал мундир или сюртук и удалялся в свои покои.

Так описал эту процедуру будущий министр Александра I, а в 1795 г. – молодой польский аристократ Адам Чарторыйский²¹. «Грубая и возмутительная гордость» фаворита обижала честолюбцев, но не мешала им стоять в «презренной толпе» в его передней.

Все вышеописанное важно не только для характеристики придворного «обхождения». За церемонией скрывался механизм главной «работы» фаворита в качестве «предстателя» по многочисленным прошениям.

²¹ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 51, 53–54.

День императрицы начинался рано:

Государыня в Зимнем дворце вставала в 7 часов и до 9-ти занималась в зеркальном кабинете по большей части сочинением устава для Сената (я говорю о том времени, когда я при ее величестве находился); в 10-м часу выходила в спальню... В сие время дожидались в уборной все имевшие дела для доклада. Здесь и появлялся из своих апартаментов в нижнем этаже фаворит; как скоро показывался граф П.А. Зубов, то каждый из нас (прибывших с докладами статс-секретарей – *И. К.*) немедленно в уборную выходил. В сие время П. А. имел на себе утреннее платье: шелковый сюртук цветной, вышитый по краям широким из блестков шитьем, белые атласные панталоны и зеленые полусапожки. Волосы были не причесаны. Приходил же всегда с заготовленными к подписанию бумагами²².

Отметим важную особенность: фаворит являлся с бумагами к Екатерине в промежутке между 10 и 11 часами, т. е. *до своего официального «пробуждения»* и явления посетителям уже в своей приемной. Таким образом, к моменту собственного «выхода» он успевал побывать у государыни и получал высочайшие решения, которые мог объявить просителям.

Наиболее важными для понимания роли фаворита в правительственном механизме считались «разные дела по особой доверенности от императрицы», в том числе «награды деревнями, деньгами, пенсиями, чинами, орденами и проч.; всеподданнейшие прошения от частных лиц по тяжбыным и уголовным делам. По всем сим предметам заготавлиемы были в канцелярии князя Зубова доклады, указы и грамоты и через него подносились были на высочайшее усмотрение и подписание»²³.

На имя Зубова поступало огромное количество прошений самого разного рода – важно, что большинство из их авторов рассчитывали на не предусмотренную законами высочайшую милость при посредничестве фаворита. На его влияние надеялись самые высокопоставленные лица. Действительный тайный советник и вице-канцлер, формальный глава Коллегии иностранных дел граф Иван Андреевич Остерман 13 февраля 1794 г. обратился к Зубову с прошением:

Вашему сиятельству известно в сколь заботливом нахожусь я положении от долгов моих, простирающихся до 360 000 руб. и которые не могли не возрасти до такого количества, когда при недостатке доходов моих на необходимые расходы надлежало те же доходы обращать

²² Екатерина II. Искусство управлять... С. 263, 277.

²³ Там же. С. 283–284.

и на платеж процентов А как в том числе должен я Государственному заемному банку на восемь лет 208 000 руб., в коих заложено все мое недвижимое имение, кроме одних домов, и платежа сей суммы наступают сроки в настоящем 1794 году, то я и не преминул решиться с графом Петром Васильевичем Завадовским о нужной мне на толикое же время отсрочке, но его сиятельство отозвался мне, что таковой отсрочки сам собою без высочайшего повеления сделать и без внесения мною всего капитала займа сего возобновить не сможет. Не находя способа промыслить теперь столь знатной суммы и не будучи в состоянии к срокам заплатить ее иначе как весьма поспешною, следовательно же и разорительною для меня продажею недвижимого имения моего, осмелился я прибегнуть милосердию монаршему²⁴.

Граф объяснял, что взять денег ему негде – он уже заложил все свои 4250 душ; супруга сделала то же со своими придаными 950-ю душами и имеет долгу 38 тысяч, а его брат – генерал Федор – сам должен банку 246 тысяч руб.

Вице-канцлер был не единственным такого рода просителем: генерал-прокурору А.Н. Самойлову нужно было уплатить огромный долг в 350 тысяч руб., а бывший посланник в Париже князь И.С. Барятинский просил одолжить ему 100 тысяч рублей из казны сроком на 10 или 20 лет.

Даже имевшие прямой доступ к императрице придворные предпочитали действовать при посредстве фаворита: через него камергер Николай Петрович Шереметев просил об отпуске, а старый обер-гофмаршал, вхожий в ближайший круг Екатерины, Григорий Никитич Орлов – о своей отставке²⁵. Генерал-аншеф В.П. Мусин-Пушкин рассчитывал таким образом сделать своего зятя-адъютанта Павла Щербатова герольдмейстером²⁶.

Иные взывали о помощи: «Четвертый год обливаюсь слезами раскаяния», – пытался разжалобить сосланный по делу Н.И. Новикова в деревню бывший глава московских масонов князь Николай Никитич Трубецкой. О чине тайного советника «слезно» бил челом в 1794 г. «обойденный» им поэт и куратор Московского университета Михаил Херасков. Последний догадывался о «чаемом гневе» императрицы (они с Трубецким были масонами и братьями по матери), но все же рассчитывал на свои ученые и литературные заслуги²⁷.

²⁴ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1337. Л. 45–45об.

²⁵ См.: Там же. № 1275. Л. 1; № 812. Л. 1–1об.

²⁶ См.: Там же. № 726. Л. 1–3.

²⁷ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 966. Л. 48–49; Ф. 193. Оп. 1. № 1214. Л. 1–1об.

«Исторгните меня и невинную семью мою из пропасти, в которую я их ввергнул», – писал к Зубову управлявший столичной конторой кригс-комиссариата граф Петр Андреевич Толстой. Генерал-майор признавался, что честно прослужил 37 лет, но по дороговизне столичной жизни принужден был «прикоснуться к казне, мне вверенной» (для убедительности Толстой представил список своих семерых детей); покрыть же недостачу не мог. Как показало открывшееся следствие, граф «прикоснулся» к казенным деньгам на сумму в 40 500 руб., из которых 23 525 руб. все же вернул – и теперь молил Зубова быть «ходатаем»²⁸.

Скульптор Федот Шубин просил предоставить ему место профессора на казенном жаловании в Академии художеств, которого не получил, даже несмотря на рекомендацию Потемкина²⁹. Генерал-поручика П.Ф. Талызина его адъютант обвинил в растрате «экстраординарной суммы». Генерал послал Зубову документы, «служащие к моему оправданию», был отставлен «с полным жалованием» и вновь обратился с просьбой: испытывает он «безпокойство духа и томление сердца», а потому просит об ордене св. Владимира I степени как «свидетельстве моей правоты»³⁰. Еще один «невинно страждущий», генерал-майор князь П.П. Долгоруков, в 1796 г. был уволен в отставку с поста московского губернатора, жаловался на «злосчастие и невообразимую бедность» и умолял о «хлебе насущном» – «хотя бы определения в губернаторы в растроеныя Вятскую и Казанскую губернию»³¹.

Французские дворяне-эмигранты просили о зачислении на российскую службу³², а представители польской знати – о возмещении убытков и возвращении конфискованных или секвестрованных после восстания 1794 года имений³³. Наряду с ними к фавориту обращались из разных мест сотни людей попроще с челобитными о награждении, прощении, чинах, отпуске, должностях, жалованье, пенсии, определении детей в учебные заведения, «представлении ее императорскому величеству», протекции...

²⁸ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1097. Л. 1–2, 3, 4; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. № 159. Л. 2–3об.

²⁹ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1302. Л. 1–2.

³⁰ См.: Там же. № 1100. Л. 1, 2–2об.

³¹ См.: Там же. № 356. Л. 1.

³² См.: Там же. № 27, 60, 72, 86, 90, 91, 106, 125, 128, 144, 147, 148, 151, 167, 170, 171, 249, 255, 282, 306, 346, 348, 463, 574, 578, 596, 609, 708, 713, 717, 829, 1064, 1071, 1093, 1102, 1287, 1288.

³³ См.: Там же. № 81, 115, 126, 133, 182, 199, 246, 270, 381, 311, 384, 396, 406, 441, 476, 477, 614, 616, 634, 705, 706, 710, 788, 850, 858, 859, 878, 889, 912, 921, 932, 949, 973, 998, 1237, 1240.

Бригадир И.И. Русанов претендовал на награду «деревнями» и место в Военной коллегии по уважительным причинам долгов, «неисцеленого ревматизма» и «худого состояния моего хозяйства»³⁴. Совестью судья из Орла Дмитрий Боборыкин просил о новом чине. «Безвинно» уволенный из Воспитательного дома коллежский ассессор Дмитрий Кривцов – об «определении к месту» с приложением похвального аттестата о своем «благородном поведении». Бедный подканцелярист Иван Язов мечтал, чтобы «его сиятельство» помог ему обрести должность в Новгородском наместничестве³⁵. «Угнетенный несчастным жребием» Николай Баландин жаловался, что выслужил в титулярных советниках 11 лет, но не может получить желанный чин ассессора: «без доказательства на дворянство нельзя дать мне чина», но все же рассчитывал на исключение с «доклада» государыне³⁶.

Обращались и совсем уж невезучие. Подпоручик Михаил Агеев был «за ранами» уволен, но пенсии выслужить не успел и просил только денег на дорогу в свое «отечество» – городок Валуйки³⁷. Раненный «в 6 местах» капрал морской артиллерии Иван Андреев подобную милость в размере 50 рублей от Зубова получил. Однако по дороге домой с попутным офицером, если верить его челобитной, где-то во время остановки заснул на печке, по пробуждении спутников не нашел и остался на большой дороге – скорее всего, загулял до бесчувствия, ибо о выданных деньгах деликатно не упоминал. Неведомо как добрался обратно в Петербург, и теперь опять просил о помощи «многомилосердного и щедрого отца», ибо у него «и рубахи нет»³⁸.

Далее начиналось не оставлявшее в источниках следов таинство работы фаворита: чье прошение рассмотреть в первую очередь, что – придержать, а что можно оставить без внимания; понять, за кого замолвить слово и как будет воспринято то или иное прошение.

Если дело представлялось не важным, оно передавалось секретарю. Так вышло с прошением советника уфимского губернского правления Д.Б. Мертваго. Провинциальный чиновник приехал просить за мужа своей сестры, сосланного за незаконное присвоение капитанского чина. Мертваго смог подать прошение, и Екате-

³⁴ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 966. Л. 28–29.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 116. Л. 1–2; № 1337. Л. 5–7; № 1097. Л. 1; № 1319. Л. 1–2.

³⁶ См.: Там же. № 66. Л. 1–2об.

³⁷ См.: Там же. № 2. Л. 1.

³⁸ См.: Там же. № 20. Л. 1–1об.

рина «приказала мне объявить, что простит моего зятя при первом торжестве», но за множеством дел забыла – как, наверное, случилось и с другими. Только с помощью Державина Грибовский через месяц вновь доложил, но не слишком удачно:

Императрица в этот раз не была милостива, говорила, что она почитает людей, наказанных как Чичагов, исключенными из общества, предвидит, что ее будут просить о дозволении вступить ему вновь в службу и производить в чины, чего она не хочет. Кончилось тем, что она простила Чичагова; но в указе придала дополнить, чтобы в службу его не определять и не иметь ему въезда в обе столицы³⁹.

Слишком многое зависело от случая, в том числе и от того, когда чья-то просьба оказывалась не ко времени или попадала под горячую руку.

Иначе обстояло дело, если фаворит занимался им лично. Сохранившиеся фрагменты делопроизводства зубовской канцелярии дают представление о том, как в таком случае оформлялись решения. 31 октября 1796 г. Платон Александрович подал государыне три представления – о пожаловании коллежскому асессору казенной палаты «своей» Вознесенской губернии Еригорову ордена св. Владимира IV степени за «приглашение» в причерноморские степи государственных крестьян из Тульской и Калужской губерний; о награждении чином и двумя тысячами руб. венецианского моряка Лоренцо Алеандри, и о новом чине и выдаче 500 десятин в Крыму подпоручику Петру Стоя⁴⁰. По подобным представлениям получалось согласие императрицы, и на его основании подчиненные Зубова составляли проекты указов, которые подавались императрице в ходе утренних визитов фаворита. Несколько чистовых экземпляров таких указов на имя Зубова также дошли до нас готовыми «к подписанию»⁴¹. Но скоропостижная смерть государыни остановила процесс; вступивший на престол Павел заготовленные указы не подписал, а поданные от Зубова три названные выше представления повелел «оставить без всякого уважения».

Но и при Екатерине фаворит был не всемогущ. Когда фельдмаршал П.А. Румянцев попросил «отличия» для генерал-майора князя Павла Дашкова, то Платон Александрович отвечал, что у императрицы в отношении Дашкова есть «предубеждения по командованию Сибирским гренадерским полком, что на сей раз раз-

³⁹ *Мертваго Д.Б.* Записки (1760–1824). СПб., 2006. С. 67.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 55265. Л. 2-3, 4-5, 6–6об.

⁴¹ Там же. № 55266. Л. 1–11.

рушило все стремления мои»⁴². Екатерина была не в лучших отношениях с матерью генерала – строптивой статс-дамой Екатериной Дашковой, а его самого, своего крестника, считала «простаком и пьяницей», женившемся без разрешения на купеческой дочери.

В итоге милости дозировались, и не всегда, спустя двести с лишним лет, можно понять, почему одни просители оказывались «удовольствованными», а другие нет. Учителю великого князя Александра Фредерику Лагарпу Зубов обеспечил милостивый разговор с императрицей о его награждении. Но у государыни на Лагарпа имелись свои виды – склонить ученика к принятию трона в обход отца⁴³. Армейский секунд-майор Иван Калагеорги (состоявший при великом князе Константине учителем греческого языка) благодарил Платона Александровича за то, что тот подал ему надежду на счастливый брак. Однако речь шла не о счастье офицера, а о судьбе «настоящей дочери князя Потемкина» – Елизаветы Темкиной (или Темлицыной) – возможно, дочери самой Екатерины⁴⁴.

Федот Шубин был избран профессором Академии художеств, но без жалования. В челобитной Павлу I мастер указал, что хотя деньги «от князя Зубова выдать мне обещано», он по-прежнему жил «без всякого жалования, имея жену и шестерых детей, в содержании какового семейства чувствую себя невозможным»⁴⁵. За М.М. Хераскова ходатайствовал обер-камергер И.И. Шувалов, но поэт и куратор Московского университета так и не получил просимого чина тайного советника, а Н.Н. Трубецкой – освобождения из ссылки: оба были скомпрометированы в глазах императрицы маонским прошлым. Зато повезло бывшему вахмистру Конной гвардии Терентию Федорову (не лично ли знакомому конногвардейцу Зубову?) – фаворит попросил пермского и тобольского генерал-губернатора А.А. Волкова устроить служивого «присяжным», и тот перевел его прямо в сибирскую столицу Тобольск⁴⁶.

«Журналы партикулярным письмам» П.А. Зубова 1793–1796 гг. содержат десятки его посланий командующим корпусов, генерал-прокурору и генерал-губернаторам с просьбами о протекции «препоручаемому в вашу милость» лицу с характерной зубовской аттестацией – «по расторопности и хорошему поведению». Так, в журнале 1795 г. из 101 письма фаворита администраторам раз-

⁴² ОР РГБ. Ф. 255. Картон 3. № 11. Л. 16об.

⁴³ Император Александр I и Фредерик Сезар Лагарп: Письма. Документы: В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 255.

⁴⁴ *Болотина Н.Ю.* Указ. соч. С. 181–182.

⁴⁵ *Исаков С.К.* Федот Шубин. М., 1938. С. 81–82.

⁴⁶ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 56155. Л. 88об.

личного уровня в тридцати восьми Платон Александрович рекомендует лиц, по той или иной причине обративших на себя его внимание. Директора императорских театров и фарфоровой мануфактуры Н.Б. Юсупова он просит трудоустроить регистратора Попова и подканцеляриста Язева соответственно бухгалтером в театр и к делам на «фарфоровый завод»; о том же Попове он пишет и директору Ассигнационного банка П.В. Мятлеву. Н.В. Репнину он рекомендует капитана Саева «из штата моего» и «давно мне знакомого» Николая Волкова. Орловскому и курскому наместнику генерал-поручику А.А. Беклешову он напоминает о «благосклонности» к служившему у Зубова подполковнику Хитрово – у того в имении мужики отказались платить оброк, и надо привести их в повиновение владельцу.

Курляндскому губернатору П.А. Палену фаворит напоминал о выдаче аренды мужу графини Дюкер. П.В. Завадовскому он писал о принятии в «общество благородных девиц» дочь служившего у него полковника Михайлова; Т.И. Тутолмину – о покровительстве когда-то служившему у фаворита, а теперь занимавшему пост директора таможни П. Гарновскому; к вице-адмиралу О.М. де Рибасу – о «попечении» о лейтенанте флота Лемане. К минскому губернатору И.Н. Неплюеву – о помощи графу Минуцию, имение которого было разграблено «бунтовщиками», к Н.В. Репнину – о поддержке в «судебном деле» графа Виельгорского; к астраханскому губернатору П.М. Скаржинскому – о покровительстве прапорщику Б. Манголову; к тобольскому и пермскому генерал-губернатору А.А. Волкову – о «благосклонности» к родственнику, подполковнику Николаю Зубову. Находившемуся в покоренной Польше А.В. Суворову – о «вспоможении» некоему Модзелецкому, госпоже Яблоновской, графу Залускому; его же Зубов просил пристроить обер-провиантмейстера Грибовского, «в участи которого я принимаю участие»⁴⁷.

Такой же журнал следующего, 1796 г.⁴⁸, содержит 42 рекомендации о протекции – с конкретными указаниями о «препоручении в милость», «отвести деревни», предоставить «место», содействовать «в настоящем его искании». Президенту Военной коллегии Н.И. Салтыкову адресовано послание о награждении чином капитана Станилевича; командиру гвардейского Преображенского полка Н.А. Татищеву – о принятии в строй двух юных крымских мурз: Булат-бея и Мустафы-бея; московскому главнокомандующему М.М. Измайлову – о покровительстве артисту «виртуозу Жардини»; Суворову – о принятии на службу полковника Фриза и секунд-майора Жегулина.

⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 65057. Л. 4–5, 6, 6об., 7, 8–8об., 9–9об., 10–11, 11об., 12, 15–15об., 18об., 26–26об., 39об., 41, 42, 44–44об., 60–61об., 62.

⁴⁸ См.: Там же. № 65550. Л. 1–50об.

Заклучение

Осмысливая поток челобитных, можно согласиться с мнением о том, что окружение императрицы и более широкий круг представителей благородного сословия не очень верили в торжественно провозглашенные законы своей государыни и потому «уповали только на высочайшую милость и протекцию фаворита»⁴⁹. Но в делах служебных, как и в личных коллизиях правящей верхушки, последнее слово оставалось за императрицей. А при назначении на службу и оказании протекции людям незначительным фаворит мог проявить самостоятельность и осознавать свою реальную значимость.

В глазах света Зубов был, безусловно, «велик». Апартаменты фаворита стали неформальным «отделом кадров» по трудоустройству или содействию решению жизненных проблем. Но в реальной политике его «департамент» исполнял роль еще одной статс-секретарской канцелярии по оперативной связи монарха с военными и гражданскими деятелями и «принятию прошений», пусть и с более широкими возможностями, чем у «штатных» коллег, что можно считать не расцветом, а, скорее, закатом фаворитизма как особого неформального механизма высшего управления.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor' V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; kurukin@mail.ru

⁴⁹ *Марасинова Е.Н.* Закон и гражданин (к истории политического сознания в России второй половины XVIII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М., 2012. С. 300–301.

«Мама, не проявляя к тебе особой ласки,
пишет тебе очень дружелюбно»:
предсвадебные письма графа
В.А. Мусина-Пушкина своей невесте

Юлия В. Ким

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Yvk22@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены два письма В.А. Мусина-Пушкина, которые он написал своей невесте незадолго до свадьбы в 1828 г. (письма хранятся в Российском государственном архиве древних актов). Текст писем отражает контекст эпохи и повседневности, систему взглядов и особенности мировоззрения молодого аристократа, характерные черты внутрисемейного взаимодействия в сфере чувств, брака, человеческих отношений, которые неизбежно оказываются связанными с понятиями родовой чести, семейного долга, необходимостью сохранения статуса знатного рода. Автор статьи прослеживает, как на уровне отношений близкого круга родственников проявляется властная иерархия и как традиционные паттерны сочетаются с новыми элементами.

Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, младший сын археографа графа А.И. Мусина-Пушкина, был арестован по делу декабристов, переведен из гвардии в армию и сослан на службу в Финляндию, где познакомился со своей будущей женой, Эмилией Карловной Шернваль фон Валлен. В статье приводятся детали семейной жизни этой супружеской пары, а также частные факты биографии некоторых других членов семьи Мусиных-Пушкиных.

Ключевые слова: дворянская аристократия, семья, брак, родовая честь, любовная культура, дворянство, декабристы, повседневность, Мусины-Пушкины, XIX в.

Для цитирования: Ким Ю.В. «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно»: предсвадебные письма графа В.А. Мусина-Пушкина своей невесте // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 59–75. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-59-75

“Mother, showing no special affection for you,
writes to you very friendly”.
Count V.A. Musin-Pushkin’s pre-wedding letters to his bride

Yuliya V. Kim

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, Yvk22@yandex.ru

Abstract. The article presents two letters from V.A. Musin-Pushkin which he wrote to his bride shortly before the wedding in 1828 (the letters are kept in the Russian State Archive of Ancient Acts). The text of the letters reflects the context of the time and everyday life, the system of views and the peculiarities of the worldview of a young aristocrat, the specific features of intra-family interaction in the field of feelings, marriage, human relations which inevitably turn out to be associated with the concepts of the family honor, family duty, the need to preserve the status of a noble family. The author traces how the power hierarchy is manifested at the level of relations within a close circle of relatives, as well as how traditional patterns are combined with new elements.

Vladimir Alekseevich Musin-Pushkin, the youngest son of the archaeographer Count A.I. Musin-Pushkin, was arrested in connection with the case of the Decembrists, transferred from the Guards to the army and exiled to serve in Finland, where he met his future wife, Emilia Karlovna Shernval von Wallen. The article provides details of the family life of this married couple, as well as private facts from the biography of some other members of the Musin-Pushkin family.

Keywords: noble aristocracy, family, marriage, family honor, love culture, nobility, Decembrists, everyday life, Musin-Pushkins, XIX century

For citation: Kim, Yu.V. (2020), “Mother, showing no special affection for you, writes to you very friendly”. Count V.A. Musin-Pushkin’s pre-wedding letters to his bride”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 59-75, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-59-75

Введение

Представитель одного из аристократических родов, младший сын первооткрывателя «Слова о полку Игореве» графа А.И. Мусина-Пушкина, Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798–1854) с 1816 г. служил офицером лейб-гвардии Измайловского полка. После событий декабря 1825 г. В.А. Мусин-Пушкин был арестован по делу декабристов, полгода находился под следствием в Петропавловской крепости, а затем был переведен из гвардии в армию,

в Петровский пехотный полк, и сослан на службу в Финляндию [Эдельман 2010, с. 184–185]¹. Там он в 1826 г. познакомился со своей будущей женой, Эмилией Карловной Шернваль фон Валлен (1810–1846), дочерью Евы Густавы фон Виллебранд и выборгского губернатора Карла Йохана Шернвала (сенатор Карл Йохан фон Валлен – отчим Эмилии). Молодые люди вступили в брак в 1828 г. Появившись в Москве в 1829 г., Эмилия имела успех, о ней восхищенно писали В.Л. Пушкин, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, А.О. Смирнова-Россет и другие; при этом за графиней Мусиной-Пушкиной не было замечено любовных связей – сердце ее, как верно заметил посвятивший ей мадригал М.Ю. Лермонтов, было «подобно Бастилии»². Но до начала и семейной, и светской жизни молодой паре пришлось побороться за свое счастье, их судьба решалась в 1827–1828 гг.

Обратимся к двум письмам Владимира Алексеевича, которые были написаны Эмили Карловне почти накануне свадьбы, в марте и апреле 1828 г. (в этот период молодой граф писал своей невесте через день, а иногда и каждый день), и хранятся сейчас в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³. Первое письмо, за исключением фраз прощания, написано на русском языке (граф хотел, чтобы его возлюбленная выучила русский), второе – на французском⁴. Речевые конструкции и смысловое наполнение этих текстов очерчивают интересный спектр представлений и морально-этических установок молодого дворянина, культурно-специфичные черты взаимодействия Владимира Алексеевича и Эмили Карловны с кругом родственников, а также практики самореализации в приватной сфере. Контекст общественных собы-

¹ См. также: Восстание декабристов: Материалы / Общ. ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. VIII: Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах: Алфавит декабристов / Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса. Л., 1925. С. 134–135, 360; Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С.В. Мироненко; Под ред. М.В. Нечкиной. М: Наука, 1988. С. 122, 230, 290.

² См.: РГАДА. Ф. 1270. Оп. 3. Д. 4. Л. 15; *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. СПб., 2011. с. 134; *Вяземский П.А.* Записные книжки / Изд. подг. В.С. Нечаева. М., 1963 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0310.shtml (дата обращения 12 августа 2020); *Пушкин В.Л.* Письма к П.А. Вяземскому [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_w_l/text_0090-1.shtml (дата обращения 12 августа 2020); Из писем князя П.А. Вяземского к А.Я. Булгакову // Русский Архив. М., 1879. Вып. 5–8. С. 242–243.

³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885.

⁴ Перевод с французского – Ю.В. Ким.

тий и явлений и известные нам эпизоды семейной истории Мусиных-Пушкиных помогают зафиксировать то, как была устроена система властной иерархии во взаимоотношениях молодого человека с начальством, с семьей и внутри женско-мужской пары. В письмах отражается быт и повседневность молодого аристократа конца 1820-х гг. XIX в.

*Письмо В.А. Мусина-Пушкина
от 11/23⁵ марта 1828 г.
(из Роченсальма в Гельсингфорс)*

Текст письма принимает шутливо-нежный характер с первых строчек: «Письмо твое от 7/20 марта получил я в пятницу в два часа пополудни с приложенным при оном башмачком, которому, как и письму твоему, я чрезвычайно обрадовался и как то, так и другое миллион раз расцеловал», – а предмет разговора маркирует семейно-домашний характер взаимоотношений: «Ты просишь меня прислать тебе мерку с постели, вот она, в ней 3 аршина 3 вершка длины и 2 арш[ина] 5 вер[шков] ширины, прилагаю при сем нитку с мерою для верности». Кажется, шли приготовления к свадьбе: «Я прилагаю тебе с письмом мерку кровати: самый длинный конец узла указывает длину, другой конец указывает ширину»⁶. Жених не стеснялся обсуждать в беседе тему своих чувств, причем, как видится из контекста, его невеста первая задала предмет:

Ты пишешь мне, что, увидев и познакомившись в г-жею Линдер⁷, ты так была пленена ее хорошим личиком, ее любезностью, обращением, одеждою, что ты вне себя могла вообразить себе, что когда мне случится видеть и сравнить с тобою таких совершенных особ, какова г-жа Линдер, сердце мое и любовь моя к тебе много охладуют. Ах, мой друг, как ты еще молода и мало понимаешь, что значит слово «любовь»⁸. Как ты криво судишь о тех чувствах, которые я к тебе имею. Сколь ни совершенна г-жа Линдер, полагаешь ли ты, что подобной ей уже нет

⁵ Даты даны по юлианскому и григорианскому календарям.

⁶ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 23, 26.

⁷ Не удалось достоверно установить лицо. Возможно, это Джоанна Ловиза Линдер, в девичестве Хизингер (1800–1886/87), в таком случае Эмилия Карловна познакомилась с будущей матерью Константина Карловича Линдера (1836–1908), за которого выйдет замуж еще не родившаяся дочь Владимира Алексеевича и Эмилии Карловны, Мария Владимировна (1840–1870).

⁸ Слово «любовь» в тексте подчеркнуто.

в целом свете, я уверен, что я тысячу особ знаю, которые не менее ее пригожи, любезны, ловки и не хуже ее одеваются, не менее того, я тебя одну люблю и буду любить, разумеется, ежели ты будешь все то делать, что может способствовать к моему счастью и благополучию, а сие совершенно зависит от тебя, ибо имеешь все качества, могущие сделать мужа своего счастливым. Итак, не сомневайся никогда в сердце моем или в чувствах моих к тебе, горячность оных никогда не уменьшится, напротив того, разве прибавиться может, но еще раз повторяю: все будет зависеть от тебя⁹.

Этот отрывок привлекает внимание современного исследователя несколькими характерными чертами. Молодой граф, находясь в границах этических норм и практик XIX в., предлагает своей невесте из двух видимых ему возможностей – выигрывать конкуренцию у соперниц внешностью и совершенными манерами или стараться своими душевными качествами соответствовать ожиданиям мужа – выбрать вторую. Женское счастье в этой системе координат вторично, его в любом случае нужно заслужить. Мы отмечаем, как в частном письме естественно и органично для автора проявляется общественный дискурс, в контексте которого женщина в паре не имеет партнерского статуса и перемещается в позицию подчиненного и опекаемого, хоть и любовно, объекта. Но не все будет казаться однозначным, если мы познакомимся с дальнейшим содержанием письма, а также обстоятельствами, в контексте которых велась переписка.

Генерал-губернатор Закревский имел личные счёты с отчимом Эмилией Карловны и всячески препятствовал отношениям молодой пары, даже предлагал милости и снисхождение в обмен на отказ от невесты [Соснина-Пуцилло 2015, с. 154]. Владимир практически не упоминает сложности, которые ему приходится преодолевать, но между строк читается и боль, и усталость от разлуки:

Альбом музыкальный, журнал, кольцо и разные другие подарки тебя ожидают, приезжай и не медли. Завтра я сам поеду в Гекероль¹⁰ за твоими письмами и, ежели получу известие, что ты выехала, поеду тебе навстречу. Боже, какое будет для нас удовольствие обнять друг друга после пятимесячной разлуки, эта мысль одна приводит меня в восторг, в восхищение. Обнять мою Эмилиньку, что может быть сладостнее сего¹¹.

⁹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 23–24.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 25–26.

После участия в движении декабристов Владимир Алексеевич подвергался давлению и неприязненному отношению со стороны начальства, а семья была напугана ветреным политическим увлечением младшего из Мусиных-Пушкиных. Семью Владимир Алексеевич упоминает в своем письме:

Третьего дня получил я письмо от сестры Трубецкой, наполненное самых дружеских выражений насчет тебя, когда ты приедешь ко мне, то оно прочтешь. Здоровье Матушки моей очень поправилось, и она будет писать тебе и Матушке твоей через сестру мою Хитрову, которая на днях возвратится в Петербург, она должна была выехать из Москвы вчерашнего числа, следовательно, дней через шесть мы получим письма, посланные с ней¹².

Обращает на себя внимание то, что автор письма хочет подчеркнуть хорошее отношение своих родственников к Эмилии. Но не все было так просто. Семья Мусиных-Пушкиных категорически воспротивилась браку со «шведкой». Борьба молодого человека за счастье продолжалась весь 1827 г., он был доведен до нервного срыва, и только после этого при посредничестве своего старшего брата Ивана Алексеевича в декабре 1827 г. вырвал у матери (отца не стало за десять лет до этих событий) согласие на брак.

Это не первый случай, когда Мусины-Пушкины властно вмешивались в судьбу члена своей семьи. Приведем драматическую историю, связанную с Иваном Алексеевичем, так как она необходима для понимания позиции семьи в подобных вопросах. В 1816 г. генерал-майор И.А. Мусин-Пушкин (1783–1836) познакомился с дочерью мелкого немецкого купца, Шарлоттой Карловной Блок. Длительная связь вызвала сильное возмущение и переполох в семье Мусиных-Пушкиных, рассматривался вопрос о возможном лишении старшего сына наследства. Под давлением света и родных Иван Алексеевич расстался с Шарлоттой и 12 июля 1822 г. женился на Марии Александровне Урусовой (1801–1853). В том же году Шарлотта Блок приезжала в Россию с тремя их совместными с Иваном Алексеевичем детьми: Любовью, Софьей и Александром. Дочерей она под давлением и по личной просьбе Ивана Алексеевича отдала на воспитание сестрам И.А. Мусина-Пушкина – ей пообещали, что дети будут носить фамилию отца (этого впоследствии не случилось). Сына оставили с матерью, к ее утешению, но он умер от крупа осенью 1822 г. Через год, в 1823 г., умерла средняя дочь, Софья. В 1824 г. в очень тяжелом нервном состоянии за-

¹² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 25.

болела и ушла из жизни сама Шарлотта. События развивались на глазах юной жены Ивана Алексеевича, которая со своей стороны болезненно, до нервных срывов, переживала происходившее. Таким образом семья спасала статусное положение и родовое наследство, основную часть которого получал старший сын [Долгова 1998, с. 279–280; Русина 1998, с. 206–210; Соснина-Пуцилло 2015, с. 151].

Нам неизвестны случаи внутрисемейных споров по поводу имущества или наследства среди членов рода Мусиных-Пушкиных, все эти вопросы решались полюбовно и в согласии. Но традиционные представления о должном поведении включали в себя, например, консервативные практики заключения брака как материального и статусного союза. Молодые братья задавали новые образцы поведения, пренебрегая границами сословного порядка. Но каждый такой случай воспринимался старшими представителями семьи (матерью, сестрами и старшими зятями – Д.М. Волконским, А.З. Хитрово) потенциально опасным для семейных устоев прецедентом. В случае старшего брата удалось ценой причинения страданий всем участникам восстановить статус-кво.

На момент написания письма Владимира Алексеевича оставалось меньше двух месяцев до свадьбы, были высланы необходимые в этих случаях официальные подарки для Эмилии Карловны. Но Мусины-Пушкины по-прежнему холодно относились к будущей невестке. Сам же Владимир выражает в письме всю возможную приветливость родственникам Эмилии: «Выражаю мое почтение твоему отцу и твоей матери, обнимаю сестер и Теодора¹³, а также других детей», – а слова прощания с будущей женой эмоционально окрашены: «Моя Эмилия, приезжай, иначе я умру от нетерпения. Прощай, прижимаю тебя к сердцу»¹⁴.

*Письмо от 20 марта (1 апреля) 1828 г.
Вечер (указания на место не обнаружено)*

Первая часть текста возвращает нас к теме отношения родственников к свадьбе Владимира Алексеевича. Вероятно, после того, как было дано согласие на брак, мать жениха вступила в прямую переписку с Эмилией Карловной и ее родными – в предыдущем письме было упомянуто, что мать Владимира собиралась писать и его невесте, и ее родителям. И в своем письме автор, находящийся в сложной ситуации, когда необходимо примирить

¹³ Фриер Теодор Валлен (1827–1902), сводный брат Эмилии Карловны.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 26.

все стороны, пытается придумать сложную стратегию написания ответов на письма:

Я не хочу, чтобы твои родители были хоть в малейшей степени недовольны моей матерью, которая не из женщин, пренебрегающих приличиями. Поэтому я прошу тебя не отвечать моей матери до тех пор, пока мадам Валлен¹⁵ не получит ответ, который был ей написан и копию которого я прошу тебя передать мне. И тогда я пришлю тебе черновик письма, которое ты должна будешь отправить моей матери¹⁶.

Одновременно Владимир успеваеt успокоить невесту в отношении сухости письма его матери:

...Полученным тобой письмом я доволен. Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно. Она хочет тебя узнать, и это естественно. Убеждаю тебя, мой дарованный мне судьбой друг, что как только ты ее узнаешь, ты ее бесконечно полюбишь¹⁷.

Кто же эта женщина, которая определяла жизнь и судьбу своих сыновей? Мать Владимира, Екатерина Алексеевна (1754–1829), активно участвовала в светской жизни, решала хозяйственные и бытовые вопросы, устраивала карьеру сыновей. Современники вспоминали, что она была скупой, но это не мешало ей «принимать весь город, жить домом и делать добро»¹⁸. А.И. Мусин-Пушкин признавал в письмах друзьям сильный характер своей супруги: «Трудно отвратить женщину от того, чего ей захочется. Я представляю все препятствия и беспокойства, но уговорить не могу»¹⁹. Но она также была постоянной спутницей Алексея Ивановича в любой его деятельности, приводила сыновьям его в пример как, например, человека, который «не тронул пальцем ни одного из своих людей» [Соснина-Пуцилло 2015, с. 148].

Нужно отметить, что Владимир воспитывался иначе, чем его старшие братья, к которым были прикованы и внимание, и надежды семьи.

¹⁵ Мать Эмили Карловны.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 37.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 37.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 598. Л. 4, 28, 39–42, 47, 65; Д. 10289. Л. 2.

¹⁹ Письма А.И. Мусина-Пушкина к разным лицам за 1769–1816 гг. // Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. С. 176.

К старшему, Ивану Алексеевичу, наследнику родового имени «Иловна» (к моменту получения наследства – 2700 душ²⁰), внимание было особенно велико. Мать писала ему в 1809 г.: «Пора, мой друг, рассуждать поосновательнее и думать о том, чтобы быть человеком полезным себе, отечеству и семье своей, в которой ты старший», – наставляла она и советовала: «Положи себе основанием большой порядок в твоих делах и расчетах, старайся везде жить на чистые деньги, и по мере прихода держи расход». Лишь иногда в письме промелькнет ласковое – «Ваничка»...

Алексей Иванович в своих посланиях мягче, но заметно, что ко всем своим сыновьям он относился по-разному. Он был недоволен образом жизни старшего: «Мне неприятно, что молодые и лучшие твои лета проводишь в крайней праздности, что может сделать тебя ни к чему не способным и в тягость себе и людям, чего бы весьма не хотелось». Средний сын был любимцем отца: Александр Алексеевич (1788–1813) служил ассессором при московском архиве Коллегии иностранных дел, входил в Общество истории и древностей российских, помогал отцу в научных изысканиях. Смерть Александра в бою под Люнебургом подкосила душевные силы и здоровье А.И. Мусина-Пушкина.

Владимир, самый младший, впитал больше безусловной родительской ласки, чем его братья и сестры. Отец даже в письмах обращался к «Володиньке» иначе, чем к старшим сыновьям: «Продолжай хорошенько учиться и утешь нас к приезду нашему тем, чтоб получили мы о тебе общею похвалу»; «будь здоров, молись Богу, учись хорошенько». «Володиньку привезли, он дорогою простудился и имел горячку небольшую, теперь так слаб, что шатается на ногах и худ безмерно», – волновался граф в тревожном сентябре 1812 г. Тогда Владимиру было 14 лет, в это время Иван уже воевал против Наполеона, а Александр собирался вступить в Ярославское ополчение²¹.

В отличие от братьев, получивших домашнее воспитание, Владимир с двенадцатилетнего возраста учился в Санкт-Петербурге (сначала в иезуитском колледже при базилике св. Екатерины, затем в Пажеском корпусе), таким образом, становление характера и формирование взглядов юного Владимира происходило под немалым влиянием внесемейных агентов социализации. И именно

²⁰ Иван получил также каменный дом в Санкт-Петербурге, дома в Мологе и Рыбинске, мельницы и заводы в Мологском уезде (РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 997).

²¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 598. Л. 3, 4–4об., 27, 38, 39, 42, 47; Д. 570. Л. 16; Д. 40. Л. 10об.–11об.; Д. 686. Л. 20; Д. 644. Л. 46–47; РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2495. Л. 8об.–9.

Владимир, «непоротое поколение», был мятежной душой в аристократическом семействе.

Вернемся к тексту письма. Молодой граф Владимир Алексеевич пишет Эмилиии Карловне:

И никогда не сомневайся в тех чувствах, которые я персонально и мои родные испытывают сейчас и будут испытывать всегда по отношению к тем, кто дал тебе жизнь. Небольшое огорчение заставило тебя написать мне. Ты мне привела очень красивые аргументы, которые я вполне разделяю с тобой. Я надеюсь, что время тебе покажет, что ни богатство, ни положение не являются вещами, которыми я и мои родные слишком дорожим. И мы полностью разделяем те чувства, которые испытываешь ты, к моему большому удовлетворению²².

Эти слова являют контраст с тем, что мы знаем о методах защиты статусных позиций в кругу Мусиных-Пушкиных. Верил ли молодой граф в то, что он писал после длительного противостояния с родными за свой выбор и брак? Выдавал ли желаемое за действительное? Но предположим, что Владимир видел две формы семейных повседневных практик: одна воплощала ту консервативно-косную силу, с которой влюбленному человеку приходилось бороться за свое будущее; другая, тоже связанная с традицией и преемственностью поколений, представляла собой «домашний очаг», а в памяти складывалась из детских воспоминаний о семейных праздниках, о летних поездках в Ярославскую «Иловну» и времени, проведенном в теплом окружении родственников²³, из бесед с отцом и книг. И, как нам кажется, именно вторую форму реализации семейных норм Владимир Алексеевич имел в виду, когда писал такие слова своей невесте.

Остальная часть письма по большей части наполнена хозяйственными и радостными хлопотами, сообщениями о подарках Эмилиии и ее родным:

Посылаю тебе ящик, наполненный различными предметами, реестр которых я добавляю сюда. Я хотел бы, чтобы ты подарила от меня пару сапог твоей доброй матери, и чтобы ты передала пояс Авроре²⁴. Я обязательно выполню все поручения, которые ты дашь мне. Мерки твоей одежды уйдут в следующую пятницу в Петербург с моим Анри,

²² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 37–38.

²³ Там же. Д. 40. Л. 5–5об.

²⁴ Аврора Карловна (1808–1902), сестра Эмилиии Карловны. Была замужем за П.Н. Демидовым (1798–1840), после его смерти занималась делами Нижнетагильских заводов. С 1846 г. в счастливом браке с А.Н. Карамзиным (1814–1854), трагически погибшим в крымской кампании.

которого я отправлю туда для совершения нескольких покупок. Я написал вчера относительно обуви и других предметов, о которых ты меня просила. Ты найдешь в ящичке пасхальное яйцо, оно не очень красивое, но это единственное, что я смог здесь найти. Я также положил в небольшой пакет 60 рублей, которые прошу тебя передать Эмилю²⁵, умоляя его купить мне десять фунтов курительного табака, того же самого, что он прислал мне в прошлый раз. Мне также нужны 5 аршинов тонкого вошеного холста, чтобы сделать отделку моего чак²⁶ для маршировки, он продается в Эталине. <...> Не забудь переслать мне также холст, книгу Ансело «Шесть месяцев в России»²⁷ и ответ на это письмо. Прилагаю бумаги, необходимые для публикации объявления о свадьбе, и также каталог, о котором ты меня так срочно спрашиваешь. Будь очень осторожна с этим, потому что ты можешь причинить мне много вреда, если покажешь это нескольким незнакомцам, зло не легко простить²⁸.

Последняя фраза и тон выдают все то же покровительственное отношение Владимира Алексеевича к будущей жене. Но будто бы чувствуя жесткость слов, граф пишет заботливо: «Мне жаль, что ты плохо себя чувствовала, когда уходила от меня, я рекомендую капли M-r Simonine, а чтобы их было не так неприятно принимать, я пришло тебе отличные конфеты, которые ты можешь оставить себе». Далее вновь резко меняется тональность текста, молодой человек обращается к общим и интимным воспоминаниям в нежно-заговорщицкой манере: «Я очарован тем, что вещь, которая меня так сильно рассмешила, ускользнула от всеобщего внимания. Каждый раз, когда я захожу в желтую комнату, я начинаю смеяться. Мой Бог, как ты была весела в тот день» (предмет, рассмешивший автора, для нас остается скрытым)²⁹.

²⁵ Барон Карл Канут Эмиль Шернваль-Валлен (1806–1890), брат Эмилии Карловны, в будущем министр, статс-секретарь Великого княжества Финляндского.

²⁶ «Chakos» (фр.): «чак» или «шако», в России – «кивер» (Головные уборы // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. 8: [Гимры – Двигатели судовые]. СПб., 1912. С. 382–383). Кивер этого периода изготавливали из кожи, по коже оклеивали холстом, а по холсту – черным сукном [Бегунова 2000, с. 161–164].

²⁷ Книга Ф. Ансело «Шесть месяцев в России» вышла в апреле 1827 г. в Париже, быстро стала популярной и была раскуплена, и в том же месяце переиздана. Переиздавалась в 1828–1829 гг. (Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М.: Новое литературное обозрение, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/french/ancelot/index.html> (дата обращения 11 августа 2020).

²⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 38–39.

²⁹ Там же. Л. 39.

Смена настроения и тем характерна для автора. Может быть, такой порывистый стиль сформировался привычкой и образом жизни дворянина-аристократа. Для иллюстрации проследим его день за пять лет до письма, 15 апреля 1823 г., описанный в дневнике – Владимир тогда путешествовал и жил в Дрездене [Ким 2018, с. 218–219, 224–231]. День начался с того, что молодой человек проснулся в 7 часов, написал Мари³⁰, читал до 11 часов, немного поупражнялся с байонетом, а в полдень отправился с другом осмотреть окрестности в часе езды верхом от Дрездена. По возвращении в город наш герой «поправил свой туалет», пообедал с друзьями (за обедом говорили о политике), побывал в театре. Позже Владимиру Алексеевичу удалось провести некоторое время со своей дамой сердца. Вернувшись домой, граф Мусин-Пушкин еще до одиннадцати часов читал роман, который, правда, сразу же раскритиковал, как нечто ординарное... – и на этом заканчивается дневник за день³¹.

Таким был молодой граф двадцатипятилетним, но и в предсвадебный период, будучи тридцатилетним, имея опыт и непростые испытания за спиной, он, кажется, не изменился, темп его жизни и письма динамичен:

Я получил литографии Психеи, они великолепны и будут очень красиво смотреться в будуаре. У меня сегодня совсем не все хорошо, кажется, и меня беспокоят некоторые плохие вещи. В субботу я приму причащение, но ты не будешь присутствовать на этой церемонии, как в прошлом году, когда ты причащалась, мой друг. Воспоминания об этом дне никогда не будут стерты из моей памяти. Он запечатлен в моей памяти, потому что именно тогда я убедился в доброте твоего сердца.

В воскресенье я получил письмо от брата из Москвы от 12 (24), он объявляет о своем возвращении в Петербург сегодня, что доставляет мне огромное удовольствие, потому что в таком случае мои дела наладятся, так как он идеально делает покупки.

<...> Утром я позаботился о распаковке вещей, которые я получил из Петербурга, а потом ко мне приехали несколько наших офицеров. Вчера я проспал почти весь день, потому что воскресенье и всю ночь понедельника я не спал. Из-за того, что моя рука так устала от того, что я держу перо несколько часов, мои пальцы стали жесткими, как

³⁰ Мари Мальсбург, замужняя дама, возлюбленная Владимира Алексеевича в период пребывания его в Дрездене.

³¹ См. полное описание дня: РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1441. Л. 4–5.

будто их парализовало. Я не написал тебе с почтовым курьером, так что теперь ожидай услышать от меня новости только в следующую пятницу. Пожалуйста, поблагодари Б. Клинокострема³² за одеколон, который он мне прислал, и скажи ему, что я напишу ему в один из ближайших дней. Что он рассказал вам о Петербурге? Генерал не спрашивал его обо мне, несмотря на то, что сказал ему, что был в моем доме. Я недоволен этим. Так можно и умереть от апоплексии³³.

Заканчивается письмо заботами о свадьбе и уверениями в привязанности и любви, и вновь поэтические образы перемежаются с деловыми оборотами:

Сегодня 1 апреля по новому стилю. Какие розыгрыши напомнили тебе прошлый год и твою милую маленькую ярость, когда тебе пришлось сдать экзамен? Не потеряй мой документ о разрешении брака. Как только он тебе больше не понадобится, немедленно отправь его мне. Прощай, дорогая и любимая Эмилия. Люби меня, как я люблю тебя, никогда не оставляй без внимания того, кто тебя так нежно любит. Целую миллиард раз и рекомендую позаботиться о своем здоровье. Прощай, мой ангел, моя прекрасная возлюбленная, пусть Бог добра и милосердия охраняет тебя и защищает тебя. Прижимаю к моему сердцу. Твой будущий муж и верный друг, Владимир.

Передай мое почтение твоему отцу и твоей прекрасной матери, поцелуй за меня ее руки. Поцелуй Аврору, Алину³⁴, Эмилию, Теодора и детей. Постарайся точно выполнить мои поручения и подробно напиши мне³⁵.

Заключение

В XIX в. происходили глубокие изменения в общественном сознании, но консервативные константы доминировали в сфере семьи, брака, гендерно-ролевой самоидентификации. «Платой за чин» (так старший брат Владимира объяснял свою историю расставания с Шарлоттой) определялось соблюдение «правил игры», которые заключались в поддержании закрытых и по возможности непроницаемых границ, охраняющих российский нобилитет не

³² Не удалось установить лицо.

³³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 39–41.

³⁴ Младшая сестра Эмилии Карловны, Александра (1812–1850).

³⁵ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 41–42.

только от диффузии вовнутрь других сословий, но и от интеграции с менее статусными группами дворянства. Аристократия, терявшая точки опоры в бурно меняющемся мире, боролась за устойчивость традиции с удвоенной силой, не считаясь с личностным фактором: мега-институт семьи как цельного организма был важнее его элементов. Находясь в этой капсуле, Владимир Алексеевич имел не слишком большие шансы на реализованный собственный выбор. В рамках социального взаимодействия с кругом своих близких людей или других людей, которые имели власть для влияния на его судьбу, он оказывался в роли страдающего субъекта, которому отказывали в праве на самостоятельность. И, возможно, именно его пылкость и страсть, которые проявляются в стиле письма, помогли ему границы допустимого надломить. Это выразилось и в участии его в движении декабристов, и в борьбе за свое счастье. И если романтика «тайных обществ» – это общая история молодого поколения, которые продвигали и провоцировали общественно-политические изменения в России и Европе; то борьба за собственное счастье – это личная история Владимира Алексеевича, которая нам представляется не менее сложной. Мы наблюдаем дихотомию: молодой человек с либеральными взглядами, свободномыслящий даже в семейной сфере, демонстрировал традиционное понимание ролевого женско-мужского взаимодействия. Интересен феномен: Владимир Алексеевич своей привязанностью к Эмилии Карловне, некоторой зависимостью от ее присутствия и их отношений, готовностью жертвовать семьей ради возлюбленной неосознанно переносил себя в уязвимую и слабую позицию, но формально он удерживал за собой непререкаемо главенствующую роль в женско-мужской паре. То есть присутствие хотя бы ограниченного объема традиционных практик помогало удержать равновесие в контексте новых свобод и новой ответственности за свой решительный выбор.

* * *

Владимир Алексеевич и Эмилия Карловна поженились 4 мая 1828 г. в Выборге. Никто из семьи В.А. Мусина-Пушкина на свадьбе не присутствовал. Но С.В. Мещерская³⁶ вспоминает, как молодые приехали в Москву: «Помню, как сестра моя и я смотрели издали, как бабушка впервые встретила их у дверей спальни. Молодая графиня встала перед ней на колени, она

³⁶ Софья Васильевна Мещерская (1822–1891), в девичестве Оболенская – родная племянница Владимира Алексеевича.

была в розовом платье и так очаровательно хороша, что все в нее влюбилось. Бабушка тоже сердечно ее полюбила, а матушка сделалась ее неизменным другом, хотя и была двадцатью годами старше»³⁷.

Владимир Алексеевич был владельцем имения «Борисоглеб» и 2 705 мужских душ³⁸. После свадьбы он беспокоился о том, чтобы его супруга была защищена материально, о чем говорит его первое из известных нам завещаний, составленное в апреле 1829 г.: в случае отсутствия сына Эмилия Карловна должна была бы получить все движимое имущество, личную библиотеку мужа со всеми без исключения книгами, часть недвижимости и часть библиотеки А.И. Мусина-Пушкина³⁹.

В конце 1831 г. Владимир Алексеевич был уволен со службы с обязательством жить в Москве и не выезжать за границу. Только в 1834 г. по ходатайству Московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына граф Мусин-Пушкин был освобожден от надзора⁴⁰. В середине 1830-х из-за финансовых трудностей Мусины-Пушкины вынуждены были ограничить пребывание в столицах и проводить время преимущественно в Ярославском имении. В «Борисоглебе» они жили относительно широко, быт и комфорт хозяев обеспечивался многочисленными крепостными и служащими при усадьбе, которых нужно было содержать – около 160 человек служили и кормились при усадьбе⁴¹.

Графиня Мусина-Пушкина посвящала себя хозяйственным заботам и хлопотам (многие крестьяне решали свои вопросы через нее), вместе с мужем организовывала лечение крестьян и работников имения⁴². Ухаживая за больными во время одной из вспышек тифа в 1847 г., Эмилия Карловна заразилась и «в 4 дня ее не стало»⁴³. В 1853 г. стал терять здоровье Владимир Алексеевич, его мучили головные боли; он умер в 1854 г. и был похоронен в «Борисоглебе» возле своей жены.

³⁷ Мещерская С.В. Воспоминания // Мусины-Пушкины: кн.-альбом / Сост. Т.И. Гулина, Г.В. Раздобурдина, М.Г. Шиманская. Ярославль, 1996. С. 41.

³⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 997. Л. 6–9.

³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 24. Д. 162. Л. 3–4 об.

⁴⁰ Восстание декабристов... С. 134–135, 360.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2455. Л. 1–49.

⁴² Там же. Д. 2246. Л. 5; Д. 4778. Л. 33.

⁴³ См.: Из писем А.О. Россета к А.О. Смирновой // Русский Архив. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1896. Вып. 1–4. С. 364.

Литература

- Бегунова 2000 – *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000. 375 с.
- Долгова 1998 – *Долгова С.Р.* Родовой архив Мусиных-Пушкиных в Российском государственном архиве древних актов // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина: Материалы междунар. науч. конф. «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения наследия рода», 25–27 июля 1994 г. / Гл. ред. С.О. Шмидт. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 271–286.
- Ким 2018 – *Ким Ю.В.* Повседневность молодого дворянина в городах России и Европы первой четверти XIX в.: по дневникам Александра и Владимира Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). Ч. 2. С. 215–234.
- Русина 1998 – *Русина О.Н.* Материалы к биографии И.А. Мусина-Пушкина // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина: Материалы междунар. науч. конф. «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения наследия рода». 25–27 июля 1994 г. / Гл. ред. С.О. Шмидт. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 204–214.
- Соснина-Пуцилло 2015 – *Соснина-Пуцилло Е.В.* Иловна и ее обитатели // Угличское поле. 2015. № 26. С. 144–161.
- Эдельман 2010 – *Эдельман О.В.* Следствие по делу декабристов / Под ред. С.В. Мироненко. М.: REGNUM, 2010. 356 с.

References

- Begunova, A.I. (2000), *Povsednevnyaya zhizn' russkogo gusara v tsarstvovanie Aleksandra I* [Everyday life of a Russian hussar during the reign of Alexander I], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Dolgova, S.R. (1998), "Musin-Pushkins' ancestral archive in the Russian State Archive of Ancient Acts", *Musiny-Pushkiny v istorii Rossii: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Musina-Pushkina: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konf. "A.I. Musin-Pushkin i ego potomki v istorii Rossii. Probl. sokhraneniya naslediya roda"*, 25–27 iyulya 1994 g. [Musin-Pushkins in the history of Russia. To the 250th anniversary of the birth of A.I. Musin-Pushkin. Proceedings of the international. scientific. conf. "A.I. Musin-Pushkin and his descendants in the history of Russia. Issues of preserving the clan heritage", July 25–27, 1994], S.O. Shmidt (ed.), Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, Russia, pp. 271–286.
- Edel'man, O.V. (2010), *Sledstvie po delu dekabristov* [Investigation in the case of the Decembrists], S.V. Mironenko (ed.), M.: REGNUM, Moscow, Russia.
- Kim, Yu.V. (2018), "The everyday life of a young nobleman in the cities of Russia and Europe in the first quarter of the 19th century. According to the diaries of Alexander and Vladimir Musin-Pushkins", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Culturalology. Oriental studies" Series*, no. 6 (39), part 2, pp. 215–234.
- Rusina, O.N. (1998), "Materials for the biography of I.A. Musin-Pushkin", *Musiny-Pushkiny v istorii Rossii: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Musina-Pushkina: materialy*

mezhdunarodnoi nauchnoi konf. «A.I. Musin-Pushkin i ego potomkiv istorii Rossii. Probl. sokhraneniya naslediya roda», 25–27 iyulya 1994 g. [Musin-Pushkins in the history of Russia. To the 250th anniversary of the birth of A.I. Musin-Pushkin. Proceedings of the international. scientific. conf. “A.I. Musin-Pushkin and his descendants in the history of Russia. Issues of preservating the clan heritage”, July 25–27, 1994], S.O. Shmidt (ed.), Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, Russia, pp. 204–214.

Sosnina-Putsillo, E.V. (2015), “Ilovna and its inhabitants”, *Ugliche pole*, no. 26, pp. 144–161.

Информация об авторе

Юлия В. Ким, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Yvk22@yandex.ru

Information about the author

Yuliya V. Kim, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; Yvk22@yandex.ru

«С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты...»

Вячеслав Н. Горелов

ООО «Таврида Электрик», Москва, Россия, gvn@tavrida.com

Аннотация. Рекрутская система, помимо комплектования армии и флота нижними чинами, исполняла еще одну функцию – карательную. Отдачей в военную службу наказывались мелкие воры, бродяги, беспаспортные, пьяницы, а также нерадивые к домоводству, неплательщики податей, самовольные порубщики леса, «предерзливые» и иные лица, по разным причинам неугодные обществу или помещику. В данной работе на материалах поместно-вотчинного архива Шереметевых подробно рассматривается механизм управления вотчинами, направленный на очищение сельского общества от неплательщиков оброка и лиц порочного поведения путем отдачи их в рекруты. Показано, в частности, что этот процесс со стороны вотчиновладельца носил продуманный, организованный и систематический характер, что в ряде случаев приводило к массовой, до нескольких десятков человек одновременно, отдаче крестьян в военную службу. Окончательное решение о наказании принималось графом с учетом мнений мирского общества, вотчинных и домового правлений.

Ключевые слова: рекрутская система, Шереметевы, мирской приговор

Для цитирования: Горелов В.Н. «С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты...» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 76–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-76-93

“With the permission of His Excellency the Count,
seven people are sentenced to send them to recruits...”

Vyacheslav N. Gorelov

Tavrida Electric Ltd., Moscow, Russia, gvn@tavrida.com

Abstract. In addition to completing the army and Navy with lower ranks, the recruiting system performed another function, i.e. punitive. Small-time thieves, vagabonds, persons having no passports, drunkards, as well as negligent housekeepers, tax evaders, unauthorized woodcutters, “the insolent” and others, who for various reasons being objectionable to society or the landown-

er, were punished by sending to military service. In this paper, based on the materials of the local patrimony archive of the Sheremetevs, the patrimony management is considered in detail, as a mechanism aimed at clearing the rural society of the taxes non-payers and persons of depraved behavior by sending them to recruits. It is shown, in particular, that such a process on the part of the patrimony owner was a thought-out, organized and systematic one, what in some cases led to a mass, up to several tens people at a time, provision of peasants for military service. The final decision on punishment was made by the Count, taking into account the opinions of rural commune, patrimonial and house boards.

Keywords: recruiting system, the Sheremetev family, rural commune sentence

For citation: Gorelov, V.N. (2020), "With the permission of His Excellency the Count, seven people are sentenced to send them to recruits", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 76-93, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-76-93

Введение

В предыдущих работах нами рассматривались различные аспекты карательной функции рекрутской повинности – сюжета, который до настоящего времени не подвергался систематическому изучению. Были исследованы процесс формирования правового пространства за период с начала XVIII до середины XIX столетия, предприняты попытки оценить количественные характеристики явления и выявить истинную мотивацию владельцев при отдаче в рекруты порочных крестьян и дворовых. На некоторых примерах мы рассматривали практику правоприменения, сравнивая ее с соответствующим набором узаконений [Горелов 2012, Горелов 2014а, Горелов 2014b, Горелов 2015]. Однако нам пока не удалось сопоставить «механизм» принятия и реализации владельческих решений, с одной стороны, и решений, которые принимала сельская поземельная община на мирских сходах – с другой. Такое сопоставление, между тем, представляет значительный интерес, поскольку в очищении сельского общества путем изъятия из него порочных людей отдачей в смиренный дом, на поселение или в рекруты должны быть заинтересованы обе стороны – как владелец, так и члены общины.

Для того чтобы исследовать взаимодействие мирян, управленческого аппарата и самого вотчинладельца, необходимо располагать консистентным и репрезентативным набором документов, прошедших через всю цепочку отношений снизу доверху. Такую

возможность предоставляет уникальный фонд Шереметевых, хранящийся в Российском государственном историческом архиве. В числе прочих в этом фонде содержатся материалы по разным вопросам управления хозяйством и крестьянами, дела об отдаче крестьян в рекруты, а также документы вотчинных правлений, включая приговоры мирских сходо́в.

Проанализируем выявленные нами документы, но вначале покажем, как был устроен аппарат управления сложным хозяйством одного из крупнейших помещиков и землевладельцев России.

Согласно исторической справке, представленной в предисловии к описям шереметевского фонда, в первой половине XVIII в. центральное управление вотчинами осуществляла Домовая канцелярия в Москве. В 1768 г. была учреждена Санкт-Петербургская домовая канцелярия, имевшая одинаковый статус с Московской. При графе Николае Петровиче возникла Собственная канцелярия для рассмотрения дел, представлявшихся на его личное рассмотрение, которая в 1807 г. была преобразована в Главную домовую канцелярию для управления всеми вотчинами, но в Москве для управления московскими и подмосковными домами оставалось Московское домовое правление.

Спустя некоторое время, в период опеку́нства над малолетним графом Дмитрием Николаевичем, Московскому домовому правлению были возвращены все подмосковные вотчины. При этом Московскому домовому правлению, в состав которого входило Московское крестьянское правление, было дозволено действовать независимо от Главной домовой канцелярии, которая в 1840 г. была переименована в Петербургскую домовую канцелярию. В 1855 г. все правления (Московское домовое, крестьянские и вотчинные), а также Петербургская домовая канцелярия были переименованы в конторы, а из названий Московской и Петербургской контор изъято обозначение «домовая».

Отдельного описания заслуживает деревня Выхино, поскольку значительная часть представленных здесь материалов посвящена событиям, связанным с Выхинским вотчинным правлением. К началу XIX столетия в Выхино насчитывалось около ста дворов и проживало немногим более тысячи лиц мужского и женского пола, к 1850-м гг. общее количество населения выросло до 1379 человек. Крестьяне вотчины состояли на оброке, который в середине XIX в. составлял 3653 рублей в год. Выхинская вотчина располагалась на Коломенской дороге, что позволяло крестьянам сдавать помещения под постоянные дворы и харчевни, а также заниматься торговлей. Деревня управлялась Выхинским вотчинным правлением, с 1855 г. – вотчинной конторой.

*Материалы поместно-вотчинного
архива Шереметевых*

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных дел об отдаче крестьян в рекруты. Одно из них, наиболее емкое и содержащее практически полный набор документов, посвящено отдаче в военную службу крестьянина Василия Шевелева, о судьбе которого мы узнаем из приказа управляющего Московским домовым правлением Выхинского вотчинному правлению № 2125 от 10 июня 1844 г.¹

Выхинский крестьянин Василий Шевелев находился в работниках у одновотчинного крестьянина Филиппа Кокорина и по его жалобе был наказан розгами приказчиком Рыбальченковым «за обиду, грубости, подозрение в краже бутылки рома, а также за неприличные телодвижения в присутствии правления, дерзкие ответы и пьянство». Спустя два дня после наказания крестьянин Шевелев изобразил из себя помешанного и находящегося при последнем издыхании, причастился Святых Тайн, но был осмотрен медицинской комиссией, которая признала его совершенно здоровым.

Несмотря на этот вердикт, дело о наказании Василия Шевелева дошло до уездного суда, который, впрочем, полностью оправдал Кокорина и Рыбальченкова, причем при производстве дела последним были истрачены деньги в сумме 290 рублей 50 копеек. Во время судебных разбирательств мать Шевелева, вдова Матрена Петрова, на руках которой, кроме сына Василия, было еще трое сыновей и две дочери, по совету многоопытного кляузника крестьянина Андрея Шелестова направила три жалобы военному генерал-губернатору и гражданскому губернатору на медленное производство дела о побоях и жестоком наказании ее сына.

В декабре месяце 1843 г. Московское домовое правление доложило о происшествии и завершении судебного разбирательства его сиятельству графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, который повелел сына вдовы Матрены Петровой Василия наказать отдачей в рекруты, что и было исполнено. Кроме того, распоряжением графа предписано было представить рекрутскую квитанцию к зачету за другое семейство, с принятием от этого семейства двух тысяч рублей ассигнациями, из которых 290 рублей 50 копеек должны быть выданы приказчику Рыбальченкову в счет погашения судебных издержек, а оставшиеся 1709 рублей 50 копеек обращены в доход графа Шереметева. Крестьянка Матрена Петрова освобождалась от всякого взыскания за жалобы, обращенные к высокому начальству, поскольку семейство ее уже было наказано лишением одного

¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 191. Л. 32–34об.

из сыновей и зачетной рекрутской квитанции, а также потому, что она «в настоящем деле была подстрекаема крестьянином Шелестовым». Крестьянину Шелестову, которого домовое правление за «праздношептание и вредные для начальства действия, возмущающие других крестьян к неповиновению»² предлагало выселить из вотчины или отдать в смиренный дом, графом было сделано великодушное снисхождение, а именно выговор с предупреждением, чтобы тот впредь не вмешивался в дела, его не касающиеся.

Выкупить рекрутскую квитанцию за порочного крестьянина деревни Выхиной Василья Шевелева на мирском сходе вызвался крестьянин деревни Жулебиной Тимофей Кожуханцев, а поскольку он, Кожуханцев, поведения был хорошего, трезвого и к «домоводству трудолюбив», то вотчинное правление обратилось в вышестоящее домовое правление с ходатайством предоставить отсрочку в платеже одной тысячи рублей на один год, чтобы для выкупа квитанции можно было обойтись без продажи домашнего скота. Домовое правление с этим не согласилось, поскольку помимо Кожуханцева выкупить рекрутскую квитанцию вызвались Выхинской вотчины крестьянин Петр Сосунов и крестьяне Островецкой вотчины Назар и Григорий Смурыженковы. Все они готовы были внести одновременно не только 2000 рублей, но и 101 рубль 50 копеек в погашение издержек, которые мирское общество употребило при предоставлении порочного крестьянина Шевелева в рекруты³. Тем не менее в августе 1844 г. состоялся мирской сход, на котором крестьяне «положили»: квитанцию за Шевелева зачесть семейству Кожуханцева, приняв от него 2000 рублей.

Казалось бы, дело об отдаче Василья Шевелева в рекруты можно было считать улаженным ко всеобщему удовлетворению. Однако крестьянская вдова Матрена Петрова полагала иначе. Желая, чтобы рекрутская квитанция за сына Василья была зачтена не Кожуханцеву, а собственному ее семейству, она обратилась с жалобой на домовое начальство в правительство, которое назначило расследование и дополнительные проверки.

² Там же. Л. 32об.

³ Крестьяне не всегда проявляли такую способность выкупить рекрутские квитанции, как в данном случае. Например, в марте 1829 г. по распоряжению графа положено было зачесть семь человек крестьян, отданных в рекруты «за непрочность к вотчинам», за семейства тех, кто сможет внести по две тысячи рублей ассигнациями в доход его сиятельства за каждого отданного, и Иевлевскому вотчинному правлению было предписано объявить об этой возможности. Однако в апреле крестьяне деревни Сенчуковой уведомили домовое правление, что «по неимуществу никто никакой суммы взнестъ не может». См.: РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 64. Л. 2, 3.

Прошло два года. По итогам работы ревизоров, а также следователей (экспедитора Моисея Ферапонтова и столоначальника Михаила Боровкова) в удовлетворении просьбы вдове Матрене Петровой было отказано, и в июле 1847 г. просительница была предупреждена, чтобы «впредь не смела более подавать вздорных просьбы, иначе будет оштрафована»⁴ (оштрафована Выхинским вотчинным правлением по представлению Домового правления, которое утверждено графом. – *В. Г.*).

Настойчивую Матрену Петрову, крестьянскую вдову Шевелеву, это не остановило. Она обратилась с всеподданнейшим прошением к графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, убеждая его в том, что жестоко избитый розгами ее сын Василий пострадал невинно, обвинивший его в пороках крестьянин Кокорин имел дружественные связи с приказчиком, а рекрутская квитанция неспроста зачтена за семейством крестьянина Тимофея Кожуханцева, потому как он является племянником крестьянина Кокорина. В заключение «плачущаяся вдовица», умоляя графа зачесть рекрутскую квитанцию за оставшихся трех сыновей, прибегла к последнему доступному ей средству: она попросила графа дать возможность мирскому обществу удостоверить отсутствие пороков у отданного в рекруты сына Василья и заявила о готовности строго ответить по закону, если окажется какая-либо ее неправда. Граф Шереметев предписал вотчинному правлению немедленно прислать ему справку и отзыв мирского общества по делу просительницы.

Судя по документам, мирской сход собирался дважды. Итоги первого схода просительницу не удовлетворили, поскольку общество было собрано неполное и составленное из родственников Филиппа Кокорина, о чем Московскому домовому правлению заявил Никита, один из сыновей Матрены Петровой. Поэтому вотчинному правлению предписано было собрать полный сход, устранив из одного Кокорина, Шевелевых и их родственников. Собравшийся в первой половине ноября 1847 г. повторный мирской сход постановил: «Крестьянин деревни Выхиной Василей Матвеев Шевелев отдан в рекруты нам неизвестно за что и ныне предоставить зачет квитанции семейству просительницы не можем, а предаем в волю Его Сиятельства Графа и Высшаго Начальства»⁵.

Столь обтекаемая формулировка позволила высшему начальству полностью взять в свои руки бразды правления и 31 декабря 1847 г. завершить долгое и запутанное дело об отдаче порочного крестьянина Василья Шевелева в рекруты, а именно: квитанция за

⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 191. Л. 48, 50об.

⁵ Там же. Л. 56об.

отданного в рекруты сына просительницы была все-таки зачтена родовому семейству, то есть вдове Матрене Петровой; две тысячи рублей, внесенные Тимофеем Кожуханцевым за рекрутскую квитанцию, оставлены в казне графа; взамен семейству крестьян Кожуханцевых, чтобы они не понесли при рекрутском наборе утрату лучшего работника, обещано было зачать «первую могущую быть свободную рекрутскую квитанцию».

Завершая описание этого процесса, обратим внимание на следующие существенные детали.

Мирской сход, от участия в котором были отстранены Шевелевы, Кокорин «и все их родства», а также требование вдовицы Шевелевой собрать «полный» мирской сход всецело соответствовали практике сельской поземельной общины и требованиям закона. В некоторых мирских приговорах содержатся прямые тому свидетельства. Например, 10 июля 1850 г. на мирском сходе крестьян деревни Выхиной рассматривалось дело о членовредительстве крестьянина Якова Калугина, который якобы намеревался отрубить себе руку, чтобы его не отдали в солдаты. В мирском приговоре указано: «Крестьянин Алексей Иванов Дронов в Выхинском вотчинном правлении *при добросовестных крестьянах* показал, что...» (здесь и ниже выделено нами. – В. Г.)⁶. 28 февраля 1860 г. крестьяне деревни Выхиной, «быв собраны в вотчинную контору на *полный мирской сход*», приговорили Семена Страхова, Василия Барляева и Ивана Норовлева к отдаче в рекруты за развратное поведение⁷.

Попутно отметим, что за соблюдением кворума власть следила во всех пределах империи. Так, в 1840 г. мещане города Симферополя в количестве двадцати человек на мирском сходе приняли решение об отдаче в рекруты Василия Поповненка за буйное поведение и неплатеж податей. Прежде чем утвердить приговор, гражданский губернатор счел необходимым удостовериться, что мирская сходка была достаточно представительной для принятия решения. Лишь убедившись в том, что постоянно живущих в Симферополе и отбывающих все повинности не более двадцати пяти семейств и мирской приговор составлен и подписан «*личными мещанами, имеющими в городе Симферополе оседлость, и кои составляют как при выборах, так и при разных случаях целое общество*»⁸, губернатор начертал на мирском приговоре положительную резолюцию.

Количество домохозяев, которое необходимо было собрать для рассмотрения обвинения, и число голосов, коим достигалось

⁶ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 430. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 681. Л. 2.

⁸ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11251. Л. 4, 4об.

принятие решений, регламентировал Устав рекрутский от 28 июня 1831 г.⁹ В частности, если на мирском сходе принималось решение к представлению в рекруты, то из числа проголосовавших «за» по жребию выбирались 24 человека, которые «должны под присягою показывать, что по совести своей считают обвинения и приговор справедливыми». Количество дающих присягу (24 человека) было неслучайным: оно соответствовало ряду предыдущих узаконений¹⁰.

Для полноты картины следует, однако, помнить, что, во-первых, до вступления в силу Устава рекрутского в вотчинах Шереметевых был заведен свой порядок утверждения мирских приговоров. Этот порядок регламентировал «Наказ домовой канцелярии августа 23 дня 1799 году в отдале в будущие наборы из моих вотчин и дому в рекруты и в разбирательстве очередей и впоследствии сего к разрешению относящихся к тому обстоятельств»¹¹. В соответствии с наказом на каждого крестьянина, отдаваемого в рекруты за «продерзости», составлялась и графу предоставлялась записка, заверенная вотчинным начальником, старшим земским, двумя или тремя старшинами, а также двумя или тремя крестьянами, подтверждающими, что обвиняемый в пороках «действительно изобличен».

Во-вторых, мирские приговоры (и, как будет показано ниже, приложенные к ним семейные списки) служили основанием для отдачи в рекруты крестьян, дворовых же людей отдавали в военную службу по личному распоряжению графа через собственную его канцелярию. Так, 19 ноября 1803 г. графом Шереметевым был дан наказ отдать в рекруты за Воронежскую вотчину находящегося у управителя Никиты Сварачаева в мальчиках дворового Григория Костромина «за беспрестанное пьянство, буйство и другия непорядки и озорничества» со взысканием с очередных крестьян в казну графа шестисот рублей. Спустя месяц, 18 декабря, за распутное поведение и пьянство велено было отдать в рекруты дворового человека Ивана Корнилова¹². Документы, послужившие основанием для принятия графом этих решений, в архиве не сохранились, в реестре наказов они также не упомянуты.

В-третьих, решение об отдаче в рекруты утверждалось графом с учетом прилагаемой к мирскому приговору подробной выписки

⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 1. № 4677. С. 540–541.

¹⁰ См., например, именной указ, объявленный Сенату министром юстиции «О чинении мирских приговоров об отдаче в рекруты или на поселение крестьян распутного поведения в Волостном Правлении под присягою не менее 24 человек». ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 22982. С. 200, 201.

¹¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 181. Л. 2об., 3.

¹² Там же. Д. 216. Л. 317, 341.

вотчинного правления из очередной и ревизской книг «с показанием обоего пола душ и рекрутским исправлением». Например, об упомянутом ранее Семене Петрове Страхове узнаем, что ему 23 года, он холост, а в семействе восемь душ: отец Петр 55 лет, мать Пелагея 45 лет, братья Михайло и Петр 18 и 3 лет, а также сестры Аграфена, Прасковья и Наталья 24, 21 и 13 лет от роду. С семейством Страховых проживает также Анна 74 лет, жена Василия, дяди Семена Страхова, сын которых Иван в 1849 году был взят в дворовые в московский дом Шереметевых. Рекрутской повинности семья не отбывала с 1828 г., когда в рекруты был отдан Василий Андреев, двоюродный брат Семена Страхова.

Состав семьи крестьянина, отдаваемого в военную службу, имел особое значение в тех случаях, когда в семействе оставались в основном лица женского пола и малолетние дети. Показателен следующий пример.

В марте 1843 г. после отдачи в рекруты «за предосудительные поступки» крестьянина деревни Выхиной Петра Ермакова остались без единственного работника в семействе его мать Татьяна, жена солдатка Марья Яковлева Ермакова и дочь Марфа. После этого Татьяна Ермакова обратилась к графу с прошением оказать ей пособие, на что в сентябре 1843 г. последовала резолюция его сиятельства: «Спросить мирское общество, не признает ли оно нужным сделать какое-либо обеспечение просительнице, и в чем то обеспечение должно заключаться?». Мирское общество приговором постановило выплачивать на содержание дочери Марфы по десяти рублей ассигнациями в год, с чем, однако, граф Дмитрий Николаевич не согласился. В декабре 1843 г. через посредство домового правления он «к точному и неременному исполнению» предписал: «на содержание оставшейся после отданного за пороки в рекруты крестьянина Петра Ермакова дочери Марфы производить из мирской суммы по тридцати руб. в год до шестнадцатилетнего ея возраста, так как полагаемых мирским обществом по 10 руб. в год, на содержание ея, совершенно недостаточно»¹³.

Дело Петра Ермакова любопытно еще и потому, что в нем содержится неместный отзыв графа о качестве мирских приговоров, а именно: «Крестьян, означенных в приговоре о Ермакове, оштрафовать каждого пятью руб.: за то, что зная важность преступления, они судили о нем как о мелочном деле – Выхино в 10 верстах от столицы на большой Коломенской дороге. Случаи, неприятные для проезжающих, будут нередки, если в суждениях положиться на приговор крестьян. Невольно рождается вопрос, что значат ино-

¹³ Там же. Оп. 15. Д. 217. Л. 19об., 29, 29об.

гда приговоры и мнение общества?» Позднее, в резолюции графа Шереметева на мнение Московского домового правления об отдале в рекруты крестьянина Петра Ермакова «как человека весьма вредного» и выдаче соответствующей доверенности повытчику Жукову, было настоятельно указано на необходимость подтвердить Выхинскому обществу, «чтоб впредь основательные делало свои суждения о поступках крестьянских и не допускало бы послабления в своих приговорах»¹⁴. Из сказанного можно заключить, что первоначальный вариант мирского приговора в отношении Петра Ермакова графа не удовлетворил, и он со своей резолюцией вернул приговор обществу, аналогично тому, как это было сделано по вопросу содержания несовершеннолетней дочери Ермакова Марфы.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что «приговоры мирского общества порой представляли собой суррогат истинного правосудия, когда решения принимались ошибочно, без разумного основания» [Тенишев 2011, с. 59, 60]. Так было и в 1803 г., когда до графа Николая Петровича дошли сведения, что на мирских сходах всякое постановление принимается не столько по общему согласию мирян, сколько по крику самых бойких. Последние устрашают своих оппонентов тем, что пойдут жаловаться графу, чем и добиваются нужного им результата. Для отвращения этого граф распорядился предписать вотчинным начальникам, чтобы они на мирских сходах «таковых крикунов удерживали и давали свободу всем собравшимся делать свои рассуждения». Если же «крикуны» станут брать верх, не принимая справедливых возражений, то граф дозволил несогласным не подписывать мирской приговор и извещать его, графа, кто именно не согласен и по каким причинам¹⁵.

Необъективность мирских приговоров признавало и вотчинное правление, которое, по этой причине, не всегда соглашалось с принятыми на миру решениями. Например, 6 сентября 1831 г. Иевлевской вотчины крестьяне, выслушав на мирском сходе приказ Московского домового правления о преимущественном приготовлении к сдаче лиц, «непрочных к вотчине», определили в рекруты из порочных крестьян Захара Иванова, а если он окажется негодным, то Никиту Осипова¹⁶.

К мирскому приговору, направленному в Московское домовое правление, были приложены сведения о семействах приговоренных в рекруты и описания их проступков, из которых следует, что

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 211. Л. 1об.

¹⁶ Там же. Оп. 16. Д. 100. Л. 7, 8об.

Захар Иванов пьяница, к работе ленив, замечен в воровстве. Вопреки распоряжениям местного начальства, он во время предыдущего рекрутского набора отлучился из вотчины и бродяжничал пятнадцать дней, за что наказан розгами 25 ударами. Отец второго приговоренного, Никиты Осипова, замечен в пьянстве, мотовстве, «буйственных» поступках и озорстве, а сам Никита при отдаче в рекруты в Ржевском рекрутском присутствии по наставлению отца «облыжно» притворялся немым¹⁷.

В ответ на это из Московского домового правления поступил приказ, в котором сказано: «Хотя положением велено отдавать в рекруты преимущественно порочных к вотчине крестьян, но из числа приговоренных здесь порочных Захар Иванов не учинил еще такого преступления, за которое должен подвергаться отдаче, и сверх того, с отдачею его останется в доме один работник – брат его Дмитрий с тремя душами женска пола»¹⁸. В отношении Никиты Осипова было установлено, что он подлежит к отдаче в рекруты, но как очередной за свое семейство, а не за пороки, ибо порочен не он, а его отец. В целом Иевлевскому вотчинному правлению было рекомендовано следить за тем, чтобы отдача в рекруты проходила от «большесемейных и отнюдь никто обижен не был», а мирскому обществу надо внушить, чтобы назначение в рекруты не было пристрастным¹⁹.

После этого вопрос о назначении в рекруты повторно был рассмотрен сельским обществом, которое приговорило от 153 душ, которые по Иевлевскому вотчинному правлению числились за графом Шереметевым, отдать в рекруты одного из четырех семейных крестьян, а именно Никиту Осипова, Степана Минеева, Василия Сергеева или Николая Сергеева, и представить их в Тверское рекрутское присутствие. Итоги, как следует из отчета Иевлевского правления графу Шереметеву, таковы: Никита Осипов в рекрутском присутствии «делал притворство», но на сей раз был изобличен отдатчиком и принят в рекруты; Степан Минеев не принят из-за увечья на левой ноге и сухости тела; Василий Сергеев оказался негоден также из-за сухости тела; Николай Сергеев оставлен до будущих наборов²⁰.

В деле ранее упомянутого нами крестьянина Выхинской вотчины Петра Ермакова можно обнаружить еще один любопытный

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Прасковья, жена Захара, Матрена, жена Дмитрия, и его дочь Василиса. РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 100. Л. 9.

¹⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 100. Л. 9, 9об., 10.

²⁰ Там же. Л. 11, 11об., 12, 13.

аспект. В отчете об издержках, показанных старостой Гавриловым, указано, что повытчиком Жуковым при представлении Ермакова в рекрутское присутствие было израсходовано 87 рублей, чтобы Ермаков не был забракован из-за признаков костяных наростов на ногах. По распоряжению канцелярии эти расходы отнесены на счет Троицкой вотчины, которой зачтена рекрутская квитанция на Ермакова. Кроме того, в отчете об издержках значится сумма 8 рублей 50 копеек, данная на обед трем чиновникам, возможно, в качестве дополнительного вознаграждения за принятие нужного повытчику решения²¹.

В другом деле, об отдаче в рекруты Никиты Полякова за дурное поведение, побег из вотчины во время рекрутского набора, грубости против начальства и непочтение к родителю, упомянуты «особые старания» его двоюродного брата – Гаврилы Максимова²². Последний в марте или апреле 1851 г. изрядно поиздержался в рекрутском присутствии, чтобы братец Никита, несмотря на повреждения телесных членов, оказался в военной службе. Это позволило Гавриле вернуть из армии своего единственного совершеннолетнего сына Матвея, который «безвременно» был отдан в рекруты в 1849 г. по 8-му частному рекрутскому набору с восточной полосы империи.

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что скверноприбытчество медицинских чиновников в рекрутских присутствиях касалось не только добросовестных крестьян, поступавших в военную службу в качестве очередных. Подарки и денежные подношения позволяли договориться также по поводу лиц, отдаваемых в рекруты за пороки, причем этот факт не утаивался в переписке между домовым и вотчинными правлениями, а дополнительные издержки возлагались на вотчины, за которыми засчитывались рекрутские квитанции.

Сведения о порочных крестьянах фиксировались в штрафных книгах, которые имелись во всех вотчинах графа Шереметева²³. За ведение книг отвечали вотчинные начальники, они же обязаны были на мирских сходах предупреждать крестьян, чтобы те старались воздерживаться от дурных поступков, за которыми следовала запись в штрафной книге.

²¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 217. Л. 18об.

²² Там же. Д. 430. Л. 20об., 21.

²³ В ноябре 1836 г. управляющим Петром Любимовым было предписано начиная с 1837 г. завести штрафные книги тем московским вотчинам, где таковых книг еще не было заведено. По всей видимости, к началу 1840-х гг. штрафные журналы (книги) в шереметевских вотчинах велись повсеместно. РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 169. Л. 64.

При получении печатного экземпляра манифеста и указа Правительствующего сената об очередном рекрутском наборе домовое правление направляло в вотчинные правления приказы, требуя, чтобы очередные крестьяне от вотчины не отлучаемы были ни под каким видом, а очередные, которые на промыслах, были собраны в вотчины к назначенному в указе сроку, за что отвечали их семейства.

Помимо этого в означенных приказах содержались следующие требования: «Преимущественно же приготовить к отдаче в рекруты непрочных к вотчине крестьян, о которых заблаговременно доставить в самой скорости сведения и мирские приговоры, о худых их поступках, не были ли они за что наказаны по Гражданскому суду, приложить также справки семействам их, с показанием бывшей от них рекрутской исправы»²⁴. Мирские приговоры и семейные выписки запрашивались заранее потому, что во время самого набора проводилось рассмотрение рекрутских очередей, что требовало особого внимания и осторожности, поэтому суждения о порочных крестьянах делать было «обременительно и поздно». Для подготовки верных сведений «о порочных и неблагонадежных к вотчине крестьянах» использовались в том числе записи из упомянутых штрафных книг. Можно поэтому полагать, что стремление избавить общество от нежелательных элементов путем отдачи их в военную службу носило продуманный и систематический характер.

Это подтверждают выявленные нами случаи массовой отдачи порочных крестьян в рекруты из вотчин графа Шереметева. Так, в 1754 г. была предпринята попытка отдать в военную службу десятерых «подозрительных» дворовых, из которых принято было семь человек, а три человека, Сергей Аргунов, Гаврила Закокин и Тихон Иванов, за негодностью не приняты. Впрочем, вотчинный управляющий Яков Терехов не растерялся и отправил Аргунова и Закокина в село Иваново для отдачи в рекруты через суздальскую провинциальную канцелярию, потому как они, с его точки зрения, по состоянию здоровья были пригодны для военной службы: «рабыты добры, хуже их в означенных семи человеках приняты»²⁵, о чем и были извещены граф Петр Борисович и его супруга Варвара Алексеевна, урожденная княжна Черкасская²⁶.

²⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 78. Л. 1, 1об.; Оп. 16. Д. 100. Л. 2; Оп. 16. Д. 227. Л. 2, 2об.; Оп. 16. Д. 289. Л. 2, 2об.

²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 866. Л. 27.

²⁶ Громадное состояние графа Петра Борисовича (60 тысяч душ), унаследованное от отца графа фельдмаршала Бориса Петровича, после женитьбы в 1743 г. на княжне Черкасской более чем удвоилось и достигло 140 тыс. душ, сделав его одним из богатейших помещиков России.

В 1839 г. Павловское вотчинное правление, исполняя наказ графа, представило в канцелярию домового правления список из сорока шести порочных крестьян, приговоренных добросовестными крестьянами к отдаче в рекруты. Судя по всему, главной причиной стал неисправный платеж оброка, в числе дополнительных, усугубляющих причин – пьянство, распутство и невоздержанность. Решение об отдаче в военную службу было принято для тридцати семи человек, девять оставлены в вотчине по разным причинам.

Например, Алексей Калинин, 28 лет, оставлен впредь до первого проступка, поскольку за учиненный в 1838 г. проступок он уже был наказан, с тех пор ни в каких пороках замечен не был, недоимки за прошлые года погашены, а недоимку за 1839 г. следовало взыскать со всего хозяйства. Алексея Лапина, 30 лет, решено было оставить в вотчине, «ибо за удалением его останется в семействе один работник при 5-ти женска пола душах; недоимку же взыскать как будет возможно, по усмотрению вотчиннаго начальства». Андрея Лепешкина, 24 лет, оставили в вотчине до первого проступка «из уважения к тому, что два брата его поступили уже в рекруты», но при условии немедленной оплаты семейством всей недоимки. Ивана Родионова, 28 лет, оставили в вотчине, поскольку «за удалением его останется в семействе 58-летний отец его при 4-х женска пола душах», а Константина Гусева, 29 лет – потому что «за удалением его останется в семействе два работника при 12 душах, большею частию малолетних». При этом всем оставленным в вотчинах крестьянам в присутствии правления велено было объявить, что они тоже будут назначены в рекруты, если не озаботятся погашением недоимок и не исправят своего поведения²⁷.

Спустя три года, в апреле 1842 г., девять человек крестьян были отданы в рекруты за неисполнение своих обязанностей к помещику, бродяжничество и пьянство, а вотчинному правлению приказано несусыпно наблюдать за образом жизни крестьян и платежом ими оброков и «неупустительно» доносить домовому правлению о порочных и неплательщиках с приложением семейных списков²⁸. 24 августа того же 1842 г. Выхинскому вотчинному правлению было объявлено о решении его сиятельства графа Дмитрия Николаевича отдать в рекруты за неплатеж оброка по одному годному в военную службу из семи крестьянских семейств Марковской вотчины²⁹, остальным крестья-

²⁷ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 966. Л. 31, 31об., 32, 33, 35.

²⁸ Там же. Оп. 15. Д. 178. Л. 3, 3об., 45.

²⁹ Деревня Марково Бронницкого уезда, расположенная в 55 верстах от Москвы, была получена графом Петром Борисовичем Шереметевым в приданое за княжной Варварой Алексеевной Черкасской и предназначалась исключительно для псовых охот, на которые съезжались соседи и приятели графа.

нам велено было объявить на полном мирском сходе «с подписанным подтверждением», что все те, кто удерживает оброк и не вносит в срок положенных денег, будут назначены к отдаче в рекруты «как бесполезные Господину и добрым крестьянам». Таким образом, за 1842 г. через посредство одного только Выхинского вотчинного правления было предписано отдать в рекруты за различные пороки и неплатеж оброка как минимум шестнадцать крестьян.

Важно заметить, что за неукоснительным исполнением распоряжений графа и соблюдением процедуры отдачи порочных крестьян в рекруты Московское и Санкт-Петербургское домовые правления осуществляли строгий надзор. Неисполнение указаний и отклонения от процедуры рассматривались как покушение на господские и мирские интересы, за что нарушителям полагались выговоры, штрафы или удаления от службы. В архиве Шереметевых сохранилось дело 1858–1859 гг. об отдаче в рекруты Алексея Сеземова, «человека вредного, от которого могут произойти несчастья для семейства, селения и общества». На отдачу Сеземова в рекруты имелся даже не один, а два мирских приговора – всеотчинный и деревенский, но исполнить которые можно было лишь после представления этих приговоров в С.-Петербургскую крестьянскую контору для доклада его сиятельству графу Дмитрию Николаевичу.

Однако у управляющего Выхинскою и Островцекою вотчинами Смирнова на руках оказалась доверенность на отдачу порочного крестьянина Алексея Сеземова в рекруты, каковой он, Смирнов, и воспользовался, «не представив приговоров прежде исполнения на благоусмотрение Его Сиятельства Графа и не выждав на сие особого разрешения». Итоги самоуправства таковы: с учетом того, что за Смирновым и прежде числились различные «беспорядки» в управлении вотчинами, он был уволен; другим участникам было объявлено, что если в будущем будет замечена невнимательность к делам или неисполнение приказаний графа «в буквальной точности», то вотчинный староста подвергнется штрафу, а островецкий делопроизводитель Копылев и писец Скотников – удалению от должности³⁰.

Не оставались без внимания и действия лесников, допускавших самовольную порубку леса³¹. В сентябре 1841 г. граф Шере-

³⁰ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 644. Л. 31, 31об., 32, 32об., 33, 33об.

³¹ Шереметевы, питавшие страсть к охоте, проявляли о лесах особую строгую, хозяйскую заботу. В 1842 г. в Вязовской роще Выхинской вотчины лесниками был пойман крестьянин Иван Дронов со срубленными тремя березками, которые были у него отобраны и привезены в Кусково. Домовое правление оценило рыночную стоимость срубленных деревьев в 10 рублей 80 копеек. Эти деньги были взысканы с Дронова. За повторную самовольную рубку леса ему грозила отправка в смиренный дом. РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 178. Л. 34, 34об.

метев утвердил мирской приговор об отдаче в рекруты лесника Марковской вотчины Андрея Кондратьева за слабое смотрение за лесами, причем было указано, чтобы рекрутскую квитанцию за Кондратьева его родовому семейству не засчитывать: ее следовало продать, а деньги употребить на возврат за порубку леса. Этот пример должен был стать поучительным для вотчинных крестьян, поскольку всякий из них должен опасаться отдачи в рекруты «в случае самовольства, ко вреду господскому направленного»³². После избрания на мирском сходе нового лесника, Филиппа Андреева, в домовом правлении было установлено, что он не только молод, хорошего и честного поведения, но и способен в рекруты, и в случае прегрешений в смотре за лесами сможет ответить за это «своею участию», то есть отдачей в военную службу. Об этом новый лесник был предупрежден по приказу домового правления № 1632 от 28 июля 1841 г.

В заключение приведем не вполне типичную формулировку мирского приговора, вынесенного крестьянами Выхинской вотчины в июне 1850 г. Якову Калугину, который «совершенно озорник нетрезвый, поведения худого, к дому нерадивый, и общедурным поведением и жена его Авдотья». О том, была ли наказана селянами жена Авдотья за «общедурное поведение», мирской приговор не сообщает, но Яков Калугин был отдан в зачет будущих наборов за Выхинскую вотчину в рекруты.

Заключение

Таким образом, изучение фамильного поместно-вотчинного архива Шереметевых позволяет увидеть принципиальную разницу в подходах вотчинновладельца и общества на процесс очищения крестьянской общины от порочных элементов. Несмотря на то что базовые устремления помещика и сельского общества совпадали, мотивация и количественные «параметры» могли существенно различаться.

Так, в приказах домового правления, составленным по графским наказам и основанным на учете сведений из вотчинного правления, читается, в первую очередь, необходимость избавиться от крестьян неплатежеспособных. Это влекло за собой массовую отдачу таких крестьян в рекруты, вплоть до нескольких десятков человек одновременно, хотя при этом осуществлялась

³² РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 148. Л. 12, 12об., 17, 17об., 32, 34.

некая неформализованная селекция, цель которой – не допустить потери кормильцев крестьянскими семьями, имеющими многочисленных лиц женского пола и малолетних детей. Порочное поведение крестьян выступало дополнительным индикатором, признаком того, что неплатежеспособность, она же бесполезность господину, обусловлена ленью, невоздержанностью и распутством.

Напротив, в мирских приговорах, вынесенных крестьянской общиной, в большинстве случаев доминируют иные мотивы: пьянство, буйство, нерадивость к дому, воровство, бродяжничество, непочтение к родителю, уклонение от исполнения своих обязанностей по отношению к обществу – иными словами, то, что деформирует фундаментальные нормы обычного права. Мирские приговоры направлены против единичных лиц, реже – против групп количеством не более трех или четырех человек.

Важно, что сведения о порочных крестьянах и их проступках регистрировались в штрафных журналах, и при поступлении очередного манифеста и указа о рекрутском наборе запрашивались домовым правлением вместе с мирскими приговорами и семейными списками. Это позволяло сформировать общий список лиц порочного поведения, которых в качестве первоочередных отдавали в военную службу, если, повторим, уход таких крестьян из общины не налагал на нее чрезмерного обременения, связанного с содержанием остающихся в их семьях. Систематическую и регламентированную наказаниями графа отдачу в военную службу преимущественно лиц порочного поведения следует считать характерным признаком управления вотчинным хозяйством Шереметевых.

Наконец, не менее важно то, что вотчинные правления и мирские сходы (последние – по причине неспособности принимать объективные решения) не были авторитетными носителями финальных заключений по делам об отдаче крестьян в рекруты. Окончательный вердикт являлся результатом взаимодействия всех ступеней управленческой конструкции: сельского общества, вотчинных правлений, домового правления и графа. При этом вотчинные и домовое правления играли, как правило, роль контролеров, а также накопителей и трансляторов информации, в то время как граф выступал в качестве высшей внесудебной инстанции, могущей как согласиться с мнением мирян, так и отклонить его или откорректировать, если предполагалось, что оно не учитывает всех обстоятельств дела.

Литература

- Горелов 2012 – *Горелов В.Н.* «Вместо ссылки в Сибирь на поселение... к отдаче в военную службу рядовыми» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 51–55.
- Горелов 2014а – *Горелов В.Н.* «В условиях воинской дисциплины не представляли особой опасности» // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 66–70.
- Горелов 2014б – *Горелов В.Н.* «Отдать в военную службу... с получением следующих по закону денег» // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 59–63.
- Горелов 2015 – *Горелов В.Н.* Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 224 с.
- Тенишев 2011 – *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 200 с.

References

- Gorelov, V.N. (2012), “Instead of sending them to Siberian back settlement... to send to the military service as the ranks”, *Voенno-istoricheskii zhurnal*, no. 11, pp. 51-55.
- Gorelov, V.N. (2014a), “Being influenced by military discipline, persons of depraved behavior are not especially dangerous”, *Voенno-istoricheskii zhurnal*, no. 2, pp. 66-70.
- Gorelov, V.N., (2014b), “To send to the military service ... alongwith getting the money in accordance with law”, *Voенno-istoricheskij zhurnal*, no. 11, pp. 59-63.
- Gorelov, V.N. (2015), *Karatel'naya funkciya rekrutchini v Rossii 1705–1874 gg.* [The punitive function of recruitment in Russia 1705–1874], Teleskop, Sevastopol, Russia.
- Tenishev, V.V. (2011), *Pravosudie v rusском krestyanskom bytu* [Justice in Russian peasant life], 2nd ed., Librokom, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вячеслав Н. Горелов, кандидат физико-математических наук, ООО «Таврида Электрик», Москва, Россия; 125040, Москва, 5-я ул. Ямского Поля, д. 5, стр. 1; gvn@tavrida.com

Information about the author

Vyacheslav N. Gorelov, Cand. of Sci. (Physics), Tavrida Electric Ltd., Moscow, Russia; bldg 1, bld. 5, 5th Street Yamskogo Polyа, Moscow, Russia, 125040; gvn@tavrida.com

«Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о повседневной жизни участников тайных политических организаций 1820-х гг. – декабристах. Для характеристики поколения, к которому принадлежали декабристы, используется определение Ю.Н. Тынянова: «люди двадцатых годов». Отмечается, что к этому поколению принадлежали прежде всего молодые дворяне, участвовавшие в войне 1812 г., оформление политических взглядов которых пришлось на послевоенное время. Формулируется основной конфликт, переживавшийся декабристами: между романтическими представлениями о жизни и суровой реальностью политического заговора.

В статье характеризуются основные вехи биографии П.И. Пестеля – руководителя Южного общества, одного из ярких представителей радикального крыла заговора. При этом акцентируется, что автор этих строк уже неоднократно описывал его биографию, выявляется разность отношения критиков и к высказанным автором оценкам, и к самой личности Пестеля. Формулируется, что эта разность обусловлена разностью в отношении к Пестелю современников.

Анализируется политическое противостояние Пестеля и представителя «либерального крыла» заговорщиков – И.Г. Бурцова. Характеризуется личность оппонента Пестеля, его отношение к проблеме взаимодействия общества и власти, его деятельность в тайном обществе, делается вывод о невозможности победы «линии Бурцова» над «линией Пестеля» в конкретных исторических условиях 1820-х гг.

Ключевые слова: декабристы, «люди двадцатых годов», П.И. Пестель, И.Г. Бурцов

Для цитирования: Киянская О.И. «Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 94–104. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-94-104

© Киянская О.И., 2020

“People of the twenties”:
Pavel Pestel and Ivan Burtsov

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the everyday life of participants in secret political organizations of the 1820s, Decembrists. To characterize the generation to which the Decembrists belonged, the definition of Yuri N. Tynyanov is used: “people of the twenties”. It is noted that this generation primarily belonged to young noblemen who took part in the war of 1812 and whose political views were formalized in the postwar period. The main conflict experienced by the Decembrists is formulated: between romantic ideas about life and the harsh reality of political conspiracy.

The article describes the main milestones in the biography of P.I. Pestel – the head of the Southern society, one of the brightest representatives of the radical wing of the conspiracy. At the same time it is emphasized that the author of these lines has already repeatedly described his biography, and the difference in the attitude of critics to the assessments made by the author and to Pestel’s personality is revealed. It is formulated that this difference is due to the difference in attitude towards Pestel of his contemporaries.

The political confrontation between Pestel and the representative of the “liberal wing” of the conspirators, I.G. Burtsov, is analyzed. It describes Pestel’s opponent, his attitude to the problem of interaction between society and the authorities, and his activity in secret society. The conclusion is made that it is impossible for Burtsov’s “line” to defeat Pestel’s “line” under specific historical conditions of the 1820s.

Keywords: Decembrists, “people of the twenties”, P.I. Pestel, I.G. Burtsov

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2020), ““People of the twenties’: Pavel Pestel and Ivan Burtsov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 94-104, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-94-104

Характеризуя поколение декабристов, Юрий Тынянов писал: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой... Людям двадцатых годов досталась тяжелая смерть, потому что век умер раньше их».

Реконструируя повседневную жизнь «людей двадцатых годов», поколения молодых дворян, вызванного к жизни Отечественной войной, можно констатировать: их отличительной чертой было

романтическое мировосприятие. Деятельность заговорщиков была основана на романтической любви и к ближнему, и к собственной стране. Однако участие в антиправительственном заговоре диктовало иную – лишенную романтизма, прагматическую – линию поведения. Даже сам факт такого участия ставил членов тайного общества перед необходимостью скрываться и лгать собственным начальникам. Заговорщикам приходилось использовать для достижения целей заговора служебное положение, изыскивать деньги на организацию революции и т. п.

Именно этот конфликт лежал в основе исторического сюжета, связанного с заговором 1820-х годов.

Кроме того, декабристы в истории России – это история конфликтов намерений, идей, планов и, конечно же, людей, носителей намерений, идей и планов.

Никто не ставит под сомнение ту очевидную истину, что на всех этапах развития заговора у декабристов был лидер – Павел Пестель, сын генерал-губернатора Сибири, выпускник Пажеского корпуса, герой Бородина. Блестящую характеристику Пестеля дал в мемуарах правитель дел Следственной комиссии по делу о «злумышленных тайных обществах» Александр Боровков:

Пестель, глава Южного общества, умный, хитрый, просвещенный, жестокий, настойчивый, предприимчивый. Он беспрестанно и ревностно действовал в видах общества; он управлял самовластно не только южною думою, но имел решительное влияние и на северную. Он безусловно господствовал над своими членами, обворожил их обширными, разносторонними познаниями и увлекал силою слова к преступным его намерениям¹.

Многие современники, общавшиеся с Пестелем и оставившие об этом общении свидетельства, отдавали должное незаурядному уму руководителя южан. Одним из первых на эту тему высказался Пушкин, встретившийся с Пестелем 9 апреля 1821 г. в Кишиневе. Комментируя эту встречу в своем дневнике, поэт запишет: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon cœur est matérialiste, – говорит он, – mais ma raison s'y refuse². Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нрав-

¹ Боровков А.Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 337.

² Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (фр.).

ственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»³.

Практически никто из знавших Пестеля и оставивших мемуары о нем современников не мог не описать его «ум»⁴.

Но, в один голос признавая незаурядные умственные способности Пестеля, в оценке его моральных качеств современники разошлись. Многие из них писали об аморализме и макиавеллизме руководителя заговора. «На средства он не был разборчив»⁵, – констатировал Евгений Якушкин.

Князь Сергей Трубецкой был уверен, что «образ действий Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые»⁶. Начальник штаба 2-й армии, генерал Киселев, отмечал, что «душа и правила» Пестеля «черны, как грязь»⁷. «Нам казалось, – вспоминал адъютант Киселева и заговорщик Николай Басаргин, – что он скорее искал сеидов, нежели товарищей. Ему же, вероятно, представлялось, что мы стараемся уклоняться от него и не доверяем чистоте его намерений»⁸.

«Какова была его цель? – задавался вопросом Николай Греч. – Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышляемой сумасбродами республике... Достигнув верховной власти, Пестель... сделался бы жесточайшим деспотом»⁹. «Если бы он успел достигнуть своей цели, то, по всей вероятности, не усумнился бы пожертвовать соумышленниками, которые могли бы затемнять его»¹⁰, – отмечал Боровков.

³ *Пушкин А.С.* Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14.

⁴ *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 62; *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. С. 364; *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 63, 69; *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. С. 364; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 196; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. 78. С. 45; и др.

⁵ *Якушкин Е.И.* Замечания на «Записки» (“Mon Journal”) А.М. Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 143.

⁶ *Трубецкой С.П.* Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 229.

⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. С. 45.

⁸ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 62.

⁹ *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 364–365.

¹⁰ *Боровков А.Д.* Указ. соч. С. 337.

От многих других членов тайных обществ Пестеля отличала исключительная заговорщическая честность. Вынужденный много лет вести двойную жизнь, своим единомышленникам он договаривал свои идеи до конца. Идеи же эти – царевубийство, уничтожение императорской семьи, необходимость военной революции и установление диктатуры после победы – казались «нравственным» членам тайных обществ совершенно аморальными. Он хотел, чтобы тайная организация строилась на безусловной дисциплине, подчинении рядовых участников воле руководителей, и прежде всего своей собственной. Ему не без оснований казалось, что победить можно только так. Но многие другие заговорщики полагали, что заговор должен строиться на демократических принципах; Пестель же им казался узурпатором.

Именно с Пестелем было связано большинство внутренних конфликтов, буквально разрывавших тайные общества. С Пестелем спорили, не соглашались, он – с большим или меньшим успехом – доказывал свою правоту. Эти споры часто приводили к краху и реформированию тайных организаций.

В середине 1818 г. Пестель приехал на новое место службы, в Тульчин. Он был адъютантом генерала Петра Витгенштейна, назначенного главнокомандующим 2-й армией. В Тульчине находился штаб этой армии.

Здесь ему быстро удалось собрать вокруг себя штабную молодежь. Сам Пестель был уверен, что завел в Тульчине управу Союза благоденствия. В.М. Бокова же склонна считать тех, кто сгруппировался вокруг Пестеля, отдельной организацией, которую она называет «тульчинское офицерское общество» [Бокова 2003, с. 101]. Через год во 2-й армии появился новый начальник штаба – Павел Киселев, а с ним в Тульчин приехал его адъютант, капитан Гвардейского генерального штаба Иван Бурцов – как и Пестель, признанный лидер тайного общества, член Союза спасения и Союза благоденствия. Бурцов тоже стал руководителем «офицерского общества»; соответственно, между двумя лидерами возник конфликт – первый из череды личных конфликтов, связанных с конспиративной деятельностью Пестеля.

Ивану Бурцову в историографии не повезло: проиграв Пестелю в споре за лидерство среди «тульчинской молодежи», он не удостоился особого внимания советских исследователей. По мнению одного из немногих его биографов, «мировоззрение» Бурцова «лежит в русле умеренного направления в декабризме и составляет один из его оттенков, особенно типичный для этапа раннего декабризма» [Макаров 1981, с. 66].

Между тем среди современников он был личностью очень известной. «Иван Григорьевич Бурцев, человек возвышенной души, благороднейшего сердца, большого ума и редкого образования», – писал о нем журналист Николай Греч¹¹. По-иному расставляет акценты декабрист Николай Басаргин: Бурцов был «очень замечательный молодой человек, не столько по своему уму, сколько по своей деятельности и своей любознательности», он «пользовался репутацией отличного и дельного офицера»¹².

Выпускник Благородного пансиона при Московском университете, в 1812 г. Бурцов «состоял по армии», а с февраля 1813 г., определившись в квартирмейстерскую службу, воевал. После войны он, как и большинство молодых офицеров, учился, слушал лекции знаменитых столичных профессоров и мечтал о счастье Отечества.

«Выдающимся военным историком и теоретиком» называл Бурцова М.К. Азадовский [Азадовский 1992, с. 178]. Активный участник Общества военных людей, он печатался и в «Военном журнале», и в других российских изданиях. Его имя связано со Священной артелью – кружком офицеров-квартирмейстеров Генерального штаба; кружок этот Бурцов организовал вместе с братьями Александром и Николаем Муравьевыми в 1814 г. В момент основания артели Бурцову было 19 лет.

Однажды, сидя с братом и Бурцовым, нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя. С другого же дня все отправились ходить по улицам для отыскания удобного помещения. Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая; в хозяйстве соблюдался порядок под моим управлением в звании артельщика. Мы старались исполнять службу свою самым ревностным образом, занимались между тем и дома в свободные часы. В таком положении мы приятно проводили время¹³.

Однако деятельность участников артели не сводилась только к общему хозяйствованию, общим занятиям и «приятному» времяпрепровождению. Посещавший артель лицеист Иван Пущин потом вспомнит, что в этом «мыслящем кружке» велись постоянные «беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас

¹¹ Греч Н.И. Указ. соч. С. 331.

¹² Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 53.

¹³ Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1886. № 2. С. 131–132.

порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне». Впоследствии Бурцов вступил в Союз спасения, куда приехал и Пущина: он «нашел, что по мнениям и убеждениям» лицеист вполне «готов для дела»¹⁴.

«Мнения» и «убеждения» Бурцова хорошо видны из его частной переписки. Своему товарищу по артели, Николаю Муравьеву, брату основателя Союза спасения Александра Муравьева, он писал: «Всякий добродетельный гражданин должен поставить единою целию своей жизни – принести Отечеству самую величайшую пользу». Под «пользой» же понималась, в частности, борьба с «тайными» врагами государства – людьми с испорченными нравами. «Что может спасти государство от следствий, производимых таковыми нравами? Пожертвование собою добродетельных граждан», – утверждает Бурцов.

«Добродетельный гражданин», по мысли Бурцова, должен «учиться гражданским наукам, наблюдать характер соотечественников». Достигнув же «высших должностей», он получает возможность «говорить царю правду», «советами и действиями своими всему отечеству приносить неизъяснимую пользу». Уговаривая тяготившегося службой в Грузии Муравьева рассматривать эту службу как высокое служение, Бурцов пишет:

Отечество немного имеет сынов, подобных тебе, и ожидает от дел твоих величайшей пользы. Есть ли же ты, имея средства, не будешь употреблять их для блага сограждан, то недостойн будешь имени добродетельного, того имени, которое по всем правам принадлежит тебе¹⁵.

Такого рода патриотизм был вполне традиционен для послевоенных офицерских объединений: он был сродни «кружковой религии, фокусирующей в себе гражданские и христианские добродетели» [Рогов 1997, с. 111]. Из этих расплывчатых размышлений можно сделать вывод: Бурцов вполне разделял веру большинства послевоенных офицеров и в молодого царя, и в реформы, и в то, что – выучившись – «добродетельные граждане» смогут стать советчиками императору Александру в деле реформирования России.

Вполне логичным было участие Бурцова в первых тайных обществах. Он стал членом Коренного совета Союза и, скорее всего,

¹⁴ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. лит., 1988. С. 56.

¹⁵ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М.: [б. и.], 1975. Т. 1. С. 118–120.

принимал участие в написании нового устава – Зеленой книги¹⁶. От Союза спасения в новом уставе остались две цели – «объявленная» и «сокровенная».

«Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления». «Сокровенная» же цель, которая «нигде положительно не была выражена», сводилась, согласно его показаниям, к подготовке общественного мнения «к новому устройству в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей»¹⁷. Обе цели Бурцову нравились; действуя по отрасли «образование», он – еще в бытность в столице – участвовал в организации ланкастерской школы в Гвардейском корпусе и фактически руководил этой школой.

В штаб 2-й армии Пестель и Бурцов принесли тот образ действий, к которому привыкли в столице. Пестель показывал, что оказался в Тульчине «прежде» Бурцова, а потому «прежде его там действовал»; «по прибытии же Бурцова» они действовали вместе¹⁸. Бурцов подтверждал: «В мае месяце 1819 года, приехав в Тульчин, я нашел там Пестеля... и мы вместе стали распространять число членов, я действовал в том духе, как и прежде»¹⁹.

Оба руководителя Тульчинской управы побуждали штабных офицеров и чиновников учиться. Принятый Бурцовым в общество Павел Аврамов, в 1819 г. – старший адъютант Главного штаба 2-й армии, показывал, что в квартирах и у Пестеля, и у Бурцова были «собрания книг о политических науках на французском языке», которые они давали читать желающим, а иногда и читали эти книги вслух. Живший в одной квартире с Бурцовым Аврамов часто заставлял обоих руководителей управы и других участников кружка «в чтении, и нередко о политических науках»²⁰.

Басаргин вспоминал, что у общества было «серьезное» направление: штабные офицеры старались «употребить свободное от службы время на умственное свое образование». Собираясь вместе, они «отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали»,

¹⁶ *Муравьев-Апостол М.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 224.

¹⁷ *Бурцов И.Г.* Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 195.

¹⁸ *Пестель П.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 108.

¹⁹ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 195.

²⁰ *Аврамов П.В.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 204.

а также «толковали о современных событиях и вопросах» или об «отвлеченных предметах». По словам Ивана Якушкина, «в Тульчине члены тайного общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно общались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу»²¹.

Тульчинские политические дискуссии поначалу шли, как и в столице, в конституционно-монархическом русле. Бурцов и его единомышленник Николай Комаров приняли в Союз благоденствия Алексея Юшневского, армейского генерал-интенданта. Юшневскому было рассказано, что целью организации «было стараться совокупными силами о распространении просвещения, промышленности и в особенности о искоренении мздоимства по судебным местам, поощряя и поддерживая людей, способных следовать единому внушению правды и бескорыстия»²².

Особого внимания удостоилась речь императора Александра, произнесенная им в 1818 г. при открытии Сейма в Варшаве. По словам Бурцова, речь эта, «в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления», «много» усилила «общее стремление к снисканию сведений», которые «могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей»²³. Пестель, «воздействуя» на только что вступивших в общество заговорщиков, тоже призывал их «постигнуть» «речь, произнесенную в Варшаве к представителям народным»²⁴.

Характеризуя Бурцова в романе «Смерть Вазир-Мухтара», Ю.Н. Тынянов называл его «либералом», «религией» которого «была умеренность»: «Не всегда либералы бывали мягкотелы, не всегда щеки их отвисали и животы их были дряблы, – как то обыкновенно изображали позднейшие карикатуристы. Нет, они бывали также людьми с внезапными решительными движениями. Губы их бывали толсты, ноздри тонки, а голос гортанный».

Конечно, «либералом» Бурцов был настолько, насколько этот «либерализм» поощряла высшая власть. Декабристская биография «добродетельного гражданина» вполне типична: он безусловно разделял надежды молодых офицеров на введение в России пред-

²¹ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 51, 58–59; *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. С. 36.

²² *Юшневский А.П.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т. 10. С. 48.

²³ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 190.

²⁴ *Комаров Н.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 394.

ставительного правления и на отмену крепостного права. Его расставание с тайным обществом хронологически совпадает с отказом Александра I от реформ.

Однако Бурцов, как и Пестель, был весьма честолюбив. Из столицы оба лидера тульчинского общественного мнения привезли старый, еще времен устава Союза спасения, конфликт. Тынянов описал этот конфликт лаконично: «Бунт взглянул на пламенный либерализм российский холодными глазами Пестеля».

Суть спора, согласно Бурцову, заключалась в следующем: Пестель «утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся». Сам же Бурцов «почитал за великое счастье, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия». Он «видел большую возможность успеть в жизни гражданской и потому иногда желал, чтоб какой-либо государственный человек, подобно Мордвинову, Сперанскому или приближенная особа к государю приняла первоначальное общество под свое покровительство и направила согласно воле правительства»²⁵.

В этих спорах – развилка истории российского заговора: если бы победил Бурцов и его сторонники, «добропорядочные граждане», если бы им удалось оттеснить Пестеля от руководства тайным обществом, история пошла бы, вероятно, по другому пути. Однако их победа после 1820 г., когда в России началась реакция, реформы были свернуты, а император из «Благословенного» превратился в глазах подданных в тирана, уже вряд ли была возможна.

Литература

- Бокова 2003 – *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Макаров 1981 – *Макаров В.Б.* Декабрист Иван Григорьевич Бурцов. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. 84 с.
- Азадовский 1992 – *Азадовский М.К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т. 2. С. 3–237.
- Рогов 1997 – *Рогов К.Ю.* Декабристы и немцы // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 105–126.

²⁵ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 195–197.

References

- Azadovskii, M.K. (1992), "Lost works of the Decembrists", Azadovskii M.K. *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the history of decembrism], Vost.-Sib. kn. izd-vo, Irkutsk vol. 2, pp. 3–237.
- Bokova, V.M. (2003), *Epokha tainyh obshchestv. Russkie obshhestvennye ob'edineniya pervoi treti XIX v.* [The age of secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century], Reali-Press, Moscow, Russia.
- Makarov, V.B. (1981), *Dekabrist Ivan Grigor'evich Burtsov* [Decembrist Ivan Grigoryevich Burtsov], Izd-vo SGU, Saratov, Russia.
- Rogov, K.Yu. (1997), "The Decembrists and the Germans", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, pp. 105–126.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Kiyanskaya Oksana I., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

«Кандалный путь» в Сибирь
по железной дороге в 60–70-е гг. XIX в.
Система пересылки и повседневная жизнь
политических ссыльных

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, asgulin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются практически мало исследованные вопросы о способах и методах транспортировки политических ссыльных в Сибирь по железной дороге и повседневная жизнь этой категории арестантов в новых условиях этапирования в 60–70-е гг. XIX в.

Ключевые слова: этапный путь в Сибирь, Положение о перевозке арестантов по железной дороге, арестантский вагон, повседневная жизнь, арестанты, политические ссыльные, участники польского восстания 1863–1864 гг.

Для цитирования: Гулин А.С. «Кандалный путь» в Сибирь по железной дороге в 60–70-е гг. XIX в. Система пересылки и повседневная жизнь политических ссыльных // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 105–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-105-117

“Shackle (Kandalny) path” to Siberia
by rail in 60–70s of the 19th century.
The deportation system
and everyday life of political exiles

Aleksei S. Gulin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, asgulin@mail.ru

Abstract. The article deals with actually little studied questions about the ways and methods of transporting political exiles to Siberia by rail, about the everyday life of that category of exiles in the new conditions of deporting in the 60–70s of the 19th century.

Keywords: deportation path to Siberia, Regulation on the transport of prisoners by rail, a prison wagon, everyday life, prisoners, political exiles, participants in the Polish uprising of 1863–1864

For citation: Gulin, A.S. (2020), “‘Shackle (Kandalny) path’ to Siberia by rail in 60–70-s of the 19th century. The s deportation ystem and everyday life of political exiles”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 105-117, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-105-117

Введение

Если ознакомиться с отечественной и зарубежной исторической литературой о сибирской ссылке, освещающей этапный путь ссыльных в Сибирь, и реферативно изложить прочитанное, то из изложенного мы вынесем следующее: тяжесть пути, кандалы, холод и голод, зной и сырость, теснота на этапах и в тюрьмах, болезни и смерти, грубые солдаты и этапные начальники. Исторические сочинения о политической ссылке 60–70-х гг. XIX в., следуя нарративу об уголовной ссылке, снова погрузят нас в те же вышепомянутые перечисления, с тем исключением, что к ним добавится вереница правительственных нововведений пореформенного периода: следование ссыльных по железной дороге в арестантских вагонах, водным путем – на арестантских баржах, сухопутным – переменными лошадьми. Мы узнаем из этих сочинений, что для арестантских партий с 1868 г. был отменен зимний ход, а с 1864 г. повышено кормовое довольствие пересыльных арестантов до 10–15 коп. в день, но вместе с тем нас убеждают, что все эти нововведения мало сказались на положении ссыльных: и уголовных, и политических. Нам повторяют, что путь их был так же тяжек и суров, они все так же должны были ютиться в тесных и холодных этапах, построенных полвека назад при учреждении ссыльной системы по «Уставу о ссыльных» трудами М.М. Сперанского, что они все так же страдали, голодали, болели и умирали. Но дело в том, что главной задачей историков прошлых лет была не столько реконструкция объективной исторической картины, сколько сочинение рассказа об угнетении отверженных масс и «святых мучениках» из разряда политических преступников, по сути – сакрализируя тему сказаниями о мучениках за веру в ключе христианских писаний. Чтобы переосмыслить написанное ранее и переписываемое в том же духе и сегодня, необходимо разобраться в деталях.

Указом от 24 марта 1837 г. Николаем I в России учреждалось три основных пеше-этапных тракта в Сибирь: 1) С.-Петербург–

Новгород–Тверь–Москва–Н. Новгород–Казань–Тобольская губерния (до села Тугулым); 2) Белосток–Гродно–Минск–Орша–Смоленск–Москва; и 3) Херсон–Полтава–Харьков–Воронеж–Тамбов–Пенза–Симбирск–Казань¹. Первый и второй тракты сливались вместе в Москве, и только в Казани все ссыльные партии соединялись в одну общую массу арестантов, следующих в Сибирь. Если в первой половине XIX в., откуда бы ни был отправлен ссыльный, он шел исключительно пеше-этапным порядком, неторопливым маршем, преодолевая по 15–30 верст в день от этапа к этапу, следуя через города и веси, звеня кандалами под жалобное пение «милосердной», а сосланные «куда Макар телят не гонял» политические или уголовники привилегированных сословий, обзаведясь медицинским заключением о слабом здоровье, мчали на почтовых тройках за собственный счет, в сопровождении жандармов, в немилую сердцу Сибирь, проходя в сутки до 170 верст², начиная с 1858 г. этот старый порядок вытесняется новыми способами транспортировки – по железной дороге, водным путем и переменными лошадьми. Так реформы коснулись и системы пересылки арестантов.

Во время Крымской войны Российская империя остро ощутила отсутствие современной транспортно-логистической системы, по которой быстро и легко можно перекинуть войска, вооружение и провиант, обезопасив границы обширной империи, и, естественно, такая система была необходима для развития торговли и производства. В день 26 января 1857 г. Александр II подписывает указ о создании в России первой сети железных дорог³, из которых к тому времени в наличии было только три: Варшаво-Венская, Царскосельская и Николаевская (Петербургско-Московская). В ближайшие годы предстояло построить Петербургско-Варшавскую, Московско-Нижегородскую, Рижско-Динабургскую линии и ряд других, связывающих основные города и губернии России в единую железнодорожно-транспортную систему.

К концу 1862 г. первые три линии были построены с привлечением частного капитала через концессии и заложены или спроектированы ряд других железных дорог.

Авторы, исследующие сибирскую политическую ссылку, все ведут свой рассказ о начале пересылки арестантов в России по железным дорогам с 1862 г., опираясь на положения от 18 октября и

¹ ПСЗРИ-2. Т. 12. № 10066.

² Brus A., Kaczynska E., Sliwowska W. *Zesłanie i katorgia na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1992. S. 82–83.

³ ПСЗРИ-2. Т. 32. № 31448.

1 декабря 1862 г.⁴, в то время как первым актом, упраздняющим пеше-этапный порядок пересылки арестантов между Петербургом и Москвой с учреждением перевозки их по железной дороге в арестантских вагонах, стало высочайше утвержденное положение от 27 марта 1858 г. о таковой перевозке по Николаевской железной дороге. Положением предписывалось устройство для транспортировки арестантов четырех особых вагонов с пятью отделениями вместимостью до ста человек. В полном соответствии с «Уставом о ссыльных» в каждом отделении таких вагонов могли быть изолировано размещены основные категории арестантов: ссыльно-кааторжные, ссыльно-поселенцы, ссылаемые на водворение и, наконец, отдельно женщины-ссыльные или семейства, следующие за арестантами в Сибирь. Вагоны были оборудованы рядами деревянных скамей со спинками по обеим сторонам салона. Арестанты все время содержались за железными укреплениями. Стоимость перевозки от Петербурга до Москвы одного арестантского вагона составляла 200 руб. сер., таким образом, перевозка одного арестанта обходилась в 2 руб. сер., если же с ссыльными был багаж, то отдельно для этого к составу цеплялся багажный вагон, плата за транспортировку которого составляла 100 руб. сер. Арестантские вагоны, как в одну, так и в другую сторону, отправлялись с ритмом раз в две недели, их цепляли последним вагоном к отправлявшемуся составу. В пути арестантов кормили сухим пайком: по три фунта печеного хлеба с солью и по полфунта вареного мяса на человека. Такая норма сухого пайка соблюдалась на протяжении десятилетий. Для сопровождения арестантов по железной дороге создавалась особая команда при С.-Петербургской инвалидной команде внутренней стражи⁵. Последующими положениями в том же 1858 г. пересыльным по железной дороге арестантам увеличивался размер кормовых до 3,5 коп. в сутки⁶, а перевозка арестантов из привилегированных сословий устанавливалась в пассажирских вагонах третьего класса «при особо благонадежном» унтер-офицере⁷.

Первые же арестантские вагоны для Николаевской железной дороги были построены на Александровском заводе в 1854 г.⁸, и

⁴ Там же. Т. 37. № 38802; № 38803; № 38804; № 38985.

⁵ ПСЗРИ-2. Т. 33. № 32923.

⁶ Там же. № 33747.

⁷ Там же. № 33573.

⁸ *Киселев С.Е.* Железнодорожная коллекция [Электронный ресурс]. URL: <https://railway-collections.blogspot.com/2015/12/wagons-nikolaev-railway.html?view=snapshot> (дата обращения 22 июня 2020).

опыт отдельных перевозок со всей очевидностью лег в основу выработанного положения о перевозке арестантов по железной дороге в системном виде в 1858 г. В свою очередь, опыт накопленный к 1862 г. при перевозке арестантов по Николаевской железной дороге и на отдельных участках строящихся линий, поэтапно вводящихся в строй, лег базовыми правилами при разработке и утверждении положений от 18 октября и 1 декабря 1862 г., на основе которых разрабатывались и утверждались последующие правила, но более подробные и обширные, отдельно по каждой железнодорожной линии. Так как каждая линия строилась на основе разных концессионных соглашений с разными акционерными обществами, то по каждой такой концессии отдельным положением оговаривалось, сколько и каких арестантских вагонов должно ходить по данной железнодорожной линии, а общество должно было построить по заранее представленным ему чертежам нужное количество требуемых арестантских вагонов. Поэтому, когда в 1863 г. во время подавления польского восстания определено было, что из С.-Петербурга в Москву по Николаевской дороге будут отправляться партии ссыльных политических преступников числом в 400 чел. раз в две недели с 7-м товарным поездом, отходившим с вокзала в восемь часов⁹, число арестантов определялось наличием и вместимостью имеющихся вагонов.

К началу 60-х гг. XIX в. с западного направления поток арестантов всех категорий устремился в Сибирь по железным дорогам, старые этапные тракты упразднялись, а вместе с ними и старые этапы, ночлежки и этапные команды. В то же время с южного же направления, через Херсон–Харьков на Казань, пеше-этапный порядок сохранялся еще долгое время. Постепенно, с последовательным открытием на отдельных участках этапного тракта железнодорожного сообщения и внедрения правительством перевозки арестантов водным путем на пароходах, к концу 70-х гг. XIX в. и на этом направлении были учреждены новые способы и правила пересылки арестантов. С 1864 г. по 1878 г. были поочередно введены в эксплуатацию: Московско-Рязанская (1864)¹⁰, Московско-Ярославская (1864)¹¹, Динабургско-Витебская (1867)¹², Одессо-Балтская (1867)¹³, Московско-Курская (1868)¹⁴, Орловско-Витеб-

⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Б. Л. 48–49

¹⁰ ПСЗРИ-2. Т. 39. № 41323.

¹¹ Там же. Т. 39. № 41322.

¹² Там же. Т. 42. № 44900.

¹³ Там же. Т. 42. № 44490.

¹⁴ Там же. Т. 43. № 46279.

ская (1869)¹⁵, Рижско-Митаевская (1869)¹⁶, Таганрогско-Ростовская (1870)¹⁷, Ярославско-Вологодская (1872)¹⁸, Киевско-Брестская (1873)¹⁹, Харьковско-Николаевская (1873)²⁰, Курско-Киевская (1877)²¹ и другие железные дороги. Особенно важным для арестантов, следующих в Сибирь, было начало их перевозки с 1878 г. по вновь построенной Уральско-горнозаводской железной дороге от Перми до Екатеринбурга²². Таким образом, к концу 70-х гг. XIX в. основная железнодорожная хорда Варшава–Петербург–Москва–Н. Новгород приросла множеством ответвлений, южный путь покрывался сетью дорог, но крайней точкой по дороге в Сибирь, где прерывалось железнодорожное сообщение, все еще оставался Н. Новгород, и небольшой пунктирной линией на Урале выделялась железная дорога от Перми до Екатеринбурга.

С 1864 г. от Н. Новгорода до Перми «кандалный путь» продолжался или водным путем – пароходами и арестантскими баржами, или по суше переменными лошадьми – по четыре арестанта на телегу²³. С 1865 г. в навигацию, с 1 мая по 10 октября, арестанты плыли от Н. Новгорода до Перми по Волге и Каме, а от Тюмени до Томска по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, в промежутках, где не было ни водного, ни железнодорожного сообщения (Екатеринбург–Тюмень и Томь–Ачинск), и с окончанием и до начала навигации арестанты перевозились на переменных лошадях²⁴. С 1868 г. зимний ход партий арестантов был вообще остановлен, и арестанты зимовали в пересыльных тюрьмах и сборных пунктах до открытия следующей навигации²⁵. Но дальше, в Восточной Сибири, все еще оставался все тот же старый пеше-этапный порядок следования.

В литературе о сибирской ссылке в пореформенный период мы не найдем описания собственно арестантского вагона, и по сию пору было непонятно – выглядел ли он чем-то вроде знаменитой «тепушки» или как-то иначе, и до сего дня этот термин в работах звучит не более чем как абстракция, отданная на откуп воображению читателя.

¹⁵ Там же. Т. 44. № 46844.

¹⁶ Там же. № 46752.

¹⁷ Там же. Т. 45. № 48650.

¹⁸ Там же. Т. 47. № 51165.

¹⁹ Там же. Т. 48. № 52821.

²⁰ Там же. № 52828.

²¹ Там же. Т. 52. № 57941.

²² Там же. Т. 53. № 59075.

²³ ПСЗРИ-2. Т. 39. № 40657.

²⁴ Там же. Т. 40. № 41872, № 41882.

²⁵ Там же. Т. 42. № 45228; Т. 43. № 45937, № 46117.

Относительно пересылки политических в арестантских вагонах по железной дороге обратим свое внимание на одну из значимых монографий о ссылке участников польского восстания 1863–1864 гг. польского историка Г. Скока «Поляки на Байкале (1863–1883)». Автор, освещая систему пересылки ссыльных, опираясь на архивные источники, однозначно замечает, что политических отправляли товарными вагонами²⁶. Поднимая же документы, которыми оперирует автор, обнаруживаем, что речь в них идет не о товарных вагонах, а товарных составах, а Департамент железных дорог Главного управления путей сообщений, отвечая за некоторые случаи пересылки в товарных вагонах, на замечание от военного министра за «дурную и тесную» пересылку политических из польских повстанцев из Вильно и Варшавы, сообщает ему, что теперь все партии ссыльных отправляются только в арестантских вагонах либо, за отсутствием последних, вагонами третьего класса²⁷. Из воспоминаний сосланного в каторжные работы за участие в польском восстании Б. Дыбовского мы узнаем, к примеру, о таких случаях, что из Варшавы до С.-Петербурга, будучи дворянином, он был отправлен в переполненном арестантском каторжном вагоне, среди этаплируемых вместе с ним были и женщины, но, прибыв в С.-Петербург, оттуда в Москву, их отправили далее с комфортом в вагоне второго класса²⁸. Сравнивая арестантский вагон с вагоном третьего класса, польский политический ссыльнокаторжный Ян Сивинский утверждал, что первый мало чем отличался от последнего, разве что маленькими оконцами сверху, в которые невозможно было смотреть²⁹.

Полюбопытствовав, открываем каталог вагонного парка железной дороги С.-Петербургско-Варшавской линии и обнаруживаем, что в 1862 г. в этом парке имелись арестантские вагоны серии «И», произведенные в петербургских мастерских. Они имели два ряда небольших зарешеченных окон по три окна с каждой стороны вагона, устроенных высоко, почти под самой крышей, как у товарных вагонов. Внутри салона вагона имелось два ряда деревянных скамеек для арестантов, в проходах, у дверей входа и выхода, два откидных места для жандармов, вооруженных револьверами. По центру

²⁶ *Skok H.* Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. S. 85, 94.

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Б. Л. 92–93.

²⁸ *Dybowski B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 aż do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. S. 26–27.

²⁹ *Szawiński J.* Katorżnik czuli pamiętniki sybiraka, Kraków, 1905. S. 28.

³⁰ *Киселев С.Е.* Указ. соч.

салона располагалась печь-буржуйка, в салоне был резервуар для воды и клозет, встроенный в скамью в центре салона. Вагон был вместимостью на 44 посадочных места³⁰. В товарном же вагоне, кроме печи-буржуйки в углу, никаких удобств не было. Пассажирский вагон третьего класса серии «С» имел обычные окна и два ряда деревянных скамеек по обеим сторонам салона, расположенных более просторно, чем в арестантском вагоне, клозет и печь устроены закрыто в углах вагона, вместимость вагона была рассчитана на 36 посадочных мест³¹. Арестантские вагоны цеплялись к товарным составам, вагоны же третьего класса с ссыльными привилегированных сословий отправлялись и с обычными пассажирскими составами. Пищу для политических ссыльных во время следования в арестантских вагонах заказывал по телеграфу в буфете на общественной станции дежурный жандарм. По прибытии поезда, когда уже все другие поезда отошли, ссыльных вели в столовую залу, где их ждала готовая горячая пища. На завтрак они ели калачи, хлеб или просто обходились чаем. В вагонах было душно, скамьи были устроены так тесно, что сидевшие напротив буквально упирались в друг друга коленями, так что их приходилось устраивать между колен напротив сидящего. Иногда, чтобы сидеть было более просторно, арестанты усаживались друг другу на колени или, чтобы поспать, растягивались на полу прямо под скамьей³².

Польский историк сибирской ссылки Э. Качинская, пожалуй, единственная, кто, описывая путь ссыльных в Сибирь, сообщает нам, правда, довольно смутно, о некотором устройстве арестантского вагона, называя его вагоном третьего класса только с зарешеченными окнами, как указывает автор, вмещающего 60 человек³³, но она не уточняет время, о котором ведет речь, и о какой конструкции, так как ее ретроспективный обзор охватывает сто лет – с 1814 по 1914 г. К примеру, в парке Николаевской железной дороги пассажирские вагоны третьего класса серии «Т» Александровского завода выпуска 1856–1857 гг. имели 79 посадочных мест³⁴, а арестантские вагоны постройки того же завода 1854 г. серии «Ф» имели от 79 до 90 посадочных мест³⁵, поэтому рассуждения, какие именно были вагоны, насколько было тесно в том или ином вагоне – вещь весьма условная, требующая конкретики. Автор вроде бы вполне справедливо и категорично отрицает перевозку когда-либо

³¹ Там же.

³² *Siviński J.* Op. cit. S. 27–28.

³³ *Brus A., Kaczynska E., Sliwowska W.* Op. cit. S. 89.

³⁴ *Киселев С.Е.* Указ. соч.

³⁵ Там же.

арестантов в товарных вагонах и вагонах для скота, но, как видно выше в случае с товарными вагонами, и это иногда случалось. Более того, внимательно ознакомившись с положениями о перевозке арестантов по железной дороге 1862–1864 гг., нельзя не заметить, что, к примеру, по С.-Петербургско-Варшавской, от С.-Петербурга до Вильно и Ковно, и Московско-Нижегородской линии предписывалась перевозка арестантов в вагонах на 60 мест, включая конвой³⁶, а по той же С.-Петербургско-Варшавской линии, от Варшавы до Вильно, предписывалось иметь три сорокаместных арестантских вагонов³⁷, т. е. имелись в виду вагоны серии «И» на 44 посадочных места. По Николаевской железной дороге от С.-Петербурга до Москвы предписывались арестантские вагоны до ста мест, т. е. серии «Ф», описанные выше. По Рижско-Динабургской линии положением прямо указывалась перевозка арестантов в товарных вагонах со специальными отделениями для арестантов на 25 мест с конвоем, а по Виленско-Ковенской ветви – в специальных отделениях, устроенных в багажном вагоне, при полной ширине вагона, семь и три четверти фута длиною³⁸.

Таким образом, по железным дорогам России к концу 70-х гг. XIX в. ходили 20, 30, 40, 50, 60, 80 и 100-местные арестантские вагоны. Вышеизложенное определенным образом объясняет, почему в мемуарах польских политических ссыльных мы встречаем зачастую контрастные иллюстрации их путешествия по железной дороге – одни ехали в грязном и темном вагоне, из которого не выпускали на станциях и кормили арестантов хлебом и вареным мясом, другие следовали в арестантском вагоне, хотя и тесном, и душном, но чистом, мало чем отличавшимся от вагона третьего класса, заказывали еду на станциях, а жаловались в основном только на затекшие конечности.

Изначально, о чем историки хранят молчание, обходя вниманием гендерную проблему, в описываемый период времени арестанты обоего пола, мужчины и женщины, в том числе и политические, перевозились вместе в общих вагонах, только в 1869 г. на С.-Петербургско-Варшавской линии появляется модификация той же серии «И» с двумя отделениями – мужским и женским, что видно из рассматриваемого нами каталога вагонного парка. От описанной нами ранее эта модификация отличалась главным образом поперечной перегородкой трети вагона, разделяющей оба отделения, и клозетом, вынесенным из салона вагона за перегородку. Вместис-

³⁶ ПСЗРИ-2. Т. 37. № 38802, № 38804.

³⁷ Там же. Т. 39. № 40467.

³⁸ Там же. Т. 37. № 38803.

мость этой модификации составляла 36 посадочных мест – 24 мужских и 12 женских³⁹. Именно неудобство совместного путешествия в одном общем вагоне мужчин и женщин более всего и смущало политических ссыльных, нежели все остальное⁴⁰.

Обычная абстракция «арестантский вагон», употребляемая историками сибирской ссылки, при конкретном рассмотрении в деталях обретает более четкие контуры и сокращает поле для фантазий.

С началом ссылки участников польского восстания, с июня 1863 г., ссыльные отправлялись арестантскими вагонами спорадически, по факту прибытия. Выхода из вагона на вокзалах в обеих столицах, они оказывались в окружении публики, как правило, сочувствующей. Проходя же путь от вокзала к вокзалу по улицам С.-Петербурга или Москвы, арестанты из инсургентов оказывались мишенью для атак черни, охваченной волной патриотизма, оскорбляющей их площадной бранью. Ссыльный за участие в польском восстании француз Э. Андреоли вспоминал о прибытии в С.-Петербург:

Наконец, мы прибываем. Нас вводят в предназначенный для слуг подвал вокзала. Закрывают двери, чтобы помешать черни следовать за нами, и размещают вокруг здания кордон солдат, чтобы помешать этим здоровенным мужикам бросать в нас через отдушину этого на вид погребка камни и грязь. Любопытная вещь, что именно женщины проявляют себя наиболее фанатично, горячо проклинают нас, и среди этих фурий мы не замечаем ни одного приятного лица⁴¹.

Во избежание таких сцен народного гнева и с целью эффективного использования посадочных мест в вагонах, более системной организации движения партий политических ссыльных по железной дороге из Царства Польского и Западного края их стали концентрировать в тюрьмах Пскова и, по мере накопления партий, раз в две недели, по средам, отправлять из Пскова через С.-Петербург на Москву, а оттуда после одной или двух недель, проведенных в сборном пункте на Колымажном дворе, переоборудованного в пересыльную тюрьму, неподалеку от вокзала, в Н. Новгород. Арестантские вагоны из Варшавы отправлялись также раз в две недели, по четвергам, а из Вильно – по пятницам. Но с января 1864 г.,

³⁹ Киселев С.Е. Указ. соч.

⁴⁰ *Sowiński J.* Op. cit. S. 28.

⁴¹ *Андреоли Э.* Из Польши в Сибирь: Дневник пленного: 1863–1867 [пер. с фр. А.С. Гулина]. Чита: Экспресс-издательство, 2011. С. 127–128.

когда поток таких ссыльных многократно увеличился, арестантские вагоны стали отправляться еженедельно, в том же ритме, но из Вильно, ввиду чрезвычайного скопления ссыльных во Пскове арестантские вагоны следовали прямым ходом через С.-Петербург на Москву. С марта 1865 г. в связи со снижением потока ссыльных по польскому восстанию, когда арестантские вагоны при прежнем графике стали отправляться полупустыми, был закрыт сборный пересыльный пункт во Пскове, и ритм движения партий политических по железной дороге вернулся к двухнедельному графику⁴².

Таким образом, чем бы правительство ни вдохновлялось: экономическими ли смыслами, человеколюбивыми ли идеями или политическими видами – в случае нехватки арестантских вагонов для пересылки оно не шло путем ухудшения существующего положения политических ссыльных, а обязывало заменять арестантские вагоны на вагоны третьего класса, даже улучшало бытовые условия пересыльных. Теснота в арестантских вагонах, о которой часто упоминается, действительно была, но не потому, что вагоны были переполнены, а потому, что сама система раскладки без учета, что люди бывают разных габаритов, была довольно плотной.

Повседневная жизнь политического заключенного во время следования по железной дороге имела характерные черты дежавю, изо дня в день ритмично повторяющейся картины: пересыльный пункт–вокзал–дорога–вокзал–пересыльный пункт, разные по вместимости, но похожие друг на друга арестантские вагоны, за исключением товарных и багажных, описанных выше, или вагоны третьего класса для привилегированных. Так как собственно сама дорога от Варшавы до Н. Новгорода занимала пять суток, этот короткий отрезок времени также коротко, буквально несколькими строчками, находил отражение в мемуарах ссыльных. Гораздо обширнее ими вспоминалось время, проведенное в пересыльных тюрьмах, где они впервые осознавали то, что в действительности с ними происходит и как круто разворачивается их судьба и линия их жизни, как правило, молодой жизни, которой, как грезилась им, бог уготовил совсем иную участь, какую они, «солдаты свободы» и проводники революционных или новолиберальных идей, романтично и наивно мнили для себя. Перед ними разверзлась темная пропасть неизвестности, они ощущали ее всеми фибрами своей души и, или отчаянно пытались сопротивляться уготовленному, изменить предначертанное, или, падая духом, отдавались течению

⁴² ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Б. Л. 48–48об., 77–78, 87–88об., 118.

обстоятельств, покоряясь произволу рока. Одни совершали побег из пересыльных тюрем, как знаменитый побег Ярослава Домбровского, другие строчили доносы на товарищей, третьи писали покаянные прошения о помиловании, надеясь получить прощение и избежать Сибири. Но 99% шли в Сибирь, шли потерянные, понурые и обреченные. Сибирь... Это страшное слово вызывало у политического заключенного животный страх, она была в прямом смысле *Terra Incognita*, о которой никто не знал ничего, даже самая образованная часть ссыльных. Напротив, уголовники, в чьих партиях всегда имели место быть несколько рецидивистов и бродяг, исходивших Сибирь вдоль и поперек, владели куда более точными и практическими сведениями об этом крае.

Заключение

Путь этапами от Варшавы до Тобольска, который ранее пешком преодолевался в лучшем случае за полгода, теперь сократился по времени в два-три раза. От Москвы до Нижнего ссыльный ехал сутки, от Нижнего до Перми на пароходах – 5 дней, от Перми до Тобольска этапным порядком – 46 дней⁴³. Ритмичная система пересылки арестантов, модернизированная новыми видами транспортировки, позволила правительству, несмотря на то что в 1863–1866 гг. сама система была сильно перегрета резким увеличением более чем в два раза общим количеством ссыльных за счет осужденных инсургентов по польскому восстанию, не только выдержать этот напор, но и, пусть со скрипом, перебросить в Сибирь целую армию политических ссыльных, чья численность превышала 20000 человек. Ссыльный теперь в прямом смысле не успевал опомниться, как он уже оказывался в Сибири. Вспоминая свое пятимесячное пребывание в тобольской тюрьме, С.Г. Стахевич, осужденный на каторгу как государственный преступник за распространение прокламации «Льется польская кровь», приводит следующие слова одного из политических ссыльных о впечатлениях, которыми тот поделился с ним о своем пути в Сибирь:

Меня как будто толкнули в длинный, предлинный тоннель и надавливают в спину поршнем; станция за станцией... и не знаю, где наконец меня из этого тоннеля вытолкнут⁴⁴.

⁴³ Brus A., Kaczynska E., Sliwowska W. Op. cit. S. 83.

⁴⁴ Стахевич С.Г. В Тобольской тюрьме (Из моих воспоминаний) // Былое. 1923. № 22. С. 133.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Gulin, applicant, Russian state University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; asgulin@mail.ru

Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, abastash@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен опыт реконструкции жизненного мира крупной профессионально-социальной корпорации сестер милосердия в годы Первой мировой войны. Исследование основано на обширном, впервые привлекаемом архивном материале. Представлены основные социально-антропологические характеристики сестер милосердия: количество, возраст, образование, психологические типы, виды деятельности сестринской организации, отношения сестер с различными, высшими и низшими, группами служащих Красного Креста, солдатами, офицерами, отношение общественности к сестринской корпорации. В центре исследования – анализ жизненного мира через призму повседневности военно-санитарной деятельности указанной группы, что диктовалось технологией труда, вызванной тотальной войной.

Ключевые слова: тотальная война, технология труда, военно-санитарная деятельность, социально-профессиональная корпорация, повседневность, сестры милосердия, жизненный мир, гендерные отношения

Для цитирования: Асташов А.Б. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 118–134. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-118-134

Medical nurses during the First World War. Daily life and work

Aleksandr B. Astashov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, abastash@yandex.ru

Abstract. The article presents the reconstruction essay on the life world of a large professional and social medical nurses corporation during the First World War. The research is based on extensive first-time archive material. The main social and anthropological characteristics of medical nurses

are presented: the number, age, education, psychological types, activities of the nursing organization, nurses' relations with various, higher and lower, groups of the Red Cross employees, soldiers, officers, public attitudes towards the nursing corporation. The research focuses on the analysis of the world of life through the prism of the daily military and sanitary activities of that group, what was dictated by the work technology caused by the total war.

Keywords: total war, work technology, military and sanitary activity, social and professional corporation, daily life, medical nurses, world of life, gender relations

For citation: Astashov, A.B. (2020), "Medical nurses during the First World War. Daily life and work", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 118-134, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-118-134

Введение

Гендерный аспект социальной истории в годы Первой мировой войны продолжает привлекать историков. Основные работы в этой области посвящены женщине-солдатке, женщине с ружьем и резе – женщине-работнице. При этом, даже изображая женские подвиги, авторы их оценивают глазами мужчин [Иванов, Щербинин 2001; Sanborn 2003, p. 149–150; Белякова 2005, с. 243; Иванова 2002]. Исследователи находят много негативных сторон в деятельности сестер милосердия. Обычно таким представлениям соответствуют привлекаемые в литературе источники – взгляды и оценки современников, на основе которых создается «медийный портрет» женщин [Колоницкий 2014].

В данной статье предлагается реконструкция жизненного мира рядовых сестер милосердия, самой крупной женской профессиональной корпорации как часть проблемы выявления женских невоенных моделей и практик поведения во время войны, где большое значение имели военно-трудовые технологии, включая и организацию военно-санитарного дела. Главное внимание уделено сестрам Красного креста, оказавшимся в центре общественного внимания, сначала возносившего их как символ патриотизма и гуманности, а затем подвергнувшего резкой критике представительниц массового милосердия на войне за «безнравственность» и непрофессионализм.

*Сестры милосердия
в социальной структуре Красного креста*

В начале 1917 г. в РОКК (Российское общество Красного Креста) насчитывалось 17 тыс. сестер из общего их количества 120 тыс. чел. Это соответствовало их «весу» в общей работе помощи больным и раненым. Красный Крест содержал 6% госпитальных коек, по сравнению с 30% коек у Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) и 40,5% коек у Всероссийских земского (ВЗС) и городского (ВСТ) союзов. Остальные койки обслуживали частные организации¹. Корпорация сестер милосердия насчитывала несколько их видов, установленных главным управлением РОКК: сестры, получившие звание в нормальном уставе и приписанные к общинам РОКК (6 тыс. чел.), запасные сестры, прошедшие обычные 9-месячные курсы (1,5 тыс. чел.), сестры военного времени, закончившие краткие 2-месячные курсы (12 тыс. чел.). Быстро растущую часть корпорации составляли сестры «добровольцы» [Олешкова 2012, с. 23; Белякова 2005, с. 243]². Средний возраст сестер был 24–25 лет при существенном разбросе в годах³.

В литературе иногда принижается уровень образования сестер милосердия. Анализ же личного состава госпиталей на театре военных действий показывает, что подавляющее большинство сестер военного времени имели среднее, или незаконченное среднее, или приравненное к нему образование (женские курсы, епархиальные школы и т. п.). По этому показателю сестры находились на уровне офицеров военного времени, прапорщиков. Не существовало ограничений и по национальному признаку, исключая лиц иудейского вероисповедания, количество которых не должно было превышать 3% от общего числа сестер военного времени [Конохова 2012, с. 92]⁴.

Вопрос о причинах поступления девушек в медсестры является важнейшим для анализа их деятельности на войне. И до войны большое значение для поступления на курсы сестер милосердия

¹ Русский Красный крест после 1917 года: Очерк деятельности Рос. о-ва Крас. Креста (старой орг.) Париж: Б. и., [1925]. С. 8; Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2018. Оп. 1. Д. 264. Л. 29.

² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 24. Л. 522; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 520. Л. 1–3, 33, 48–49.

³ Варнек Т.А. На великой войне. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы: Сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2014. С. 14.

⁴ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 241об.–249, 354–368; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 179. Л. 11.

имела мода на благотворительность. Часто это сочеталось с увлечением другими видами времяпрепровождения молодежи: живописью, спортом и др. Во время войны важнейшим мотивом вступления в ряды сестер милосердия был патриотизм, стремление помочь больным и раненым, вообще «жертвам войны». Играла роль и жажда впечатлений от самого участия в «Великой войне», увлечение «общим делом» перед лицом опасности, «на передовой». Важной была и материальная обеспеченность в организациях Красного Креста. Значительной была группа сестер, искавших на войне способ «устроиться», включая и личную жизнь⁵. Именно по этой части сестер судили всю сестринскую корпорацию в обществе.

Военно-санитарная деятельность сестер милосердия

Работа сестринской организации диктовалась жесткими иерархическими, полувоенными и полумонашескими правилами. Все сестры, где бы они ни работали, были приписаны к определенным общинам РОКК. Последние направляли их в распоряжение главноуполномоченных РОКК фронтов и внутреннего района. Те в свою очередь направляли их особоуполномоченным РОКК армий данного фронта или во фронтовой резерв. Особоуполномоченные направляли сестер уже непосредственно в краснокрестные или подфлажные (под флагом РОКК) учреждения в ведение главврачей учреждений или уполномоченных отрядов, летучек, пунктов, транспортов и т. п. Особоуполномоченные и главноуполномоченные подчинялись начальникам санитарных частей армий и фронтов, которые согласовывали деятельность всех видов медицинской помощи⁶.

Сестры милосердия получали 40 рублей жалования в госпиталях и в поездах (при готовом столе). Такое содержание для штатных сестер считалось мизерным. Из него они должны были отдавать 10% на общину, помогать своим неимущим родным, оставлять деньги на одежду и т. п. В 1916–1917 гг. ситуация с материальным содержанием ухудшилась на фоне всеобщего удорожания. Сестрам не хватало денег на помощь родным, на одежду, на еду и т. д.⁷

⁵ Варнек Т.А. Указ. соч. С. 7; Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. С. 61; РГВИА. Ф. 12674. Оп. 1. Д. 11. Л. 478, 480.

⁶ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 115. Л. 1–20.

⁷ Известия Главного комитета ВЗС. № 1. 15.10.1914. С. 31, 35; РГВИА. Ф. 2106. Оп. 4. Д. 103. Л. 48об., 93, 100–103об.; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 31. Л. 394; Д. 354. Л. 10об.; Д. 114. Л. 48 об., 82–84 об.

Кроме невысокого жалования, деятельность сестер милосердия на фронте была полна опасностей. Сестры в составе отрядов, летучек, транспортов неоднократно подвергались обстрелам, в том числе снарядами с газами. Такие обстрелы приводили иногда к смертельным исходам, тяжелым ранениям, лишению конечностей⁸. Имели место нападения противника на отряды Красного Креста, бомбежки, что являлось предметом разбирательства Чрезвычайной следственной комиссии о нарушении законов войны⁹.

Кроме чисто военных опасностей, существовало множество трудностей, вызванных фронтовой повседневностью. Само передвижение организаций Красного Креста по театру военных действий происходило с массой препятствий. Особенно много было испытаний для сестер милосердия во время отступления, эвакуации. Так, вместе с передовым отрядом (38-м) сестры шли лесами, часто пешком, следуя за своими повозками, перемешанными с чужими, так как нельзя было оставить раненых. Иногда сестры попадали под ружейную стрельбу, при этом непрерывно перевязывали раненых, пока не кончались материалы. Часто во время этих трудных переходов пропадало много имущества отрядного и собственного, включая личные вещи, и сестры оставались только в том и с тем, что было на них и с ними во время работы. На фронте изменялся сам внешний облик сестер: руки становились грубыми, покрасневшими, башмаки – неуклюжими и бесформенными, кожаные тужурки – рваными, лица – загорелыми, покрывшимися веснушками и морщинами¹⁰.

Многие сестры оказывались в плену во время отступления (вплоть до февраля 1918 г.). По мере выздоровления больных и раненых воинов русской армии госпитали расформировывались, а их персонал, включая сестер милосердия, возвращался из плена в Россию. Главными испытаниями сестер в плену был ограниченный рацион питания, а также плохое обращение со стороны противника. Возвращение же в Россию было сопряжено с восстановлением в правах на имущество, зарплату, документы, которые часто были утрачены во время пленения¹¹.

⁸ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 249. Л. 31, 39; Д. 180. Л. 130, 131; Ф. 12651. Оп. 10. Д. 24. Л. 438, 510; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181об.–182; *Кравков В.П.* Указ соч. С. 230, 239.

⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 24. Л. 31, 512, 524.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 424об.; Д. 3845. Л. 195; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 28. Л. 14 об.–16; Д. 394. Л. 410–410об.; *Фармборо Ф.* Первая мировая война. Дневники с фронта. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 134.

¹¹ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 180. Л. 339; Д. 407. Л. 325; Д. 360. Л. 31, 332–366, 471; *Отель В.А.* Дневники хирурга первой мировой войны. СПб.: ВМедА, 2001. С. 73.

Некоторые эпизоды деятельности сестер милосердия подвергаются в литературе критике, например работа с заразными больными. Утверждается, что такая работа шла под принуждением, вплоть до «репрессивных мер» [Срибная 2015, с. 103–104; Белякова 2005, с. 256–257; Конохова 2012, с. 92]. Однако в документах, на которые ссылаются авторы, упоминается лишь о нескольких случаях отказа от посылки «на холеру»¹². Архивные же материалы о работе сестер милосердия «на холере» и вовсе показывают как раз их самоотверженность, игнорирование опасности заразиться в работе с инфекционными больными. Об этом говорят и цифры смертности сестер от заразных заболеваний, на порядок превышающие частоту смертельных случаев от инфекционных заражений санитаров¹³.

Большой объем работы выпадал на сестер и в госпиталях, где одна сестра обслуживала 15 острозаразных больных, а в терапевтических и хирургических – от 25 до 30. Кроме того, сестры должны были делать внеочередные перевязки или прививки, иногда для 100–150 человек в смену¹⁴. В такой напряженной работе у сестер возникало чувство опустошенности, цифры заменяли больных. При этом ситуация в госпиталях продолжала ухудшаться: не хватало врачей, керосина для освещения, молока для больных, дров, белья, обуви и т. п.¹⁵

Трудовая деятельность сестер подчинялась жестким правилам. От сестер в их работе требовалось исполнение ими служебных обязанностей, соблюдение дисциплины при запрете даже кратковременных отпусков. Это вело к многочисленным просьбам о переводах, увольнениях и в крайнем случае – к побегам из лечебных заведений¹⁶. Жестко контролировалась форма сестер милосердия, а фактически – их поведение вне учреждений (в общественных местах, увеселительных заведениях, на улице и т. п.). Главное управление РОКК неоднократно издавало постановления и уточнения о правилах ношения формы¹⁷.

¹² Вестник Красного Креста. 1916. С. 1473–1474.

¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 357; Д. 2933. Л. 310, 519; Д. 2932. Л. 177об.; Ф. 12651. Оп. 2. Д. 574. Л. 6–7, 10–11, 27об.–28, 37об.–38; Д. 422. Л. 193–193об.

¹⁴ Первый вестник сестры милосердия. 1918. № 4. С. 4.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 273; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 409об.–410.

¹⁶ РГВИА. 2106. Оп. 4. Д. 103. Л. 493; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 394. Л. 1, 6, 10–11, 125, 425, 429; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 179. Л. 92об.; *Отпель В.А.* Указ. соч. С. 121, 265.

¹⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 24. Л. 349, 378, 394, 522.

На сестер, не соответствовавших своему назначению, мерами воздействия служили замечания и откомандирования из учреждения. Основным способом поддержания дисциплины являлось удаление сестры в резерв армии или фронта по «несоответствию». В литературе есть склонность трактовать меры откомандирования как проявление «репрессий» к сестрам, или свидетельство их безнравственности в половом отношении [Белякова 2005, с. 256]. На самом деле такие меры касались широкого круга нарушений правил, принятых Красным Крестом. Некоторые из них имели целью исключить проявления сестрами симпатий к Германии и ее союзникам или неодобренных высказываний к русской армии и русскому народу¹⁸.

Формой поощрения или признания заслуг сестер милосердия было их награждение медалями «за усердие». Сестры, как правило, получали золотую нагрудную медаль на Аннинской ленте, в то время как санитары получали серебряную нагрудную медаль на Станиславской ленте. Иногда и, в сущности, случайно сестры награждались георгиевскими медалями, что происходило во время посещения учреждения высоким начальством¹⁹.

Несмотря на тяжелые условия труда, сестры проявляли не только усердие, но и самоотверженность, о чем сохранилось немало свидетельств²⁰. Такое рвение в работе порою носило характер перфекционизма, что объясняет излишнюю придирчивость сестер к себе, друг к другу, к старшему и младшему персоналу. Врачи объясняли такое поведение сестер, одиноких девушек и молодых женщин, их истерическим характером вследствие неустроенности в личной жизни. Кроме того, напряженный ритм работы вызывал нервность, головные боли, приступы неврастения, особенно в моменты стрессовых ситуаций, скандалов. Нервное истощение сестер милосердия было причиной нередких случаев самоубийства, на порядок больше, чем у санитаров²¹.

Стремление сестер контролировать друг друга в моральном отношении, недостаточности усилий, прилагаемых в работе, также можно характеризовать как моральный перфекционизм. Этому способствовал и идеал «нравственной чистоты» сестры. Проблема

¹⁸ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 28. Л. 192об.; Д. 116. Л. 4, 23; Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 45, 46.

¹⁹ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 164. Л. 1–156; *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 244.

²⁰ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 2об., 9-9об.; 17-25; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 407. Л. 585; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 680.

²¹ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 179. Л. 52, 92об.; Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 3, 9–9об., 17–25; Ф. 12651. Оп. 2. Л. 574. Л. 10–11, 34об–35; Д. 24. Л. 59, 220, 416.

была и в том, что сестры практически были равны по образованию и положению. Отсюда масса взаимных препирательств, межличностных столкновений, что отражало нехватку корпоративной культуры. Почвой для ссор среди сестер был отказ выполнять не «сестринские», хозяйственные функции. Скандалы в госпиталях особенно усилились в революционном 1917 году²².

Сестры милосердия в мужской военно-санитарной корпорации

Самые большие трудности, с которыми столкнулись сестры милосердия на фронте, – это взаимоотношения в мужском коллективе. В госпиталях по мере затягивания войны постоянно происходили конфликты сестер с врачами, начальниками летучек, госпиталей, отрядов, поездов. Врачи указывали на недостаточное соответствие усилий сестер возросшим требованиям военно-санитарного дела, ставили им в вину некомпетентность, причем не только в хозяйственных, но и в медицинских вопросах. Кроме того, сестер упрекали в вызывающем к врачам поведении, что провоцировало неподчинение больных солдат²³.

Однако самой важной проблемой в учреждениях оказалось распределение обязанностей по хозяйству: на кухне, в бельевой, на складе. Сказывалась неподготовленность сестер во время обучения в общинах. Почти все сестры стремились работать «на передовой». Здесь возникало множество конфликтов между врачами и сестрами. При этом замечания по наведению порядка со стороны врачей рассматривались как грубость, некорректность, в то время как сестры обвиняли старших в бесхозяйственности, чуть ли не в хищении продуктов. Имело место и гендерное противостояние, когда в ответ на обвинения врачей в адрес сестер те заявляли о домогательствах к ним как к женщинам. В ответ врачи категорически боролись с «развратом» в госпиталях, нещадно увольняя сестер²⁴.

²² *Оптель В.А.* Указ. соч. С. 115; *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 64; РГВИА Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 1–25; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 407. Л. 219, 221; Д. 42. Л. 135.

²³ *Оптель В.А.* Указ. соч. С. 115; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 273; Ф. 546. Оп. 6. Д. 1945. Л. 16.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 177об.; Д. 2933. Л. 148об., 409; Д. 2933. Л. 113; Ф. 2148. Оп. 4. Д. 3. Л. 285–286об.

²⁴ РГВИА. Ф. 12674. Оп. 1. Д. 11. 483–489; Ф. 546. Оп. 6. Д. 1945. Л. 27–33; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Ф. Л. 517–518, 523; Д. 2933. Л. 379об.–380.

В целом взаимные нерасположения и обвинения приводили к скандалам и неразберихе в госпиталях, к «мерзкому отношению» врачей к коллегам, склокам, ругани и т. п. В цензурных отчетах сохранилось много указаний на произвол врачей, грубое обращение с сестрами, «как со своей собственностью». Военно-санитарное начальство в этом случае защищало действия главного врача, которому предоставлялись права полкового командира, чтобы пресекать «партийности», наладить дисциплину, возродить «госпитальную семью»²⁵.

Сложными были отношения сестер и с младшими по службе коллегами, санитарями, уже с начала войны грубо оскорблявшими сестер. И далее санитары, являвшиеся солдатами, откомандированными из полков, часто не подчинялись сестрам, бунтовали и т. п. Замечалось не только халатное отношение санитаров к своим обязанностям, но и случаи пропажи имущества, лошадей. В повседневной службе санитары проявляли полную неподготовленность, но самое главное – лишены были понимания важности порученного дела²⁶.

Но еще более напряженными были отношения сестер с больными. Солдаты ругали пищу в госпиталях, обращение сестер, писали на них анонимки. У солдат вызывали неприятие грубое отношение к больным, невнимательный уход, вообще к начальству, которое «пьет с сестрами, когда мы голодаем». Но наиболее широко были распространены слухи, мнения о «разврате» сестер милосердия²⁷. Сам факт существования «разврата» среди сестер милосердия является общим местом в исторической литературе. В качестве причины «разврата» называется «духовная пустота, моральное разложение» общества, вызванные войной, перед ужасом которой «сестры милосердия, хрупкие женщины, не выдерживали напряжения» [Олешкова 2012, с. 24; Белякова 2005, с. 255–257; Аксенов 2015, с. 20; Конохова 2012, с. 92; Колоницкий 2014]. Менее исследованы, однако, причины и характер представлений в обществе о таком поведении сестер.

²⁵ Кравков В.П. Указ. соч. С. 64; РГВИА. Ф. 2148. Оп. 4. Д. 3. Л. 307; Ф. 546. Оп. 6. Д. 1945. Л. 16.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 618; Д. 616. Л. 316.

²⁷ Там же. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 28. Л. 65, 192; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 273, Л. 618; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 156об.; Д. 2931. Л. 55об.–56; Д. 2933. Л. 409; Д. 3845. Л. 356об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 77; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 225об., 234–234об., 261; Ф. 2148. Оп. 4. Д. 3. Л. 290–290об.

Общество и мораль сестер милосердия

Действительно, существует масса свидетельств участников войны, которые внешне подтверждают обоснованность подобных взглядов на сестер милосердия. Однако следует разделять присутствие среди сестер милосердия лиц, предавшихся разврату, т. е. настоящих проституток, которых, как полагали, было немало на фронте, и сестер, своим поведением дававших повод так о них думать. Следует также учитывать общий фон неодобрения поведения сестер и конкретные факты их «безнравственности». Наконец, необходимо принять во внимание и саму обстановку на фронте, которая, как считалось, создает атмосферу «разврата и авантюризма» и которой поддаются сестры²⁸.

Кроме явных проституток и авантюристок представляется оправданным мнение общества о части сестер военного времени из числа добровольцев. Как правило, такие сестры рассматривали свое положение в медицинском учреждении в качестве повышения статуса, возможности общаться с недоступными ранее врачами, офицерами и т. п. В своем поведении они проявляли грубость, пьянство, драки, явно недостойные поступки, характерные для низших классов общества²⁹. По социально-культурному статусу такие сестры напоминали прапорщиков, т. е. офицеров военного времени, также пришедших из простонародья и отличавшихся такими же манерами, шокировавшими общество. Это отражено и в сходных частушках о прапорщиках и сестрах нового времени: «Раньше был Володей, а теперь Ваше благородие; раньше была Лукерья, а теперь сестра милосердия»³⁰.

Однако в общественном мнении осуждению подвергалась вся сестринская корпорация, что придавало такой критике огульный характер. В этих суждениях смешивались данные о флирте, уходе за сестрами на фронте с данными о поведении, действительно порочащем образ сестры. Источники таких взглядов различные. Это и письма родственников о «безнравственности», царящей на фронте, и письма офицеров с элементами мужской похвальбы о «доступности» сестер милосердия. Еще один источник – суждения о сестрах других сестер, сказанные ими в запальчивости во время

²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 253; Д. 2937. Л. 205–205об., 424об.; Д. 3863. Л. 204об.

²⁹ Там же. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 618. Л. 44; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 363об.; Д. 3863. Л. 205.

³⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 79.

скандалов в госпиталях. Особенно старались здесь старшие сестры, назначенные из общины и предназначенные беречь «чистоту» остальных сестер³¹.

При характеристике обвинений сестер в «безнравственности» следует иметь в виду причины формирования и типы тех представительниц общества, которые создавали негативный образ сестер. Начало слухов о «разврате» на фронте было положено практикой присутствия женщин на театре военных действий, главным образом беженок, местных жительниц и т. п., которых обвиняли в шпионаже. В ответ начальство приняло обязательные постановления о запрете свободного проживания в районе армии частных лиц. Тогда офицеры, чиновники, врачи, а вслед за ними и солдаты начали выписывать на фронт своих жен. Но на это последовало запрещение женам воинских чинов жить в непосредственной близости к позициям³². Тогда офицеры, чиновники, завхозы, интенданты начали устраивать жен, а порою и любовниц, в качестве сестер милосердия в ближайших учреждениях Красного Креста: госпиталях, поездах, питательных пунктах, чайных. Эти способы проникновения женщин на фронт начальству было труднее контролировать. Таким образом, общение мужей со своими женами и тем более любовницами, оформленными как сестры милосердия, создавало почву для обвинения сестер в «разврате» с врачами, особенно в глазах солдат, лишенных права или возможности устраивать свою личную жизнь на войне³³.

Еще более неприглядными выглядели сообщения о разврате сестер с офицерами «под звуки пушек». Осуждение «разврата» сестер с офицерами также имеет ряд причин. Его источником были собственные признания сестер. Однако они касались всего лишь случаев ухаживания, желания повеселиться, развлечься, о чем сестры делились между собой. Эти настроения разделяли и офицеры, охотно идя на флирты с «барышнями», представителями женского пола, равного им по манерам и образованию. Для многих девушек такое общение с подарками, угощениями, цветами, от которых «кружилась голова», имело значение первого опыта отношений с

³¹ РГВИА. Ф. 2148. Оп. 4. Д. 3. Л. 55; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 425–425об.; Д. 2935. Л. 50об., 363об.; 430; Д. 3863. Л. 255–255об.; Вестник Красного Креста. 1915. № 10. С. 4325–4327.

³² Кравков В.П. Указ. соч. С. 12, 14, 101, 102, 168, 182, 272, 338; 181, 185, 272, 338; РГВИА. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 509; Ф. 2067. Оп. 1; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2933. Л. 379об.; Д. 2932. Л. 253, 517–518, 523; Д. 3863. Л. 205об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 335об.

³³ РГВИА. Ф. 12675. Оп. 2. Д. 180. Л. 22; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 345–345об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 52–52об.; Д. 2933. Л. 379об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12.

мужчинами. Не обходилось и без настоящих «романов», некоторые из которых заканчивались столкновениями ухажеров, самоубийствами из ревности и т. п. На солдат такое веселье сестер с офицерами, хоровое пение, обеды с цветами, «полночные пирушки» производили негативное впечатление³⁴.

Общий тон описаний отношений сестер с офицерами был не в пользу сестер. Но в этом также проявляется сексистский характер мужского взгляда на сестер как якобы инициаторов «безнравственного», «развратного» поведения. Документы же показывают как раз инициативу мужчин в поведении, в котором они обвиняли женщин. Играла свою роль и зависимость сестер от мужчин (врачей, офицеров, администраторов) в краснокрестных учреждениях. В удаленных же частях офицеры и прямо могли «напоить» сестер, приставать к ним и т. п., не ожидая никакого наказания за подобное поведение³⁵.

Для анализа сведений о сестрах необходимо иметь в виду обстоятельство их возникновения, авторства, коммуникации, достоверности содержания. При этом следует выделять такие типы свидетелей, как сами сестры, врачи госпиталей, чиновники медицинских учреждений, а также офицеры в армии и в тылу. Далее – это многочисленные свидетельства солдат, как находящихся в армии, так и на излечении. Кроме того, свидетельства родителей сестер, их знакомых, наконец, просто обывателей.

Основной источник формирования отношения к сестрам – личное наблюдение за их поведением перечисленных свидетелей, нижних медицинских чинов и особенно больных воинов. Внимательное изучение этих свидетельств создает неоднозначную картину их достоверности. Так, среди сестер было немало ригористических особ, преподносивших в искаженном виде факты взаимоотношений своих коллег. То же касалось и врачей, чиновников, офицеров, осуждавших особ «легкого поведения» среди сестер. Мало убедительными представляются и свидетельства родственников сестер милосердия. В них скорее сказывается озабоченность судьбой девушек в тревожной ситуации военного времени, тем более на театре

³⁴ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 192; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 568; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21об., 96, 97об., 217об., 252, 253, 458об.; Д. 3863. Л. 255–255об.; Д. 2934. Л. 534об.; Д. 2935. Л. 50об., 364, 430, 458об.; Д. 2937. Л. 52–52об., 419, 425–425об.; Д. 3845. Л. 196, 350, 355об., 356об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 428.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 159, 219; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1009. Л. 97–97об.; Ф. 2148. Оп. 4. Д. 3. Л. 341; Ф. 12651. Оп. 10. Д. 28. Л. 74.

³⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21об.; Д. 2933. Л. 379; Д. 2935. Л. 348. Д. 2937. Л. 416.

военных действий, среди мужчин. И уж совсем огульный характер обвинений сестер виден у обывателей, свидетельства которых состоят в передаче слухов о сестрах, которые якобы только и едут на фронт затем, чтобы «флиртовать и развратничать»³⁶.

Но самый крупный контингент, в сущности, формировавший «образ сестры милосердия», представляли солдаты, особенно большие и раненые. Практически все их суждения основывались не на конкретных свидетельствах, а на убеждениях о безнравственности сестер, их «разврате». При этом остается неясным, что именно под «развратом» имели в виду солдаты, впервые на театре военных действий столкнувшиеся с поведением противоположного пола, не принятым в деревенском, сугубо традиционалистском обществе³⁷.

Многие обвинения возникали от больных, объяснявших «разврат» сестер плохим уходом за ними. Однако следует принять во внимание мнение цензуры, которая относила эти слухи к болезненному состоянию, «которое может вызывать их излишнюю требовательность и склонность к чрезмерному преувеличению». Также преувеличенные и, в сущности, необоснованные слухи возникали об отношениях сестер милосердия и врачей³⁸.

Причина таких слухов видится в нежелании солдат подчиняться сестрам, не имевшим доверия в солдатской сексистской среде. К тому же для солдат было обидно после строя на фронте подпасть под новый вид дисциплинарной власти медицинского учреждения, подчиняться даже более изощренному контролю – над телом [Фуко 1999, с. 202, 205]³⁹. Такое нежелание было вызвано и общим антивоенным настроением солдат, чему препятствовала сама цель работы сестер во главе с врачами: сделать их дееспособными для дальнейшей воинской службы. Почвой для таких слухов было участие сестер в укреплении дисциплины в госпиталях, включая борьбу с побегами, симулянтами и членовредителями⁴⁰.

³⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 185, 509; Д. 2932. Л. 21 Л. 458об.; Д. 2933. 112об., 113; Д. 2934. Л. 31; Ф. Д. 2935. Л. 250об.; Д. 2937. Л. 52, 424об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 191об.

³⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 234; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 356об., 328об.; 227об., 234, 197, 47, 188, 35; Д. 3863. Л. 204об.–205; Д. 2935. Л. 363об., 919, 866об.–867; Д. 2936. Л. 101; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 256об.

³⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 234; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2933. Л. 357, 481 об.

³⁹ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 431–431 об., 446 об.; Д. 3863. Л. 37, 238, 255, 313 об.; Д. 3845. Л. 175.

⁴⁰ Там же. Ф. 2106. Оп. 4. Д. 103. Л. 377, 190–192, 377.

В наветах на сестер играла роль и их связь с ненавистными офицерами, прапорщиками. В глазах солдат, сестры «мучают, заставляют идти на другие перевязочные пункты, а сами в это время ночи гуляют с офицерами», а «не спасают»⁴¹. В целом враждебные высказывания о сестрах милосердия нарастали, увеличившись с начала войны к 1917 г. в 3,5 раза⁴². Само же военное и санитарное начальство решительно отметало огульные обвинения в безнравственности, разврате сестер, подчеркивая их неустанную работу, героизм и самоотверженность⁴³.

Сестры милосердия в революции 1917 г.

Революционный 1917 год довел до логического конца тенденции сестринской организации, взаимоотношения сестер с различными группами служащих. В течение 1917 г. постоянно обострялись отношения сестер милосердия с санитарями. После «Приказа № 1» дисциплина среди санитаров совсем упала. При этом именно санитары предъявляли свои «права» в комитетах, агрессивно относились к госпитальному начальству, и в первую очередь к сестрам, которые были слабо защищены в своих правах. В сестрах, призывавших к порядку, санитары видели своих врагов. Заменявшие ушедших в отпуск, а фактически дезертировавших (65%) санитаров, солдаты из полков вели уже просто разнузданную пропаганду, отказывались подчиняться. В госпиталях началась общая разруха, пьянство, воровство. Это вызвало уход некоторой части сестер [Конохова 2012, с. 92]. Однако подавляющее большинство сестер не только не покинули работу, но активизировали свою краснокрестную деятельность, участвовали в создании женских добровольческих военно-трудовых, летучих санитарных отрядов⁴⁴.

Кроме собственно лечебной работы сестер с больными и ранеными, много внимания уделялось и дисциплинарной работе, носившей патриотический характер в духе идей А.Ф. Керенского по «демократизации» армии. И здесь возникло много трений между сестрами милосердия. В некоторых случаях дело дошло до арестов

⁴¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 509; Д. 2935. Л. 347, 363об.; Д. 2937. Л. 120; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 77.

⁴² Подсчитано по сводкам цензурных отчетов по фронтам, 1915–1917 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.

⁴³ Брусилов А.А. Воспоминания. Первая мировая: забытая война. М.: АСТ, 2014. С. 242; РГВИА. Ф. 12674. Оп. 1. Д. 11. Л. 477.

⁴⁴ Известия фронтового комитета работников РОКК Западного фронта, 3 июля 1917 г.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 17; Ф. 12675. Оп. 2. Д. 28. Л. 65, 193об.; Д. 316. Л. 2–2об.; Ф. 12651. Оп. 3. Д. 421. Л. 82–88об.

сестер солдатами. Солдаты обвиняли сестер в «контрреволюции, желании восстановить монархию и крепостное право»⁴⁵.

Революция поставила вопрос о сплочении сестер милосердия в профессиональной межведомственной организации перед лицом военно-революционного кризиса. На соединенном съезде сестер всех ведомств Западного фронта в мае 1917 г., кроме проблем материального, правового, служебного положения, задач специально-медицинского образования, страхования на случай потери трудоспособности и смерти, «едва ли не самым большим и назревшим» обсуждался вопрос об отношении офицеров и солдат к личности сестер милосердия. Резолюция съездов призывала фельдшеров к общей работе помощи больным и раненым воинам, быть более демократичными. В отношении же с санитарями было установлено признание всех медицинских работников как «товарищей» и «полноправных граждан», а служебную дисциплину сохранять только во время работы. Поднят был и вопрос о взаимоотношениях с главным врачом, право которого по набору и увольнению должно было быть согласовано и одобрено общим собранием сестер милосердия или госпитального комитета как высшей инстанции.

Сестры также получали право вести среди солдат политическую деятельность. По-новому теперь трактовалось назначение сестер – «борцы против страдания от бесправия, гнета и невежества». Поднят был на съезде и вопрос нравственности сестер. Большая группа участников съезда выступила против запрета сестер, как «свободных гражданок», появляться в форме в общественных местах, а поведение сестер милосердия требовали разбирать на «товарищеском суде чести». На втором съезде сестер милосердия Северного фронта в Пскове в ноябре 1917 г. обсуждались проблемы «этики сестры», организации товарищеского суда и примирительной камеры в спорных отношениях между сестрами⁴⁶.

Заключение

Деятельность сестер милосердия в годы Первой мировой войны явилась важным опытом вхождения женской молодежи в социальную жизнь российского общества в поворотный для страны период. Этот опыт вобрал в себя профессионализацию женщин в

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 315, 317, 321; П.А. Душевные беседы // Первый вестник сестры милосердия. 1918. № 5. С. 6; *Фармборо Ф.* Указ. соч. С. 272–273.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1097. Л. 76–76об., 80–80об., 88, 89об.; Ф. 2106. Оп. 4. Д. 81. Л. 313.

военно-санитарном деле, опыт участия в мужском коллективе. Военным испытаниям сестры милосердия противопоставили свой жизненный мир, приспособившийся к требованиям технологии военно-санитарного труда в современной войне. Важным был также опыт в межличностных отношениях в процессе труда, корпоративной культуре больших коллективов.

Серьезные испытания выпали на сестринскую организацию в горниле общественного мнения. Сестринская корпорация явилась мишенью со стороны общества, с трудом приспособившегося к трудностям военного времени. Таким образом, отношение общества к организации сестер стало показателем серьезного морального кризиса, в основе которого были глубокие антивоенные настроения с наложившимися на них культурными противоречиями между солдатской массой и нарождающейся группой образованных классов из неэлитных слоев общества по проблеме участия в современной войне.

Литература

- Акшенов 2015 – *Акшенов В.Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: Особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2015. № 4. С. 1–27 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-rodiny-tsaritsy-k-rodine-babe-osobennosti-femininnoy-reprezentatsii-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения 8 июля 2019).
- Белякова 2005 – *Белякова Н.А.* (ред). Сестры милосердия России. СПб.: Лики России, 2005.
- Иванов, Щербинин 2001 – *Иванов А.И., Щербинин П.П.* Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.
- Иванова 2002 – *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002.
- Колоницкий 2014 – *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре Первой мировой войны // *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сборник статей.* М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.
- Конохова 2012 – *Конохова А.С.* Сестры милосердия в годы революции и гражданской войны // *Новейшая история России.* 2012. № 1. С. 91–99.
- Олешкова 2012 – *Олешкова А.М.* Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй пол. XIX в. – 1917 г. (на материалах Урала): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.
- Срибная 2015 – *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М.: ПГСТУ, 2015.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.
- Sanborn 2003 – *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003.

References

- Aksenov, V.B. (2015), "From the Motherland-Tsaritsa to the Motherland-Baba. Features of the Feminine Representation of Russia during the First World War", *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 4, pp. 1–27, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-rodiny-tsaritsy-k-rodine-babe-osobennosti-femininoy-reprezentatsii-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (Accessed 8 July 2019).
- Belyakova, N.A. (ed) (2005), *Sestry miloserdya Rossii* [Medical nurses of Russia], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Fuko, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Overseeing and punishing. The birth of the prison.], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Ivanov, A.I. and Shcherbinin, P.P. (2001), *Zhenshchina i voina v poezii i povsednevnosti v period Pervoi mirovoi voyny 1914–1918 gg.* [Woman and war in the poetry and everyday life during the First World War 1914–1918], Izdatel'stvo TGU, Tambov, Russia.
- Ivanova, Yu.N. (2002), *Khrabreishie iz prekrasnykh. Zhenshchiny Rossii v voinah* [The bravest of the beautiful. Women of Russia in wars.], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kolonitskii, B.I. (2014), "Image of the medical nurse in Russian culture of the First World War. The great war of Russia. Social order, public communication and violence at the turn of the Tsarist and Soviet era. Collection of articles", *Bol'shaya voina Rossii: social'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epoch: sbornik statei*. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 100–126.
- Konokhova, A.S. (2012), "Medical nurses during years of the Revolution and Civil War. Contemporary history of Russia", *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1, pp. 91–99.
- Oleshkova, A.M. (2012), Evolution in the organization and activities of Russian Red Cross Society in the second half of the 19th century. – 1917 (by materials from the Urals), Abstract of Cand. of Sci. (History) dissertation, Ekaterinburg, Russia.
- Sanborn, J.A. (2003), *Drafting the Russian Nation*. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925, Northern Illinois University Press, USA.
- Sribnaya, A.V. (2015), *Sestry miloserdya v gody Pervoi mirovoi voyny* [Military nurses during years of the First World War], PGSTU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abastash@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr B. Astashov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; abastash@yandex.ru

Иллюстрация единства партии
в журнале «Крокодил»
в контексте борьбы за власть
в середине 20-х годов XX в.

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется коммуникативная связь внутри-политической борьбы в ВКП(б) с сатирическим журналом «Крокодил» (приложение «Рабочей газеты»), выходившим массовым тиражом. Обычно иллюстрации «Крокодила» не изображали реальные мотивы политического противоборства, их задача сводилась к тому, чтобы показать неприятие любой партийной оппозиции как таковой. Но в декабрьском номере «Крокодила» (№ 47) за 1925 год на лицевой странице журнала вдруг появляется изображение, в котором все вожди партии заняты общим строительством, и сколько ни всматривайся в рисунок – в нем не найти главного вождя. Таков политический заказ. В статье анализируются причины того, почему стало возможным появление в сатирическом журнале явно идеологического рисунка – с попыткой, одобренной на самом верху политической власти – изобразить именно «единство партии», а не предстоящий XIV съезду партии раскол, о котором многие большевики говорили уже открыто.

Ключевые слова: сталинизм, журнал «Крокодил», Лев Троцкий, Иосиф Сталин, Григорий Зиновьев, история ВКП(б)

Для цитирования: Юрганов А. Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 135–145. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-135-145

Illustration of party unity in the magazine “Crocodile”
in the context of the struggle for power in the mid-20s

Andrey L. Yurganov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, iurganov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the communicative connection between the internal political struggle in VKP(b) and the satirical magazine “Crocodile” (a supplement to “Rabochaya Gazeta”), which was published in mass circulation. Usually the Crocodile illustrations did not depict the real motives of the

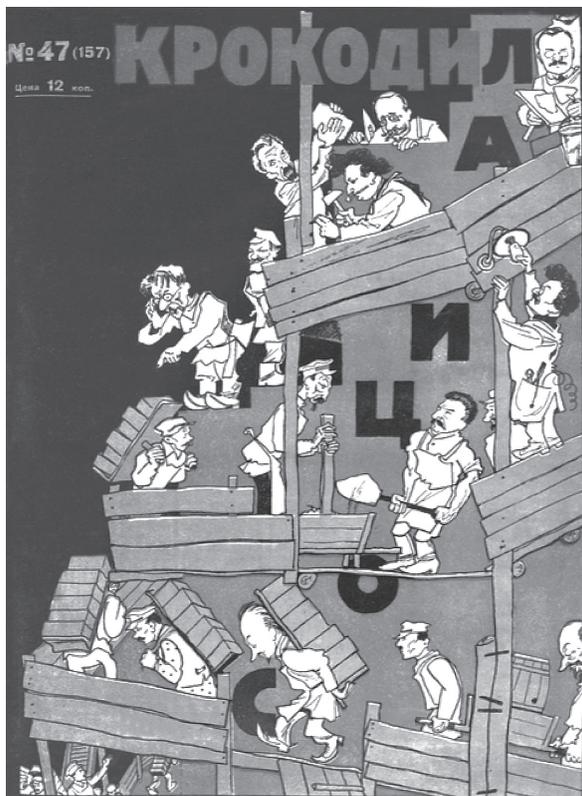
political struggle; their task was to show the rejection of any party opposition as such. But in the December 1925 issue of “The Crocodile” (No. 47), the front page of the magazine suddenly displays an image in which all the party leaders are busy with general construction, and no matter how much you look at the picture – you will not find the main leader in it. Such was a political order. The article analyzes the reasons for the possibility of an appearance of an obviously ideological drawing in a satirical journal – with an attempt, approved at the very top of the political power – to portray exactly the “unity of the party”, and not a split that was about to happen ahead of the XIV Congress of the party, about which many Bolsheviks were speaking openly.

Keywords: Stalinism, “Crocodile” magazine, Leo Trotsky, Joseph Stalin, Grigory Zinoviev, history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)

For citation: Yurganov, A.L. (2020), “Illustration of party unity in the ‘Crocodile’ magazine in the context of power struggle in the middle of 20-s of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 135-145, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-135-145

То, что происходило в партии большевиков в середине 20-х годов, необходимо было транслировать в советское общество – и таким образом транслировать, чтобы не возникало недопонимание между партией большевиков и широкими массами людей, читавших, например, сатирический журнал «Крокодил» (приложение к «Рабочей газете» с поистине огромным тиражом). Такая коммуникация призвана была объяснить политическую ситуацию и предупредить нежелательные комментарии. Но иллюстрации не изображали реальные мотивы политического противоборства, их задача сводилась к тому, чтобы показать неприятие любой партийной оппозиции как таковой, а затем подвергнуть эту невозможную для партии ситуацию оскорбительному осмеянию через домысливание и художественное оформление оскорбительных символов. Общественному осмеянию подвергались не реальные мысли оппозиционных лидеров, а их *воображаемые* личные сущности. При такой идеологической проработке общественного сознания человек мог не принимать оппозицию не потому, что она мыслит ошибочно, а потому лишь, что ее уже представили в унижительных образах – в сатирическом глумлении.

Однако в декабрьском номере «Крокодила» (№ 47) за 1925 г. на лицевой странице журнала изображено, как все вожди партии заняты общим строительством, и сколько ни всматривайся в рисунок – не найти главного среди них: все равны! Для появления такой иллюстрации имелись серьезные основания. Причем такие основания, которые говорят о заинтересованности в подобном изображении на самом верху партийной власти.

«Крокодил». 1925. № 47. С. 1

В определенном смысле этот рисунок – символ уходящей эпохи, эпохи вождей, когда в партии еще не определился главный лидер. Однако изобразить эту эпоху вождей революции хотел именно тот, кто больше всех рвался к единоличной власти – сам Сталин. Рассмотрим эту иллюстрацию в историческом контексте подготовки и проведения XIV съезда партии большевиков, чтобы понять, почему была необходима именно такая картинка.

Итак, кто из вождей партии изображен?

Если «спускаться» сверху вниз, то мы увидим таких партийных лидеров: В.М. Молотова, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Г.Е. Зиновьева, М.И. Калинина, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина. Другие лица, хотя и видны, но могут быть узнаны только с долей вероятности.

Итак, абсолютное равенство вождей партии до такой степени выдержано в рисунке, что требует своего объяснения, – почему так?

Номер журнала появился буквально в первые дни работы XIV съезда партии большевиков. Под рисунком написано: «Иллюстрация “Крокодила” к политическому и организационному отчету ЦК РКП». Время появления журнала можно уточнить. «Крокодил» выходил четыре раза в месяц: это значит, что № 47 за декабрь должен был выйти на третьей неделе декабря. Съезд начался 18 декабря, закончился 31 декабря 1925 г. Политический отчет ЦК произнес И.В. Сталин 18 декабря. Публикация его речи в «Правде» вышла 20 декабря. 23 декабря Сталин произнес уже «Заключительное слово» по политическому отчету, из которого следовало, что в партии возникла мощнейшая оппозиция и никакого, даже формального, единства уже нет: значит, номер «Крокодила» вышел в промежутке работы съезда – с 18 до 23 декабря. Если учесть, что «Правда» не в тот же день опубликовала речь Сталина, промежутки этот может быть еще уже – с 20 до 23 декабря.

По традиции считалось, что первым лицом в партии является тот, кто зачитывает «политический отчет ЦК». На XIII съезде партии этим первым лицом был Г.Е. Зиновьев. Теперь же власть переходила в руки Сталина.

Наметился масштабный поворот в кадровой политике...

В политическом отчете ЦК, прочитанном Сталиным, ничего не было сказано о Троцком и троцкизме, хотя только что прошла гигантская «литературная дискуссия» по поводу «Уроков Октября», а в январе 1925 г. состоялся Пленум ЦК и ЦКК, на котором Сталин объявил о «ревизии ленинизма». Он сказал также, что Троцкий не признал свои ошибки. Но он не сделал этого и потом – так что вопрос об ошибках Троцкого был открыт, а не закрыт...

И вот теперь – удивительное молчание в «политическом отчете ЦК». Напротив, журнал «Крокодил» убеждает людей, что в партии нет разногласий! Таков пафос, явно исходящий от партийного руководства страны. Хотя очевидно, что этот рисунок скрывает реальность противоположную – ожидание тяжелейшего кризиса и появление новой оппозиции.

Итак, Троцкий оказался фигурой умолчания на XIV съезде партии. Никаких «итогов» по литературной дискуссии не прозвучало.

Как такое стало возможным, если «отчет» по смыслу своему требует отчитаться о том, что было дискуссионным в партии? Ведь Троцкий не признал себя неправым!

Эта странная коллизия обретает свою логику, если согласиться с Н. Валентиновым (Вольским), одним из самых информированных свидетелей той эпохи, который сообщает, что в конце марта –

начале апреля 1925 г. состоялась тайная встреча Троцкого и Сталина – «и после долгого объяснения (они) будто бы решили помириться»¹. Об этом рассказал ему Д.Б. Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса.

Объясняя мотивы Сталина, Валентинов назвал такую причину, которая не выглядит убедительно (что, собственно, и мешает поверить в саму встречу), – якобы генсек хотел, чтобы без критики его действий в Гражданскую войну переименовали Царицын в Сталинград. Что касается Троцкого, то его мотивы, по крайней мере внешне, не выглядят сомнительными: он хотел продолжить издавать свои сочинения, а в качестве бонуса за лояльность получить должность руководителя ВСНХ².

Но почему эта встреча, не подтвержденная пока документально, с высокой вероятностью могла быть? Настолько, что без этого звена в политических событиях трудно понять саму внутрипартийную борьбу (более подробный анализ см.: [Васецкий 1992, с. 223; Такер 2006, с. 203–269; Апальков 2017]).

Обратимся к предшествующим событиям.

Л.Д. Троцкий сам допустил такое соглашение, когда в мае 1924 г. на проходящем XIII съезде партии сказал, к великому огорчению своих поклонников и особенно поклонников его «Нового курса» (1923), что «никто не может быть правым против своей партии. Правым можно быть только с нею». Многие его сторонники считали это заявление предательством, потому что под «партией» явно понималось ее руководство³.

С 27 по 29 апреля 1925 г. проходила Четырнадцатая партийная конференция, предварявшая собой партийный съезд в декабре 1925 г. Что странно? Троцкий не стал ее делегатом, а Сталин не выступал вообще, предоставив право открывать и закрывать конференцию Л.Б. Каменеву. По партийным вопросам выступал В.М. Молотов, о сельскохозяйственном налоге говорил А.Д. Цюрупа, о кооперации – А.И. Рыков, о металлопромышленности – Ф.Э. Дзержинский, о задачах Коминтерна и РКП – Г.Е. Зиновьев, о революционной законности – А.А. Сольц. Прозвучал также теоретический доклад Н.И. Бухарина.

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 289.

² Н. Валентинов писал: «Вскоре, именно после слуха об этой таинственной встрече, появилось сообщение, что Троцкий назначен членом президиума ВСНХ, начальником Электротехнического управления, председателем научно-технического отдела ВСНХ и председателем Главного Концессионного Комитета» (Валентинов Н. (Н. Вольский). Указ. соч. С. 289).

³ Там же. С. 286.

Чтобы Троцкий смирился с отсутствием приглашения на конференцию, а Сталин промолчал на ней – требовались условия; и только предварительный тайный сговор между ними мог бы объяснить их неучастие в обсуждении важных вопросов на партконференции, а значит, и кадровых результатов будущего съезда...

Троцкий мог пойти на временный союз со Сталиным лишь при одном условии – оно, скорее всего, и было озвучено Сталиным на тайной встрече. Генсек мог сообщить, что назрела пора отодвинуть от высшей власти в партии Г.Е. Зиновьева, а с ним и всю ленинградскую организацию. Иначе говоря, собрать съезд именно в Москве, самому прочитать политический отчет ЦК и таким образом сместить Г.Е. Зиновьева. Это был главный пункт всей борьбы – политический отчет ЦК и место встречи.

На XIII съезде в 1924 г. было решено, что следующий съезд пройдет в Ленинграде, – подразумевалось, что Зиновьев вновь прочитает политический отчет ЦК и таким образом сохранит за собой место главного теоретика партии. Однако ЦК партии во главе со Сталиным принял решение проводить съезд в Москве.

Валентинов писал:

Встреча, несомненно, состоялась, но где, когда? Можно предположить, что она произошла на Кавказе, там первые месяцы 1925 г. жил Троцкий. Что же касается даты встречи, ее нужно отнести, вероятно, к концу марта или началу апреля. У той, как и у другой стороны, были веские причины встречу замалчивать. Нужно знать, что в политическом образовании, которое Рязанов называл «Закаси» (Зиновьев, Каменев, Сталин), – т. е. тройке, господствовавшей в 1923–1924 гг., обнаружилась в начале 1925 г. трещина: Зиновьев начал «брыкаться». У него не было стычки личного характера со Сталиным, различия в понимании ленинизма и разногласия в вопросе о построении социализма в одной стране. У Сталина, любившего, как говорилось тогда, «финтить» (позднее это называлось «маневрированием»), явилась мысль сильнейшим образом вооружить Троцкого против Зиновьева. Нельзя допустить, чтобы в Политбюро Зиновьев выступал вместе с ним. Помешать их опасному единению он мог, толкая Троцкого против Зиновьева. Это легко можно было сделать: Сталину нужно было только рассказать со всеми подробностями, как Зиновьев в конце 1924 г. пускал самые отвратительные средства, чтобы выбросить Троцкого из Политбюро и даже из партии⁴.

⁴ Там же. С. 323–324.

Косвенно о тайном стоворе Троцкого и Сталина свидетельствует история письма Троцкого, опубликованного в июльском номере (№ 16) журнала «Большевик» за 1925 год по поводу книги американца Макса Истмена «Since Lenin Died» («После смерти Ленина»), в которой тот повторил многие слова и мысли Троцкого, записанные при личных встречах.

Троцкий ответил, что не было никакого ленинского «завещания», а в партии царит единодушие...

Валентинов полагал, что это ужасное для репутации оппозиционера письмо, Троцкий написал, поскольку уже действовало соглашение со Сталиным, согласно которому он получит в свои руки ВСНХ. Но чтобы никто из верхушки партии (ни Рыков, ни Бухарин, ни Томский, ни Ворошилов) не препятствовали назначению, самому Троцкому следовало показать лояльность. Валентинов отмечал:

Сознательным искажением фактов, им самим установленных, критикой книги Истмена он старался показать, что за последнее время сильно изменился. Теперь должно быть понятным, почему о своей встрече обе стороны (Сталин и Троцкий. – А. Ю.) считали нужным умалчивать. Троцкому нужно было скрыть, что он рассчитывал на содействие Сталина для «прыжка выше», а Сталину – скрыть, что «умасливал» Троцкого с целью беспрепятственного переименования Царицына⁵.

Конечно, не переименование Царицына беспокоило Сталина, волновал его вопрос о власти – в самый решающий момент ее взятия под свой контроль.

Здесь важно увидеть политический контекст, не замутненный последующими заявлениями. Троцкий, публикуя «Уроки Октября» осенью 1924 года, боролся не со Сталиным – которого даже не упомянул – а с Зиновьевым и Каменевым. Он напомнил им не только об «октябрьской ошибке», но и упрекнул еще и в трусости. Вся партия большевиков бросилась тогда защищать Зиновьева и Каменева, и только Сталин, не претерпевший от прозвучавшей критики никакого урона, отбивал атаки на Троцкого, как мог.

В своем «Заключительном слове» к политическому отчету на XIV съезде Сталин сказал, что в конце 1924 г. именно ленинградская парторганизация требовала вывести Троцкого из Политбюро:

⁵ Валентинов Н. (Н. Вольский). Указ. соч. С. 326.

С чего началась наша размолвка? Началась она с вопроса о том, «как быть с Троцким». Это было в конце 1924 г. *Группа ленинградцев* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) вначале предлагала исключение Троцкого из партии. Я имею тут в виду период дискуссии 1924 года. Ленинградский губком вынес постановление об исключении Троцкого из партии. Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим (голоса: «Правильно!»), *имели некоторую борьбу с ленинградцами* и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении⁶.

Сталин продолжал:

Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и *ленинградцы вместе с Каменевым* (курсив мой. – А. Ю.) потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена. Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии? (Аплодисменты)⁷.

Л. Троцкий, столкнувшись с оппонентами «Уроков Октября», не мог не заметить, что среди самых кровожадных и жаждущих места были именно «ленинградцы». Один из них, Г. Сафаров, учинил ему настоящее «кровопускание» в 1924 г., выпустив в свет брошюру «Троцкий о Ленине и ленинизме», в которой он грубо обрушился на Троцкого, обвиняя во всех смертных грехах.

Но вернемся к Сталину. Генеральный секретарь партии большевиков знал – как и все вокруг – что партией может руководить только вождь-теоретик, а он таковым не был признан. «Теоретиков» было немного, и на первых порах Сталин был вынужден лавировать между ними таким образом, чтобы наносить смертельные удары одним из них при помощи других. Чтобы победить Зиновьева, Сталину необходимо было заручиться нейтралитетом Троцкого.

Так оно и случилось: Троцкий сидел в президиуме XIV партийного съезда и не проронил ни слова.

Он видел, как отчаянно боролся со Сталиным его главный в то время враг – Зиновьев, который обратился к президиуму съезда с

⁶ *Сталин И.В.* Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета // *И.В. Сталин. Сочинения. Т. 7.* 1925. М.: ОГИЗ, 1947. С. 379.

⁷ Там же. С. 379–380.

просьбой разрешить, согласно Уставу партии, сделать политический содоклад. Это означало, что Зиновьев и ленинградская организация партии превращались в оппозицию большинству. Они невольно становились противниками резолюции X съезда «О единстве партии», которую сталинская группировка рассматривала как главное оружие в борьбе за власть.

Содоклад – это принципиально *другой* политический отчет Центрального Комитета.

Но ведь на партконференции в апреле 1925 г. не было никаких принципиальных разногласий, кроме обсуждения одного неудачного высказывания Бухарина, от которого тот сразу же отрекся.

Хитрость Сталина состояла в том, что он сам не выступал на партконференции, не давал повода думать, что рвется к власти, а в нужный момент решительно взял под контроль ситуацию со съездом. Если Зиновьев не критиковал решения партконференции в апреле 1925 г. – а повода не было, – то ему было гораздо труднее найти аргументы, которые показывали бы съезду принципиальные разногласия, а не только личное стремление к власти. Ведь всякая партконференция перед съездом – это почва готовящихся решений, время их согласования.

Интересно, что в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев умудрился перепутать два съезда – XIV и XV, – но сам дух произошедшего события с переменой руководства передал абсолютно верно:

На XV партсъезде (XIV. – А. Ю.) развернулась очень острая борьба с зиновьевцами. Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум съезда и потребовала на основе Устава ВКП(б), чтобы от этой делегации выступил содокладчик. Они выдвинули Зиновьева и хотели, чтобы он сделал содоклад к докладу Сталину. Я сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIV съезде партии доклад делал еще Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. А на XV съезде (XIV. – А. Ю.) Сталин уже делал доклад. Это было для нас, делегатов съезда, вполне понятным, выявились разные точки зрения, разная политика, в ЦК партии наметились большинство и меньшинство. Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше, после смерти Ленина, а Сталин⁸.

И, пожалуй, самое ценное из того, что он вспомнил о XIV партсъезде – это переданная атмосфера ожидания партийного раскола:

⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 88.

Помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится, воробы обо всем чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, *даже и для обывателей* (курсив мой. – А. Ю.), что в партии наметился глубокий раскол⁹.

Вот, собственно, что означала эта странная иллюстрация в «Крокодиле». В ней нет правды о единстве партии, зато «читается» *последний аккорд* политической игры Сталина против двух его врагов – с одним удалось обманым путем договориться, а с другим – расправиться на съезде.

Иллюстрация в журнале «Крокодил» выражает собой особое сталинское лицемерие, ставшее политическим приемом борьбы с врагами. Хрущев, вспоминая то время, писал:

Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству партии и, если не уважение, так хотя бы терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые хотели правильно его понимать. И я в том числе тоже явился жертвой сталинской уловки¹⁰.

Вот так не только слова Сталина, обращенные к партии, но и картинка в журнале «Крокодил» участвовала в создании коллективной иллюзии единства партии – весьма эффективной в своей суггестии, – за пределами которой шла жестокая и беспощадная борьба на уничтожение.

Литература

- Апальков 2017 – *Апальков Д.И.* Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
 Васецкий 1992 – *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. 350 с.
 Такер 2006 – *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. 880 с.

References

- Apal'kov, D.I. (2017), *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920 – nachalo 1930)* [Internal political struggle in the RCP (b) – VKP(b) (1920s – early 1930s)], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
 Taker, R. (2006), *Stalin. Istoriya i lichnost'* [Stalin History and Personality], Ves' mir, Moscow, Russia.
 Vasetskii, N. (1992), *Trotskii: Opyt politicheskoi biografii* [Trotskii an essay of the political biography], Respublika, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; Iurganov@yandex.ru

Топика ностальгии.
Советская песня в кинематографе и на эстраде:
опыт изучения мультимедийного пространства

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. Автор статьи анализирует приемы мотивирования ностальгии в советской песне 1930–1980-х гг. Такая задача ставится и решается впервые. Констатируется, что апелляция к ностальгии традиционно использовалось в качестве подтверждения любви к родине. Доказывается, что такой аргумент постольку не применялся в пропаганде до конца 1930-х гг., поскольку лирическим героем песни мог стать только советский гражданин, а общепонятных причин его длительного пребывания за границей не было. Отмечено, что уже ко второй половине 1940-х гг. длительное пребывание советского гражданина за границей мотивировалось его военным прошлым. Однако уже через десять лет эта мотивировка исчерпала себя, начался поиск иных. Устанавливается, что принципиально новые так и не были предложены, а ссылки на эмигрантскую ностальгию минимизировались цензурой. Рассмотрена в статье и традиция полемического осмысления советских пропагандистских установок. Анализируются примеры, относящиеся к так называемой самодельной или бардовской песне и эстрадной культуре рубежа 1980-х–1990-х гг.

Ключевые слова: патриотизм, ностальгия, пропаганда, СССР, война, эмиграция, идеология, барды, эстрада, фильм, клип

Для цитирования: Фельдман Д.М. Топика ностальгии. Советская песня в кинематографе и на эстраде: опыт изучения мультимедийного пространства // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 146–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-146-160

The topica of nostalgia.
Soviet song in cinematography and on stage.
An essay on studying the multimedia space

David M. Feldman

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru

Abstract. The author of this article analyzes methods of the nostalgia motivation in the Soviet song of 1930s and 1980s. Such task is set and solved for the first time.

It is noted that appeal to nostalgia has traditionally been used as an evidence of love for the homeland. It is proved that such an argument was not used in propaganda until the end of the 1930s, because only a Soviet citizen could become the lyrical hero of the song, and there were no generally understandable reasons for his long stay abroad.

It was noted that by the second half of the 1940s, the long stay of a Soviet citizen abroad was motivated by his military past. However, in ten years that motivation had already exhausted itself and a search for the others began. It is established that fundamentally new ones were never offered, and references to emigrant nostalgia were minimized by censorship.

The tradition of polemical comprehension of the Soviet propaganda attitudes is also considered in the article. Examples relating to the so-called amateur or bard song and pop culture of the turn of the 1980s 1990s are analyzed.

Keywords: patriotism, nostalgia, propaganda, USSR, war, emigration, ideology, bards, variety, film, clip

For citation: Feldman, D.M. (2020), "The topica of nostalgia. Soviet song in cinematography and on stage. An essay on studying the multimedia space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 146-160, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-146-160

Свобода и осада

Цифровая среда – повседневность XXI в. Посредством современных информационных технологий в массовом сознании формируются представления о прошлом, его повседневных реалиях. В том числе относящихся к области идеологии, значит, также и пропаганды.

Осмысление ностальгии как доказательства любви к родине – прием, весьма часто использовавшийся в советской пропаганде. Вот почему интересно отражение пропагандистских установок на уровне песни.

Как известно, в советской массовой культуре поначалу не было обиходным само понятие «ностальгия». Такова специфика актуального тогда политического контекста: исключалось обсуждение проблемы тоски доляльного гражданина по родине и/или прошлому.

Во второй половине 1930-х гг. превалирующими были пропагандистские установки, согласно которым родиной советского гражданина стала вся страна. Так называемое первое в мире государство рабочих и крестьян, где осуществлена извечная мечта человечества о справедливости. Вот почему там он – везде свой, и с каждым из сограждан его связывают товарищеские отношения. Что и подразумевалось официально принятой формой обращения: не «господин», «сударь» или «милостивый государь», как в досоветскую эпоху, но «товарищ».

Досоветское прошлое характеризовалось пропагандистами негативно. Аксиоматически подразумевалось, что в целом это была эпоха угнетения большинства меньшинством. Отсюда и следовало, что советский гражданин не может тосковать по так называемому старому режиму.

В силу пропагандистских установок были отождествлены понятия «родина», «государство», «правительство», и тождество утверждено в сознании большинства населения. То, чего не могла добиться официальная пропаганда Российской империи, удалось советским пропагандистам, избавленным от конкуренции в области идеологии. По крайней мере – на уровне средств массовой информации.

Пропагандистски общность граждан определялась не только правами, но и общими жизненно важными интересами. В первую очередь – сохранением политического режима. Общественному сознанию навязывалась модель осмысления, традиционно именуемая «осажденной крепостью» (подробнее см.: [Одесский, Фельдман 2012, с. 23–37]).

Таковой считалась вся страна, окруженная, как утверждали пропагандисты, врагами, стремящимися захватить ее, уничтожить государство, поработить население. Соответственно, каждый советский гражданин стал частью своего рода гарнизона, обороняющего пресловутую осажденную крепость, и самовольный выход за ее пределы осмыслялся как измена, создающая угрозу остальным защитникам.

Актуальные пропагандистские установки отражал и текст очередной конституции, подготовленный к началу 1935 г. Сама идея нового основного закона, утверждающего идеи свободы и равенства, уже обсуждалась в массовой периодике. Шла подготовка к так называемому всенародному обсуждению – по всем регионам

страны, на собраниях в учреждениях и предприятиях, инспирировались еще и письма граждан, адресованные Конституционной комиссии, возглавляемой И.В. Сталиным (см., напр.: [Кукушкин, Чистяков 1987]. Ср.: [Хлевнюк 2012, с. 200–256]).

Конституционные положения были отражены и на песенном уровне. Своего рода иллюстрация – «Песня о Родине», написанная И.О. Дунаевским на стихи Л.В. Лебедева-Кумача для фильма Г.В. Александрова «Цирк», демонстрировавшегося с 1936 г. Хрестоматийно она известна под другим, обиходным названием – «Широка страна моя родная»¹.

Идея свободы иллюстрировалась первой же строфой:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Равенство граждан постулировалось. Все они вместе и каждый – власть:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной родины своей.

Простор ассоциировался со свободой. Общность же советских граждан эмблематизировалась официальной формой обращения:

Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое «товарищ».
Нам дороже всех красивых слов.

Конституция, разумеется, упомянута. Именно как символ равенства и единства советских граждан, их общее достояние:

За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден,
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный сталинский закон.

¹ Песня о Родине // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=WaW-XrEqe8g&fbclid=IwAR0OOYP6QNwURU2u_dhkzqtaUNcdnGeOcznqOo68ihcpsBYTZFTxhB30e0AM (дата обращения 12 июля 2019).

Обозначена готовность защитить общее достояние. Это долг каждого:

Но сурово брови мы насушим,
Если враг захочет нас сломать,
Как невесту родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Понятия «родина» и «чужбина» сопоставлены в песне имплицитно. Главный критерий сопоставления – свобода. Лирический герой свободен в пресловутой осажденной крепости, а из-за границы исходит опасность.

С ностальгией патриотизм не ассоциируется. Что закономерно в 1930-е гг. Для использования подобного рода ассоциаций надлежало объяснить, по какой причине лирический герой – советский гражданин – оказался бы вне пресловутой осажденной крепости. Ссылки на писательские вояжи и служебные командировки не годились для песни.

Будь лирический герой эмигрантом, не требовалось бы указывать причину его тоски по родине. Однако еще не для песен тема эмиграции.

Согласно актуальным в 1930-е гг. пропагандистским установкам, эмигрант – враг или жертва вражеского обмана. Песней же подразумевается, как правило, если не отождествление с лирическим героем, так сочувствие ему, а это отнюдь не соответствовало целям советской пропаганды.

Вооруженный патриот

На официальном уровне отношение к эмигрантам так называемой первой волны изменилось коренным образом уже в постсоветскую эпоху. Прежние стереотипы оказались неуместными.

Характерный пример – телесериал В.К. Котта «Петр Лещенко. Все, что было». На экранах он с 2013 г.

П.Л. Лещенко не эмигрировал. Весной 1917 г. он стал офицером русской армии, был отправлен на Румынский фронт, там ранен, лечился в кишиневском госпитале и оказался на территории, захваченной Румынией (см., напр.: [Савченко 1992, с. 78–94]).

Гражданскую войну Лещенко игнорировал. После нее в Россию не пытался вернуться: велик риск для бывшего офицера.

Вторую мировую войну он тоже пытался игнорировать, но альтернатива – концертная деятельность, контролируемая румынской

администрацией. Концерты состоялись также в оккупированной Одессе.

Летом 1944 г. румынскую столицу взяли советские войска. Претензий к Лещенко не было, но семь лет спустя он был арестован сотрудниками Министерства государственной безопасности СССР, умер в тюрьме.

Один из эпизодов телесериала – одесский концерт знаменитого певца в Оперном театре. Эмигрант – в исполнении К.Ю. Хабенского – патриот, соответственно, поет романс «Я тоскую по родине»².

Лещенко противопоставляет себя оккупантам. Вызов им бросает:

Я тоскую по родине,
По родной стороне моей.
Я теперь далеко, далеко
В незнакомой стране.

Вовсе не очевидно, почему русский эмигрант, выступая в Одессе, рассуждает о незнакомой стране. Но разъяснения – в следующей же строфе:

Проезжаю теперь Бухарест,
Всюду слышу я речь неродную.
И от всех незнакомых мне мест
Я по родине больше тоскую.

Одновременно – по сценарию – подпольщики, уже подготовившие диверсию в Одесском порту, слушают граммофонную пластинку с записью этого романса в исполнении Лещенко. До взрыва остается несколько минут.

Концерт был, диверсия тоже. Остальное – выдуманно. Песня создана осенью 1944 г., стихи написал Г.В. Храпак, музыку – Ж. Ипсиланти.

Авторы встретились именно в Бухаресте. Поэт был советским военнослужащим, а композитор – импрессарио Лещенко. Тот исполнял новую песню на концертах в офицерских клубах и войсковых частях.

Ностальгия лирического героя мотивирована. Он – военнослужащий:

Я в походе далеко теперь...

² «Я тоскую по Родине...» / исп. К.Ю. Хабенский // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_txg49hl7Ro (дата обращения 14 июля 2019).

Позже – в эмигрантской среде – текст был постольку изменен, поскольку лирическим героем стал эмигрант. Он, понятно, не в походе, а просто «далеко, далеко». Этот вариант использовал сценарист телесериала.

Применительно же к советской повседневности военных и послевоенных лет поэту надлежало указать конкретную мотивировку пребывания лирического героя за границей. Естественной была тогда ссылка на боевой поход. Она использована и в песне А.И. Островского на стихи С.В. Михалкова «Сторонка родная», исполнявшейся с 1945 г.³

Лирический герой – военный служащий. Это указано в первой же строфе:

С неразлучным своим автоматом
 Не в одной побывал я стране.
 Но везде и повсюду, ребята,
 Я скучал по родной стороне.

О ностальгии рассуждает лирический герой. Мечта – вернуться:

Батальон наш стоял в Бухаресте.
 Бухарест – неплохой городок.
 Но скажу вам ребята по чести,
 Мне милее родимый Торжок.

Прочие европейские столицы, где побывал вооруженный лирический герой, тоже не выдерживают сравнения с Торжком. Не потому, что хуже, тут критерий другой: чужие они, значит, чуждые. Дома лучше.

Та же мотивировка – в песне «Летят перелетные птицы». Она была написана в 1948 г. М.И. Блантером на стихи М.В. Исаковского⁴.

Оппозиция родина/чужбина задана первой строфой. Лирический герой рассуждает об экзистенциальном выборе:

Летят перелетные птицы
 В осенней дали голубой,
 Летят они в жаркие страны,
 А я остаюся с тобой.

³ Сторонка родная // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y6yWedMUsjA> (дата обращения 14 июля 2019).

⁴ «Летят перелетные птицы...» // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b3VrObXcbx0> (дата обращения 15 июля 2019).

Далее тезис конкретизирован. Речь идет о принципиальном отказе:

А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Неясно, по какой оказии советскому гражданину предлагалось отправиться в столь далекие путешествия. Ясно только, что он воевал:

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке,
И не было больше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.

Однако мотивирование ностальгии посредством ссылки на войну стало приемом уже привычным. Что и обусловило поиск иных мотивировок.

Пример – в песне М.Г. Фрадкина и М.Л. Матусовского «Вернулся я на родину». Исполнялась она с 1946 года⁵.

На этот раз не в боевом походе советский гражданин. За границей он в командировке:

Вернулся я на родину. Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю.

Однако за границей лирический герой именно служил. Он и одет как положено военнослужащему:

Вернулся я на родину. Опять сегодня дома я.
И, сняв фуражку вежливо, приветствую девчат.

Статус лирического героя очевиден. Это и акцентируется:

Пусть плакать в час свидания солдату не положено,
Но я люблюсь родиной и не скрываю слез.

Изменения мотивировки непринципиальны. Без служебной надобности не положено советскому гражданину жить за границей.

⁵ «Вернулся я на родину...» // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-QcVknNYXYk> (дата обращения 16 июля 2019).

Логика нарратива

В так называемую оттепельную эпоху появилась возможность мотивировать ностальгию эмиграцией. Но, разумеется, обусловленной не враждебностью к советскому режиму как таковому, а иными обстоятельствами. Пропагандистскими установками постулировалось, что эмигранты, не содействовавшие врагам своей родины, могут безбоязненно вернуться: преследований или дискриминации не будет.

Характерна в этом аспекте «Песня о родине», написанная А.Я. Эшпаем и Л.И. Ошаниным для приключенческого фильма «Ночной патруль». Демонстрировался он с 1957 г.

Один из героев фильма – бывший вор, бежавший из СССР в период войны. Раскаявшийся эмигрант и поет о родине⁶:

Я не знал, сам не знал, как я верен тебе.
 О тебе горевал безутешной тоской.
 От тебя уходил к неизвестной судьбе.
 И не мог ни на час я расстаться с тобой.

Причина эмиграции лишь обозначена. Важны последствия:

Далеко, далеко я свободу искал
 И устал, от чужбины постылой устал.
 На чужой стороне побратался с бедой
 И не знал, что свобода моя лишь с тобой.

Прагматика лирического повествования неизменна. Акцентируется:

Даже птице
 Не годится
 Жить без родины своей.

Но в аспекте идеологии нежелательной была возможность самоотжествления советского гражданина с эмигрантом. Потому единичны примеры ссылок на эмиграцию как мотивировку ностальгии.

⁶ Песня о Родине // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VBx5A7zrw1M> (дата обращения 17 июля 2019).

Очередной вариант мотивировки ностальгии предложен в песне Я.А. Френкеля на стихи И.Д. Шаферана «Сколько видано-перевидано». Исполнялась она с 1967 г.⁷

Лирический герой – моряк. Значит, ясно, почему оказался за границей:

Мы обветрены, мы просолены, нам шторма нипочем.
В дальнем плавании, в тихой гавани вспомнить будет о чем.

Но лирический герой не забывал родину. О возвращении мечтал:

И в Италии, и в Бразилии побывали с тобой.
Солнца вроде бы избылие, только тянет домой.

Возвращение – праздник для моряка. Так что выбор ясен:

Не туристы мы, но на пристани мы подолгу стоим.
Воздух Родины, он особенный, не надышишься им.

Если сравнивать с песнями сталинской эпохи, то неприципиально изменилась мотивировка ностальгии. В СССР пересекавшие границу морские суда – военные, торговые, рыболовецкие – были только государственными, так что заморские страны лирический герой посетил именно по служебной надобности. Он и впрямь не турист.

Характерно, что автор цитируемых стихов пытался рассуждать о ностальгии, не упоминая при этом войну, службу за границей, дальнейшее плавание или эмиграцию. Итог – песня на музыку Э.С. Колмановского «Журавленок». Исполнялась она с 1964 г.⁸

Повествование вновь о птицах. Конечно же, покидающих родину:

Ушло тепло с полей,
И стаю журавлей
Ведет вожак в заморский край зеленый.
Летит печально клин,
И весел лишь один,
Один какой-то журавленок несмышленный.

⁷ «Сколько видано-перевидано...» // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ydWiG4vnX-k> (дата обращения: 18.07.2019).

⁸ Журавленок / исп. М.В. Кристаллинская // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=buC3KwmXZxg> (дата обращения: 19.07.2019). Ср.: Журавленок / исп. В.К. Трошин // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PD0-6kefQFg> (дата обращения: 19.07.2019).

За веселье он и получает выговор. Несмышленому вожак объясняет:

Хоть та земля теплей,
А родина милей.

Тезис не подлежит обсуждению. Его следует запомнить навсегда:

Иначе никогда,
Дружок, не станешь журавлем ты настоящим.

Все остальные в стае уже стали настоящими. Далее – вывод:

А где-то там вдали
Курлычут журавли,
Они о родине заснеженной курлычут.

На уровне логики – тупик. Если, улетаая в заморский край зеленый, надлежит тосковать по заснеженной родине, тогда непонятно, зачем ее покидать. Когнитивный диссонанс обусловлен нарративным. Так и не удалось поэту найти мотивировку ностальгии вне идеи горькой эмиграции либо служебной надобности, подразумевавшей хотя бы имплицитную ссылку на модель осажденной крепости.

Руины идеологии

Бесспорно, выбор мотивировок ностальгии определялся не произволом авторов песенных текстов. Профессионалов ограничивала цензура.

Но примечательно, что с окончанием сталинской эпохи в СССР формировалась песенная традиция, не деформированная цензурой. Популярность так называемой самодеятельной или бардовской песни росла стремительно. Неэффективными оказались попытки советских администраторов контролировать репертуар, инкорпорируя пресловутых бардов в какие-либо официальные организации (подробнее см.: [Богомолов 2019, с. 5–62]).

Авторы, не стесненные цензурой, вольно или невольно оспаривали пропагандистские установки. Такова, например, песня

А.М. Городницкого «Жена французского посла», написанная в 1970 г.⁹

Лирический герой – советский гражданин, побывавший за границей. Но причина его путешествия даже не обозначена, важны последствия:

А мне не Тани снятся и не Гали,
Не поля родные и леса,
В Сенегале, братцы, в Сенегале
Я такие видел чудеса!

За границей лирический герой не тосковал по родине. Счастлив был:

Ох, не слабо, братцы, ох, не слабо –
Плеск волны, мерцание весла,
Крокодилы, пальмы, баобабы
И жена французского посла.

Туда, где был счастлив, лирический герой и мечтает вернуться. Откуда – контекстом подразумевается:

Не нужны теперь другие бабы,
Всю мне душу Африка свела...

Итак, сама идея тоски по родине – объект иронического осмысления. Впрочем, не только и не столько она, сколько ассоциировавшаяся с ней пропагандистская модель осажденной крепости.

Полемика с официальными пропагандистскими установками, даже имплицитная, стала одной из причин, обусловивших необычайный успех песни Городницкого в 1970–1980-е гг. Вне полемического контекста это была бы просто история любви, пусть и рассказанная не без иронии.

Явной полемика стала в конце 1980-х гг. Можно сказать, велась уже с эстрады. Характерный пример – написанная для группы «Комбинация» песня В.А. Окорокова на стихи А.В. Шишнина «American boy»¹⁰.

⁹ «Жена французского посла» / исп. А.М. Городницкий // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lD-5f6qarpg> (дата обращения 20 июля 2019).

¹⁰ American boy // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=T_hCZ_5-rEc (дата обращения 21 июля 2019).

Конфликт задан сразу. Лирическая героиня характеризует себя:

Я играю на балалайке,
 Это самый русский инструмент.
 Я мечтаю жить на Ямайке,
 На Ямайке балалаек нет.

Мечта пока нереализуема. Способ обойти запрет – брак с иностранцем:

И нету счастья в жизни личной,
 Проходят зря мои года.
 Ну, где ж ты, принц мой заграничный?
 Приходи поскорей, я жду тебя!

Лирической героине не так важно, куда ехать. Главное – уехать:

Я простая русская девчонка,
 За границей сроду не была.
 Ты – американистый мальчонка,
 Увози меня, и все дела!

Счастье – за границей. Это акцентируется рефреном:

American boy, american joy,
 American boy for always time!
 American boy, уеду с тобой,
 Уеду с тобой, Москва, прощай!

Формально объект иронии – мечта о заграничной жизни. Реально же осмеян политический режим, в силу которого единственным способом беспрепятственно покинуть СССР остается брак с иностранным паспортом.

Дальше – больше. СССР еще не распался, когда распад государственной идеологии был уже очевиден, что и отразила эстрадная культура. Хит 1991 г. – песня «Гималаи», написанная А.Г. Лукьяновым на стихи Л.П. Дербенева¹¹.

Вновь иронически осмыслена мечта о заграничной жизни. Но важно, что лирическая героиня требует не препятствовать ей:

¹¹ Гималаи / исп. М. Распутина (А.Н. Агеева) // Youtube.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XcP6X6J3oAM> (дата обращения 22 июля 2019).

Отпустите меня в Гималаи,
 Отпустите меня насовсем!
 А не то я завою, а не то я залаю,
 А не то я кого-нибудь съем!

Гималаи – не территория. Это своего рода символ деидеологизации:

Там все забуду и из мира выйду,
 Где стадо терпеливых дураков
 Страдает от инфляции и СПИДа
 И верят до сих пор в большевиков.

После распада СССР затихла полемика с прежними идеологическими установками. Соответственно, утратило былую актуальность ироническое осмысление ностальгии в качестве доказательства любви к родине.

Новой государственной идеологии – как системы – нет. Она не сформировалась. Потому в современном цифровом пространстве мирно сосуществуют – применительно к теме ностальгии – клипы песен контрарной пропагандистской направленности. Обосновывающие и отвергающие советскую пропагандистскую модель осажденной крепости.

Такое мирное сосуществование, конечно же, не парадокс. В условиях своего рода идеологического вакуума закономерны проявления тоски по безвозвратно утраченной родине – СССР. Но это тема другого исследования.

Литература

- Богомолов 2019 – *Богомолов Н.А.* Бардовская песня глазами литературоведа. М.: Азбуковник, 2019. 528 с.
- Кукушкин, Чистяков 1987 – *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской конституции. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика террора // Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 262 с.
- Савченко 1992 – *Савченко Б.* Эмигранты поневоле // Савченко Б. Кумиры забытой эстрады. М.: Знание, 1992. С. 78–94.
- Хлевнюк 2012 – *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., РОССПЭН, 2012. 478 с.

References

- Bogomolov, N.A. (2019), *Bardovskaya pesnya glazami literaturoveda* [Bard song as seen by a literary critic], Azbukovnik, Moscow, Russia.
- Khlevnyuk, O.V. (2012), *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kukushkin, Yu.S. and Chistyakov, O.I. (1987), *Ocherk istorii Sovetskoi konstitutsii* [An essay on the history of Soviet Constitution], Politizdat, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Fel'dman, D.M. (2012), "The terror poetics", Odesskii M.P., Fel'dman D.M. *Poetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revolyutsiya. Terror* [The poetics of power. Tyrant fighting. The revolution. Terror] Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya, Moscow, Russia.
- Savchenko, B. (1992), "Emigrants by constraint", Savchenko B. *Kumiry zabytoi estrady* [Idols of the forgotten stage.], Znaniye, Moscow, Russia, pp. 78–94.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dmfeld@inbox.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 12.11.2020.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1004

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru